

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (12)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2013**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 2 (12)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2013**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник народного образования

Рябов В.В.

заместитель председателя

президент ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Иванова Т.С.

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
заслуженный учитель РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Данилов А.А.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.В.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.В.

кандидат исторических наук, профессор

Корнилов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачёв С.П.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© Московский городской педагогический университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Торон В.В.</i> Роль личностного фактора в кадровой политике самодержавия при формировании административной структуры военных поселений в первой четверти XIX века	8
<i>Краюшкина Е.И.</i> Земское страхование в Тульской губернии 1864–1917 гг.	18
<i>Ершова Т.В.</i> 1913 год: экономический потенциал Москвы накануне Первой мировой войны	32
<i>Шевцов В.В.</i> «Пасынок сибирской печати»: неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» 1900–1919 годов	40

Новейшая история России

<i>Сучков И.В.</i> Современная историография Великой Отечественной войны	54
<i>Мозгунов А.А.</i> Советское военное руководство в битве на Курской дуге	65

Всеобщая история

<i>Копоть Е.М.</i> Митрополит Агапий Эдесский: «русский воспитанник» и типичный монах-левантиец второй половины XIX века	75
<i>Жиряков И.Г., Барабанов М.В.</i> Проект «Великая Венгрия» в политике современных венгерских правых партий	87
<i>Рагимова А.Ф.</i> Россия и Азербайджан: стратегическое взаимодействие (историографический аспект).....	96

Методика преподавания истории

- Орлов А.А.* О профессиональной мотивации студентов-историков (бакалавриат) в рамках учебной дисциплины «История стран Запада в Новое время» 107

Критика. Рецензии. Публицистика

- Михайловский Ф.А.* Рецензия на монографию А.М. Сморгкова «Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы» (М.: РГГУ, 2012. 602 с.) 115

Научная жизнь

- Хаванов Е.И.* Отвечая на вызовы времени 125

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки». 2013, № 2 (12).....

127

- Требования к оформлению статей.....** 130

CONTENTS

History of Russia: From Ancient Times to 1917

- Torop V.V.* The Role of the Personal Factor in the Personnel Policy of the Autocracy in the Formation of the Administrative Structure of the Military Settlements in the First Quarter of the XIX Century8
- Krayushkina E.I.* Zemstvo Insurance in Tula Region in 1864–1917.....18
- Ershova T.V.* 1913: the Economic Potential of Moscow on the Eve of the First World War32
- Shevtsov V.V.* «Stepson of Siberian Press»: Unofficial Part of «Irkutsk Provincial Sheets», 1900–1919.....40

Modern History of Russia

- Suchkov I.V.* Contemporary Historiography of the Great Patriotic War64
- Mozgunov A.A.* Soviet Military Commanders in the Battle of Kursk75

General History

- Kopot E.M.* Edessa Metropolitan Agapitos is a «Russian Educatee» and a Typical Levantine Monk of the Second Half of the XIX Century85
- Zhiryakov I.G., Barabanov M.V.* The Project «Great Hungary» in the Policy of Contemporary Hungarian Right-Wing Parties.....97
- Ragimova A.F.* Russia and Azerbaijan: Strategic Interaction (Historiographical Aspect).....106

Methodology of Teaching History

- Orlov A.A.* On the Professional Motivation of History Students (Bachelor Degree) within the Discipline «History of the West in Modern Times»..... 117

Criticism. Reviews. Publicism

- Mikhailovsky F.A.* Review of the Book by A.M. Smorchkov «Religion and Authorities in the Roman Republic: Magistrates, Priests, Temples» (M.: RSHU, 2012. 602 p.) 125

Scientific Events

- Havanov E.I.* Responding to the Challenges of the Time..... 134

- Authors of «Vestnik of MCTTU», Series «Historical Studies», 2013, № 2 (12)..... 136**

- Style Sheet..... 139**

**История России:
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
до 1917 года**

В.В. Тороп

**Роль личного фактора
в кадровой политике самодержавия
при формировании административной
структуры военных поселений
в первой четверти XIX века**

В статье рассматриваются подходы к подбору и расстановке кадров в системе военных поселений в период их становления при Александре I. Обозначена взаимосвязь личной заинтересованности императора в идее военных поселений и кадровых назначений. Выделены субъективные критерии, оказавшие влияние на подбор и назначение должностных лиц военных поселений, и особая роль в этом процессе графа А.А. Аракчеева. Уделено внимание влиянию подобной системы отбора на личность служащих, условия оставления ими службы.

Ключевые слова: военные поселения; Александр I; кадровая политика; А.А. Аракчеев.

История создания и развития военных поселений в России, вызвавшая огромный общественный резонанс и интерес со стороны исследователей в XIX и XX веках, сегодня остается одной из интересных страниц российской истории. Особая форма организации армии, повлиявшая на формирование внутренней и внешней политики страны в первой половине XIX века, рассматривалась исследователями в основном с точки зрения ее включенности в социально-экономические процессы, возможности трансформации системы комплектования армии.

Системе военных поселений с административных позиций объективно наибольшее внимание в своих трудах посвятил К.М. Ячменихин, справедливо полагавший, что «исследование форм и методов функционирования системы военных поселений должно способствовать выявлению особенностей политики самодержавия в условиях системного кризиса государства» [18: с. 5].

Эффективность работы любой организации зависит от способности и умения управленцев всех звеньев системы организовать административные связи, позволяющие наладить контроль за реализацией поставленных целей. Поэтому в рамках организации системы управления военными поселениями кадровый вопрос был первостепенным, как и для всего административного аппарата России в период правления Александра I. Отделение органов управления военными поселениями от других армейских структур, контроль со стороны императора еще более усиливали личностный фактор при определении военных и гражданских чиновников к должности.

Кроме того, кадровая политика определяет вектор развития создаваемой организации. Это в полной мере относится и к истории создания военных поселений, кадровая политика в отношении которых может быть характерным примером работы по подбору кадров для военных и гражданских должностей в Российской империи в целом. Поэтому конкретизация отдельных аспектов функционирования системы управления военными поселениями и вопросы ее кадрового состава позволят расширить представления о развитии самодержавной России в период царствования Александра I.

Первоначальный период развития военно-поселенной системы империи связан с именем их главного начальника — графом Аракчеевым, взявшим на себя «тяжелый крест и с усердием, как всегда, принявшийся за осуществление высочайшей воли» [14: с. 24].

Назначение было весьма показательным, так как свидетельствовало о том, какое большое значение придавал Александр I военным поселениям. Именно Аракчееву император доверял самые ответственные дела, полагался на его способность реализовать любую идею, исполнительность и преданность. Ф.Ф. Вигель¹ в своих мемуарах называл Александра I «помещиком, сдавшим имение управляющему», в полной уверенности, что в этих руках «люди не избалуются» [5: с. 84]. Как отмечают современные исследователи [12: с. 58; 17: с. 83], Аракчеев был удобен императору, так как именно на него как главное доверенное лицо императора обращалась вся критика со стороны общественности. Это позволяло Александру I оставаться в тени и не давать повода для недовольства им.

В исторической литературе меры, предпринимаемые Аракчеевым в области кадровой политики, традиционно оцениваются как реакционные [17: с. 117–128]. Основанием такого подхода стала действительно болезненная реакция графа на любую попытку приблизиться к императору и тем самым оказать на него влияние. Зная эту черту характера Аракчеева, С.М. Сперанский так напутствовал Г.С. Батенькова при поступлении к нему на службу: «1) Ничего с ним никогда не говорить о военных поселениях; 2) Ежели не хочу быть замешанным

¹ Вигель Филипп Филиппович (1786–1856) — русский мемуарист первой половины XIX века, автор известных «Записок» (1864–1865 гг.), в которых дана характеристика большого числа государственных и общественных деятелей того времени, с которыми он был знаком.

в хлопоты, вести себя у графа совершенно на службе и избегать всех домашних связей; 3) Никогда не давать графу заметить, а лучше и не думать, что я могу, кроме его, иметь к Государю другие пути» [9: с. 464]. Как далее отмечает сам Батеньков, точное исполнение этих советов позволило ему три года достаточно плодотворно работать с Аракчеевым над созданием «Учреждения о поселениях» [6: с. 142–143]. Комиссия, куда, кроме инженер-майора Г.С. Батенькова¹, входили инженер генерал-майор Ф.А. Бухмейер, управляющий Вторым отделением Отдельного корпуса военных поселений статский советник И.Ф. Самбурский, должна была «...собрать воедино все изданные доселе проекты и Положения о военных поселениях и все вообще постановления относительно к устройству сих поселений...» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 151. Л. 33). Поэтому одним из условий успешной карьеры можно считать соблюдение четкой субординации в отношениях с графом. Этого не отрицал и сам Аракчеев, известное высказывание которого приводит в своих мемуарах С.И. Маевский: «Лишь бы он не умничал, а делал то, что я приказываю» [15: с. 430].

Состав комиссии был примечательным еще и тем, что в нее вошли люди, долгое время тесно работавшие под началом графа над другими проектами и нередко помогавшие ему в личных вопросах. Так, например, Федора Евстафьевича Бухмейера² и Александра Андреевича Аракчеева связывали и достаточно близкие личные отношения. Бухмейер заботился о сыне и брате Аракчеева [4: с. 154]. При этом именно под началом Аракчеева Бухмейер многое сделал для развития артиллерийского производства до и в период Отечественной войны 1812 года. Тем самым можно отметить, что наличие таланта администратора при формировании системы военных поселений был для Аракчеева определяющим при производстве на должности.

Кадровые перестановки последних лет царствования Александра I также рассматриваются в исторической литературе как подтверждение реакционной политики графа в кадровом вопросе. Однако административную деятельность А.А. Аракчеева на посту главного начальника военных поселений следует рассматривать именно с точки зрения стремления сделать образцовой военно-поселенную систему.

¹ Батеньков Гавриил Степанович (1793–1863) — декабрист, подполковник корпуса инженеров путей сообщения, поэт, автор критических статей. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. В 1817–1821 гг. под началом М.М. Сперанского работал в Сибири. Член совета военных поселений в 1823–1825 гг. После восстания 14 декабря 1825 г. был осужден на 20 лет каторги.

² Бухмейер Федор Евстафьевич (1764–1841) — выпускник Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, с 1806 г. управляющий Киевским и Брянским арсеналами. В 1808 г. назначен членом совета Артиллерийского департамента Военного министерства. В 1818 г. стал председателем Экономического комитета военных поселений, с 1822 г. — членом Совета «господина главного над военными поселениями начальника» (А.А. Аракчеева). Уволен в отставку в 1824 г. по болезни.

Настойчивость и требовательность, изучение всех сторон жизнедеятельности поселений, будь то дороги или казармы, дома или школы, были отличительными чертами деятельности графа. Эти же черты он желал видеть и в своих подчиненных, которых назначал на административные должности в системе военных поселений. Желание как можно более точно реализовать идею императора во многом объясняет и тот факт, что подбором кадров для назначения на военные и гражданские должности занимался сам Аракчеев. А сами утверждения на должности происходили по личному решению императора после знакомства с кандидатами и представления графа. Это подтверждает и переписка Александра I с графом Аракчеевым, в которой «проскальзывает исключительное, доходящее до удивления, постоянное внимание, забота, опасение, почти навязчивая идея во всем, что касается военных поселений, желание никого даже близко к ним не подпускать» [3: с. 125].

Требовательность к дисциплине и порядку во всех делах отличала Аракчеева. Этого он требовал и от своих подчиненных. Невыполнение распоряжений начальства, упущения по службе вели к нередким отставкам должностных лиц. «В жизни моей я руководствовался всегда одними правилами — никогда не рассуждал по службе и исполнял приказания буквально, посвящая все время и все силы мои службе царской. Знаю, что меня многие не любят, потому что я крут, да что делать? Таким меня Бог создал! И мною круто поворачивали, а я за это остался благодарен. Мягкими французскими речами не выкуешь дела! Никогда я ничего не просил для себя, и милостью Божьей дано мне все! Утешаюсь мыслью, что я был полезен» [1: с. 261].

Проецируя свое стремление быть взыскательным и строгим к самому себе на людей, работающих с ним, Аракчеев требовал того же от претендентов на должности в администрации военных поселений. Г.С. Батеньков, служивший в Совете главного над военными поселениями начальника в 1823–1825 годах, так характеризовал это его свойство: «Принимая фанатизм в действие природы, включал в него человека, с его я, при котором он никогда выйти не может, как бы качественно и количественно ни углублялся в свою и космическую духовную сущность» (ОР РГБ. Ф. 20. К. 6. Ед. Хр. Л. 1–4.). Он отмечал также умение А.А. Аракчеева подбирать кадры сообразно функционалу, возлагаемому на них: «Аракчеев с первого взгляда умеет расставить людей сообразно их способностям: ни на что постороннее не смотрит» [2: с. 102–103].

И действительно, среди людей, которые принимали активное участие в строительстве военно-поселенной системы, не было людей случайных. Достаточно обратить внимание на личность графа И.О. Витта¹, сыгравшего

¹ Витт Иван Осипович (1781–1840) — генерал от кавалерии, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. В 1817 г. ему было поручено формирование южных кавалерийских поселений. В 1823 г. был назначен начальником этих поселений. Участвовал в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. и был назначен варшавским военным губернатором. С 1832 г. состоял инспектором всей поселенной кавалерии.

немаловажную роль в развитии военно-поселенной системы юга России. Назначение Витта можно рассматривать как еще одно проявление личного фактора в процессе кадровых назначений. Ф.Ф. Вигель в своих мемуарах писал о графе И.О. Витте: «Учреждение военных поселений было для него счастливым событием: он полюбился Аракчееву, гораздо еще более самому царю и назначен начальником сих поселений в Новороссийском крае» [5: с. 467].

Традиция дореволюционной и советской историографии связывала деятельность графа Витта с общей реакционностью политики административного аппарата самодержавия. Но несмотря на негативные оценки со стороны современников и советских историков, связанные в большей степени с его ролью в выявлении тайного заговора декабристов, отношение к И.О. Витту со стороны современных историков изменилось. Введенные в научный оборот Т.Н. Кандауровой архивные материалы свидетельствуют, что он по праву может считаться неординарным военным теоретиком и практиком. Профессиональный взгляд на проблемы формирования, содержания и развития армии прослеживается в сохранившихся архивах военного ведомства [13: с. 344–348]. Витт высказывал предложения о необходимости борьбы с неграмотностью офицерского корпуса, предлагая поставить в зависимость от его уровня продвижение по службе и ввести экзамены перед получением очередного чина.

Тот факт, что основным критерием отбора кандидатов на административные должности в военных поселениях была преданность делу, подтверждают и слова Александра I, переданные отрядному командиру генерал-майору С.И. Маевскому¹ графом Аракчеевым при определении его к должности: «Как кажется, он любит поселение и подает надежду» [15: с. 432].

Назначение Маевского более чем показательно. Оно подтверждает личное участие императора в кадровом вопросе, касающемся военных поселений. Как описывает в своих мемуарах сам генерал-майор, государь взял ответственность за его назначение на себя: «...что касается человека, долженствующего управлять, я выберу его сам» [14: с. 428]. Как пишет в своих мемуарах сам Маевский о своем назначении, ссылаясь на слова статс-секретаря Трофимова, государь, «взяв генеральский список и проходя имена генералов, остановился на мне, сказав: “Вот тебе человек, который все это сделает!”» [15: с. 429].

Следует отметить еще одну интересную тенденцию в процессе назначения на должности — все претенденты на высшие должности в администрации военных поселений обязательно бывали в имении графа Грузино. Объяс-

¹ Маевский Сергей Иванович (1779–1843) — генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. В 1824 г. был назначен отрядным командиром поселенных батальонов 2-й и 3-й гренадерских дивизий (Старорусские военные поселения). При императоре Николае I Маевский был переведен на должность командира 24 поселенных батальонов и 1-й артиллерийской роты в Елисаветграде. В начале 1840-х гг. Маевский вышел в отставку. Автор записок о своей службе «Мой век, или История генерала Маевского» (опубликованы в 1873 г.).

нить это исключительно гостеприимностью и любовью к лести невозможно. Вероятно, речь может идти о своеобразной проверке на отношение к военным поселениям и понимание задач, которые требуют решения по их организации и развитию, тем более что резиденция располагалась в непосредственной близости от новгородских военных поселений.

Как описывает в своих мемуарах С.И. Маевский, прежде чем быть назначенным на должность, он достаточно долго общался с графом Аракчеевым, побывал в Грузино [15: с. 434]. Там же в Грузино получил и свое назначение архитектор И.И. Свиязев¹, автор первого в России «Учебного руководства к архитектуре». В 1822 г. по рекомендации Сперанского там же был представлен Аракчееву и Батеньков.

Вот как описывает свое назначение на должность И.И. Свиязев. В ответ на его прошение о должности архитектора в новгородских военных поселениях он получил соответствующее «предписание от министра финансов Канкринина горному правлению о немедленной... отправке в военные поселения». В предписании не было указано, куда нужно было явиться, и он отправился в летнюю резиденцию графа — Грузино. Представленные Свиязевым аттестаты не заинтересовали графа, который прокомментировал это так: «Нам их не надо: мы узнаем тебя на самом деле» [16: с. 554]. Данный факт подтверждает, что одним из критериев отбора кадров, который был существенным для Аракчеева, можно считать результат деятельности на той должности, которую должен был занимать тот или иной кандидат.

Однако прослужить долго у Аракчеева Свиязеву не довелось. Как он сам пишет об этом в своих мемуарах, не оправдалось обещание выплачивать ему четыре тысячи рублей жалованья в год. Попытка отстоять свою позицию перед Аракчеевым закончилась отставкой. Примечательным было предписание, полученное Свиязевым 25 ноября 1825 года, в котором указывалось на «молодость и неосновательность» «господина молодого мальчика Свиязева» [16: с. 558]. Это свидетельствует также о том, что немаловажным критерием кадрового отбора для Аракчеева была преданность делу, основанная на убеждениях, а не меркантильных интересах.

Эта отставка могла стать роковой в карьере И.И. Свиязева. Как он сам пишет, при приеме на службу кандидат ставился в известность, что уволенным он может быть только по болезни, а при выздоровлении и желании вернуться

¹ Свиязев Иван Иванович (1797–1875) — архитектор, профессор архитектуры в Горном Институте. В 1822 г. стал архитектором Горного управления в Перми; в 1825 г. поступил на службу в Новгородские военные поселения, где провел лишь несколько месяцев. В 1826–1836 гг. вновь стал архитектором Горного управления. В течение многих лет преподавал горнозаводскую архитектуру в Горном институте. Автор «Курса горнозаводской архитектуры» (1841), «Оснований печного искусства» (1852) и ряда статей в «Горном Журнале», «Журнале Министерства Государственных Имуществ» и «Трудах Императорского Вольного Экономического Общества».

на службу сможет продолжить ее только в военных поселениях [16: с. 560]. И только увольнение от службы самого Аракчеева в 1826 году позволило ему вернуться в Горное управление.

Стиль работы Аракчеева отличался жесткой требовательностью, педантичностью и крайней дисциплиной, личным самоограничением, невероятной работоспособностью. Это оказывало существенное влияние на работу его подчиненных. Г.С. Батеньков писал: «Служа при графе, я чувствовал сильное влияние на мой нрав. Оно обнаруживалось: 1. решительностью в поступках; 2. пристрастием формам; 3. точностью и подробностью рассмотрения дел; 4. вспыльчивостью и некоторою грубостью в обращении, чего я прежде был совершенно чужд» [9: с. 464].

В случае же с Батеньковым влияние Аракчеева не было губительным для личности. В то же время граф, действуя в соответствии с принципом «кнута и пряника», то приближая и одаривая, то подвергая опале, сломал не одного человека. Показательна в этом случае деятельность инженера генерал-майора К.Ф. Детлова¹.

В 1819–1820 годах инженер был весьма благодетельствован. Ему присвоили майорское звание, наградили орденом Св. Владимира 4-й степени, выплатили две тысячи рублей единовременно и вручили алмазный перстень. Но не дождавшись от него преданности и рабского подчинения — одного из главных условий кадровых назначений, на протяжении последующих лет Аракчеев преследовал Детлова за малейшие провинности. В 1824 году он доводит Детлова до суда, обвинив его в ошибке при постройке здания и возникновении пожара. Карл Федорович пишет «покаянное» письмо графу. Граф предписывает подшить его к судебному делу. Но уже в следующем году испрашивает у царя пожизненный пенсион для Детлова и новое звание подполковника [7: с. 205–228]. Русский журналист, филолог, педагог Н.И. Греч², лично знакомый с Аракчеевым, писал, что такое отношение к служащим было ему присуще. Приближал к себе, а затем, «использовав» способности, не обращал на них никакого внимания и избавлялся от них [10: с. 297].

Вот как описывал службу под началом Аракчеева в военных поселениях в своих записках тайный советник, сенатор, главный директор комиссии

¹ Детлов Карл Федорович (1789–1840) — инженер, генерал-майор. В 1817–1826 гг. служил в ведомстве инженерных работ в новгородских военных поселениях. В 1829 г. назначен на должность корпусного инженера 2-го резервного кавалерийского корпуса, расположенного в военных поселениях Харьковской губернии, где построил десятки церквей, манежей, казарм, мостов. Трагически погиб в 1840 г.

² Греч Николай Иванович (1787–1867) — русский журналист, писатель, филолог. Член-корреспондент Петербургской Академии наук, автор ряда трудов по грамматике русского языка. Редактор-издатель, вместе с Ф.В. Булгариным, журналов «Сын Отечества» и «Северная пчела». Автор «Опыта краткой истории русской литературы», переизданного в 1834 г. под названием «Учебная книга русской словесности», «Начальных правил русской грамматики» и др.

внутренних и духовных дел Царства Польского А.Я. Стороженко¹: «Страшно вспомнить аракчеевское время! Кто не служил под непосредственным его начальством, кто не испытал таких бесперерывных опасений, какие окружали обреченных в жертву злой несправедливости, тот не может себе вообразить страха, доводящего до отчаяния... но если впоследствии мне казалось все легким по службе, это было по сравнению тяжких трудов и испытаний, перенесенных мною под его начальством... Истинная вера в мнение проистекает только из порядка строгого и вместе с тем снисходительно соблюдаемого высшим начальником, умеющим избирать людей и следить за их занятиями. Такой начальник, можно сказать, дарит правительству полезных чиновников» [11: с. 474–477].

Стороженко рекомендовали Аракчееву как человека способного и энергичного. За несколько лет службы он получил чин подполковника, показал себя человеком ответственным и способным. Аракчеев же всегда оставался очень доволен его расторопностью и исполнительностью.

Кадровая политика Аракчеева не способствовала формированию объективных факторов отбора административного персонала. Она была в большей степени подчинена личным амбициям графа и стремлением во что бы то ни стало выполнить волю императора. Отсутствие институционализированных органов управления военными поселениями, обособленность их и личная опека императора еще более усиливали субъективность процесса кадровых назначений. Дисциплина, соблюдение субординации, понимание важности создаваемого государственного института, готовность к самопожертвованию ради общего дела — вот неполный перечень критериев, которые можно определить как основные при назначении Аракчеевым кандидатов на должность. Следует подчеркнуть, что дисциплина среди них была первостепенна. Граф без колебаний наказывал людей, нарушивших ее [8: с. 5].

Такой подход мог как свести на нет все усилия по строительству военных поселений, так и дать положительный результат. Во многом то, что было сделано к моменту отставки Аракчеева, и тот факт, что Николай I сразу по восшествии на престол не ликвидировал систему военных поселений, подтверждает, что здравый практический ум, верные решения в сложных ситуациях и честность позволили привлечь к работе над созданием военных поселений людей талантливых и хорошо образованных.

Определение формальных критериев отбора, единых для всех военных центральных органов управления, начнется с уходом графа Аракчеева и преобразованиями в военной администрации, которые ликвидировали ее обособленность от других органов военного управления. Созданный в 1835 году Департамент военных поселений стал частью административной системы всего

¹ Стороженко Андрей Яковлевич (1790–1857) — тайный советник, сенатор, главный директор комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. В 1818–1832 гг. служил на разных должностях в новгородских и херсонских военных поселениях. Был в дружеских отношениях с Ф.В. Булгариным и Н.И. Гречем.

военного ведомства. Кроме того, император более не вмешивался в управление поселениями и не был, как Александр I, заинтересован в их развитии.

Литература

1. Аракчеев: свидетельства современников / Предисл. Е.Э. Лямина; сост. Е.Е. Давыдова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 488 с.
2. *Батеньков Г.С.* Данные // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Ч. 2. М., 1833. С. 102–103.
3. *Бобков В.А.* Вклад генерал-майора Ф.Е. Бухмейера в развитие артиллерии русской армии в конце XVIII – начале XIX в. // Вестник Военного университета. 2011. № 1 (25). С. 151–155.
4. *Богданович П.Н.* Аракчеев, граф и барон Российской империи (1769–1834). Буэнос-Айрес: Б. и., 1956. 138 с.
5. *Вигель Ф.Ф.* «Записки»: В 2-х кн. / Под ред. С.Я. Штрайха. Ч. V. М.: Захаров, 2000. 752 с.
6. Восстание декабристов. Т. XIV. М., 1976. С. 142–143.
7. *Детлов К.К.* Инженер генерал-майор К.Ф. Детлов (1789–1840) // Русская старина. 1885. Т. XLV. Январь. Санкт-Петербург. С. 205–228.
8. *Дженкинс М.* Аракчеев. Реформатор-реакционер. М.: Центрполиграф, 2004. 272 с.
9. *Дубровин Н.Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I: 1807–1829. (Репринтное издание 1883 г.). СПб.: Альфарет, 2011. 568 с.
10. Записки о моей жизни: [Воспоминания] / Греч Николай Иванович. М.: Захаров, 2002. 463 с.
11. Из записок сенатора А.Я. Стороженко. Киевская старина. 1884. № 11. С. 474–477.
12. *Кандаурова Т.Н.* Гений зла и блага: слово в защиту Аракчеева // Родина. 2000. № 3. С. 56–60.
13. *Кандаурова Т.Н.* Начальник южных военных поселений граф Иван Осипович Витт // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Музей-заповедник «Большие Вяземы». Материалы VI Голицинских чтений. 23–24 января 1999 г. М., 1999. С. 337–348.
14. *Керсновский А.А.* История Русской армии. Т. 2. Ч. II. М.: Голос, 1993. 334 с.
15. Мой век, или История генерала Маевского / Маевский С.И. Б.м. Русская старина. Т. 10. С. 427–464.
16. *Связев И.И.* Воспоминания И.И. Связева. 1824–1826 // Русская старина, 1871. Т. 4. № 11. С. 551–558.
17. *Томсинов В.А.* Аракчеев. М.: Молодая гвардия, 2003. 427 с.
18. *Ячменихин К.М.* «Аракчеевщина»: историографические мифы // Консерватизм в России и мире: В 3-х ч. Ч. 1. Воронеж, 2004. С. 117–128.
19. *Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов: «Сіверянська думка», 2006. 442 с.

References

1. Arakcheev: svidetel'stva sovremennikov / Predisl. E.E'. Lyamina; sost. E.E. Davy'dova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 488 s.
2. *Baten'kov G.S.* Danny'e // Vospominaniya i rasskazy' deyatelej tajny'x obshhestv 1820-x godov. Ch. 2. M., 1833. S. 102–103.

3. *Bobkov V.A.* Vklad general-majora F.E. Buxmejera v razvitie artillerii russkoj armii v konce XVIII – nachale XIX v. // *Vestnik Voenного universiteta*. 2011. № 1 (25). S. 151–155.
4. *Bogdanovich P.N.* Arakcheev, graf i baron Rossijskoj imperii (1769–1834). Bue'nos-Ajres: B. i., 1956. 138 s.
5. *Vigel' F.F.* «Zapiski»: V 2-x kn. / Pod red. S. Ya. Shtrajxa. Ch. V. M.: Zaxarov, 2000. 752 s.
6. Vosstanie dekabristov. T. XIV. M., 1976. S. 142–143.
7. *Detlov K.K.* Inzhener general-major K.F. Detlov (1789–1840) // *Russkaya starina*. 1885. T. XLV. Yanvar'. Sankt-Peterburg. S. 205–228.
8. *Dzhenkins M.* Arakcheev. Reformator-reakционер. M.: Centrpoligraf, 2004. 272 s.
9. *Dubrovin N.F.* Pis'ma glavnejshix deyatelej v czarstvovanie imperatora Aleksandra I: 1807–1829. (Reprintnoe izdanie 1883 g.). SPb.: Al'faret, 2011. 568 s.
10. Zapiski o moej zhizni: [Vospominaniya] / Grech Nikolaj Ivanovich. M.: Zaxarov, 2002. 463 s.
11. Iz zapisok senatora A. Ya. Storozhenko. *Kievskaya starina*. 1884. № 11. S. 474–477.
12. *Kandaurova T.N.* Genij zla i blaga: slovo v zashhitu Arakcheeva // *Rodina*. 2000. № 3. S. 56–60.
13. *Kandaurova T.N.* Nachal'nik yuzhny'x voenny'x poselenij graf Ivan Osipovich Vitt // *Xozyaeva i gosti usad'by' Vyazemy'*. Muzej-zapovednik «Bol'shie Vyazemy'». Materialy' VI Golicinskix chtenij. 23–24 yanvarya 1999. M., 1999. S. 337–348.
14. *Kersnovskij A.A.* Istoriya Russkoj armii. T. 2. Ch. II. M.: Golos, 1993. 334 s.
15. Moj vek, ili Istoriya generala Maevskogo / Maevskij S.I. B.m. *Russkaya starina*. T. 10. S. 427–464.
16. *Sviyazev I.I.* Vospominaniya I.I. Sviyazeva. 1824–1826 // *Russkaya starina*, 1871. T. 4. № 11. S. 551–558.
17. *Tomsinov V.A.* Arakcheev. M.: Molodaya gvardiya, 2003. 427 s.
18. *Yachmenixin K.M.* «Arakcheevshhina»: istoriograficheskie mify' // *Konservatizm v Rossii i mire: V 3-x ch.* Ch. 1. Voronezh, 2004. S. 117–128.
19. *Yachmenixin K.M.* Armiya i reformy': voenny'e poseleniya v politike rossijskogo samodержaviya. Chernigov: «Siveryans'ka dumka», 2006. 442 s.

V.V. Torop

The Role of the Personal Factor in the Personnel Policy of the Autocracy in the Formation of the Administrative Structure of the Military Settlements in the First Quarter of the XIX Century

This article considers approaches to the selection and placement of personnel in the system of military settlements in the period of their establishment during reign of Alexander I. The relationship of personal interest of emperor in the idea of military settlements and personnel appointments. The subjective criteria that have influenced the selection and appointment of officers of the military settlements and special role in the process of Count A.A. Arakcheev are marked. The attention is paid to the impact of such a system of selection to personality of employees and the conditions of leaving the army.

Keywords: military settlements; Alexander I; personnel policies; A.A. Arakcheev.

Е.И. Краюшкина

Земское страхование в Тульской губернии 1864–1917 годов

Статья посвящена изучению социально-экономической модернизации провинции в пореформенное время сквозь призму системы страхования. Новизной является рассмотрение земского страхования в Тульской губернии и ее влияния на формирование социального и правового сознания населения. Исследование основывается на историко-антропологическом подходе и носит междисциплинарный характер. При работе с источниками были использованы историко-типологический, системный и генетический методы.

Ключевые слова: страхование; модернизация; земство; частная собственность; социальное и правовое сознание.

Стихийные бедствия последних лет (пожары летом 2010 г., наводнение в Крымске и др.) заставляют представителей власти задуматься о введении в России обязательного страхования имущества от чрезвычайных происшествий и стихийных бедствий. В истории России уже была попытка внедрения подобной системы. Впервые повсеместное обязательное страхование имущества от стихийных бедствий (в том числе и от пожаров в сельской местности, являвшихся настоящим бичом российской экономики второй половины XIX – начала XX в.) было введено Александром II в ходе земской реформы в 1864 году.

В данной статье, опираясь на впервые вводящиеся в научный оборот материалы (как содержащиеся в фонде 4 «Тульская губернская земская управа» ГАУ ТО «Государственный архив», так и опубликованные, — журналы, доклады и отчеты страхового отдела земской управы), на основе историко-антропологического подхода предпринята попытка проследить процесс реализации страхового законодательства в Тульской губернии и выявить отношение населения к страховой деятельности земства.

В дореволюционной России данный вопрос в первую очередь исследовали правоведы, уделявшие внимание механизму рассмотрения судебных споров, связанных с осуществлением земством страховых операций, и другим вопросам правоприменительной практики [4, 12, 13], а также государственные деятели. В частности, интерес представляет работа А. С. Ермолова [7], служившего в разные годы в Министерствах финансов и государственных имуществ. В ней автор обратился к изучению местного опыта страхования и попытался исследовать эффективность института обязательного земского

страхования строений от огня. А.С. Ермолов одним из первых обратил внимание не только на положительные стороны земского страхования, но и на его недостатки (многочисленные злоупотребления как со стороны страховщиков, так и со стороны страхователей). В советское время страховой аспект деятельности земств практически не рассматривался исследователями: так, крупнейший исследователь земств Н.М. Пирумова не упоминает о земском страховании [11: с. 29]. О факте существования института обязательного земского страхования от огня вскользь упоминается в Советской исторической энциклопедии [18: с. 679]. И в настоящее время исследования по земскому страхованию большей частью проводятся в рамках экономических и юридических наук [2, 3, 8, 9, 14], а не исторических. Таким образом, изучение системы и механизма страхования в провинции позволит по-новому взглянуть на процесс модернизации в пореформенной России.

В статье используются экономические термины, аналогично использовавшиеся в российском законодательстве второй половины XIX – начала XX века¹ (Словарь страховых терминов // URL: <http://rkgarant.ru/allins/1.html>).

Ежегодно многочисленные пожары наносили огромный ущерб государственному бюджету. Во второй половине XIX столетия динамика пожаров неуклонно увеличивалась: если в начале 1860-х годов их среднее число за год составляло порядка 58 тысяч случаев, то в 1909 году это число возросло до 408 тысяч, то есть в семь раз [17: с. 93]. Если в 1860-х годах средняя годовая цифра убытков от пожаров в целом по стране составляла около 37 млн рублей в год, то в 1905 году — уже 93 млн рублей, т. е. в два с половиной раза больше [7: с. 7]. До реформ Александра II вопрос о выплате компенсаций частновладельческим крестьянам, пострадавшим от пожара, не ставился вообще, так как обязанность

¹ **Страхование** — система экономических отношений по защите имущественных интересов физических и юридических лиц при наступлении определенных событий (страховых случаев) за счет денежных средств (страховых фондов), формируемых из уплачиваемых ими страховых премий путем выплаты страхового возмещения. **Страхователь** — физическое или юридическое лицо, заключающее со страховщиком на добровольной основе или в соответствии с законодательством договор страхования. **Страховщик** — организация, проводящая страхование, принимающая на себя обязательство возмещения страхового ущерба, выплаты страховой суммы. **Страховой агент** — должностное лицо, выполняющее от имени страховщика операции по заключению с клиентами договоров добровольного имущественного и личного страхования и приемку по ним страховых платежей, а также по обязательному страхованию имущества граждан. **Страховая премия (страховой взнос, страховой платеж)** — плата за страхование, которую страхователь обязан внести страховщику в соответствии с договором страхования или законом. **Страховая сумма** — определенная договором страхования или установленная законом денежная сумма, исходя из которой устанавливаются размеры страхового вноса и страховой выплаты. **Страховое вознаграждение (страховая выплата)** — осуществление страховщиком выплаты страхового возмещения. **Страховой случай** — совершившееся событие, предусмотренное договором страхования или законом, с наступлением которого возникает обязанность страховщика произвести страховую выплату страхователю, застрахованному лицу, выгодоприобретателю или иным третьим лицам.

по решению любых их материальных проблем лежала на собственнике (помещике). После освобождения от крепостной зависимости крестьяне не только получили свободу, но и лишились материальной поддержки со стороны помещика в случае стихийного бедствия. Таким образом, начался перелом в сознании крестьян: от психологии иждивенца, не задумывающегося о своем будущем и привыкшего к пассивности, к социально активному субъекту хозяйствования, несущему ответственность за свое будущее и будущее своих близких.

Разумеется, уровень правосознания, существовавший у населения в то время, не позволял надеяться на то, что подобные изменения в психологии простых людей могли совершиться сразу же, поэтому государство ввело обязательное страхование крестьянского имущества (прежде всего недвижимости). Это и было сделано в ходе земской реформы 1864 года. Основным нормативно-правовым актом, регулировавшим деятельность земств в области страхования, стало «Положение о взаимном земском страховании строений от огня в губерниях, где введено Положение о земских учреждениях», утвержденное 7 апреля 1864 года. Согласно данному закону, обязательному страхованию (окладному либо дополнительному) подлежали все частные и общественные сельские постройки, находящиеся в черте крестьянской усадебной оседлости [16 : ст. 8]. В том случае, если имущество крестьянина уже было застраховано в другом страховом учреждении, например, частном акционерном обществе, обязательное земское страхование можно было уже не осуществлять [16: ст. 10]. Кроме того, по ходатайству губернского земского собрания министр внутренних дел мог давать разрешение на обязательное страхование некоторых построек, находящихся ближе 50-ти сажен от сельских домов [16: ст. 8].

Существовало два вида обязательного страхования, которые различались размером страховой суммы (то есть максимальному количеству денег, которые могли быть выплачены страхователю — крестьянину — в результате наступления страхового случая — пожара) и соответственно размером страховой премии, которую выплачивал страховому учреждению крестьянин. Первый вид обязательного страхования — окладной — имел более низкий предел страховой суммы и поэтому более подходил бедным крестьянам. Размер минимальной страховой суммы, на которую должно было быть застраховано строение (он назывался страховым окладом), назначался на всю губернию либо на отдельные местности в ее составе. При этом строения делились на различные категории по использованным в их постройке строительным материалам и их хозяйственному назначению. Строения же, стоимость которых была ниже размера окладной суммы, страховались по своей действительной стоимости, которая определялась особенной оценкой [16: ст. 18]. Крестьяне же, чьи дома были побольше и побогаче, могли воспользоваться страхованием по дополнительной (или как его еще называли, по особой) оценке, где страховая сумма была несколько выше [16: ст. 19]. Тем

не менее при осуществлении дополнительного страхования земство имело возможность страховать имущество в размере трех четвертей его стоимости, а одну четвертую часть оставлять на собственном риске владельца, который не мог страховать ее в других страховых учреждениях [16: ст. 61]. Кроме того, крестьяне могли застраховать свои строения и по механизму добровольного страхования [16: ст. 7]; при этом, хотя размер страховых взносов был выше, страховая сумма не была ограничена, как в обязательном страховании, и интересы страхователя удовлетворялись в большем объеме. По тарифам добровольного страхования могло быть застраховано и движимое имущество (земледельческие продукты, товары, скот и т. д.).

Взаимное земское страхование в той или иной степени составляло предмет деятельности нескольких учреждений — как органов правительственной власти (Министерство внутренних дел, Министерство финансов как высшие контролирующие органы; губернские казначейства, производившие учет страховых платежей и выданных страховых вознаграждений; волостные правления, осуществлявшие непосредственно сбор страховых платежей, опись и оценку страхуемого имущества, учет подлежащих обязательному страхованию строений), так и самих органов местного самоуправления (губернское земское собрание как распорядительный орган, утверждавший размеры страховой суммы и страховых платежей по губернии, принимавший локальные нормативно-правовые акты [16: ст. 49]; губернские и уездные земские управы, осуществлявшие оперативное управление страхованием [16: ст. 50]). Кроме того, важную роль в работе земства с населением играли страховые агенты [16: ст. 52].

Подробные правила о порядке счетоводства и отчетности сборщиков и волостных правлений по страховым платежам и взноса этих платежей в губернское казначейство утверждались губернским присутствием по представлению губернской земской управы [16: ст. 86]. При этом ответственность за уплату страховых платежей возлагалась на каждого отдельного страхователя [16: ст. 88]. После сбора страховые платежи вносились волостными правлениями и сборщиками в губернские казначейства, которые вели им особый счет, разделяя платежи по обязательному и платежи по добровольному страхованию и затем предоставляя губернской земской управе ежемесячные и ежегодные ведомости о поступивших платежах и выданных страховых вознаграждениях [16: ст. 101–103].

Для получения страхового вознаграждения в случае пожара владелец строения должен был в течение трех суток с момента происшествия подать заявление в местное волостное правление или уездную земскую управу. Затем составлялся соответствующий акт с удостоверением волостного правления или местной полиции о причинах и обстоятельствах возникновения пожара и о том, не мог ли пожар произойти в результате умышленного поджога владельца. После этого документы передавались в губернскую земскую упра-

ву. Если она принимала решение о выдаче средств, то об этом сообщалось казначейству, казенной палате, а также волостному правлению или уездной земской управе. Но если возникало подозрение о поджоге как причине пожара, то решение о выдаче средств откладывалось до окончательного судебного приговора [16: ст. 104–112].

Внедряемая в жизнь система страхования оказала определенное влияние на жизнь уездов. Размер страховых капиталов всех земств по обязательному страхованию неуклонно увеличивался на протяжении второй половины столетия: если в 1871 году он исчислялся 3089 тысяч рублей, то в 1911 году уже составлял 61 694 тысяч рублей [15], т. е. почти в 20 раз больше. Подобная тенденция развивалась и в Тульской губернии: если в 1879 году по страхованию недвижимости земством было собрано около 130 тысяч рублей страховой премии, то в 1915 году — уже около 600 тысяч рублей [10: с. 40; 23: с. 2, 10, 12]. По мнению современных исследователей, причиной такого бурного развития являлась некоммерческая форма организации взаимного земского страхования, при которой отсутствовала угроза банкротства страховщика, и расходы страхователя были не слишком высоки [3]. Тем не менее процесс реализации страхового законодательства сопровождался большим количеством проблем, связанных как с пробелами в законодательстве, так и с влиянием человеческого фактора.

Современные исследователи с иронией отмечают, что заключение договора страхования похоже на своего рода «азартную игру» [25: р. 601] — ведь возможно, что страховой случай — пожар, наводнение, болезнь — никогда не наступит. При этом страхователь на протяжении многих лет выплачивает страховщику страховую премию и может не получить ничего взамен, кроме душевного спокойствия. Возможно, именно это повлияло на то, что в сознании многих современных людей до сих пор отсутствует доверие к деятельности страховых компаний; зачастую их попросту считают «мошенниками». Формированию такого образа способствовала недобросовестная деятельность страховщиков, использующих различные недостатки страхового механизма и системы страхового надзора в своих корыстных целях.

Подобная проблема была в высшей степени актуальна для российского общества второй половины XIX – начала XX века. Ситуация усугублялась еще и тем, что в связи с отсутствием земских учреждений в селах (так называемой мелкой земской единицы) земствам при осуществлении страховой деятельности часто приходилось прибегать к помощи полиции и чиновников (земских начальников, станowych приставов, волостных правлений), которые не были подчинены земству и которым, по словам современников, было «совсем неинтересно заниматься земскими делами» ввиду их занятости [1]. Земские деятели часто жаловались на то, что на должности старост и старшин сельских обществ «обычно идут люди неподходящие. . . так как лучшие люди не идут на эти должности при существовании института земских начальников — они не хотят быть их лакеями» [19: с. 256].

В документах встречаются и жалобы населения в Тульскую губернскую земскую управу на страховых агентов: «...его [агента. — Е.К.] поведение возмущает наше население... В уезде был... всего три раза, тогда как прежний агент ездил чуть ли не каждый день; строения принимает на страх без осмотра и... дороже, чем они стоят... По ночам проигрывает в карты у почтмейстера, после чего заниматься [страховыми операциями. — Е.К.] ему некогда, а нужно спать» (ГАУ ТО «Государственный архив». Ф. 4. Оп. 7. Д. 4168. Л. 84). В связи с этим несовершенство законодательства, а также непрофессионализм и моральный облик представителей власти, осуществлявших страховые операции, приводили к различного рода злоупотреблениям и выработке обманных технологий. Так, в архиве сохранились дела, касающиеся выдачи пожарного вознаграждения крестьянам, чьи постройки, обязанные быть застрахованными от огня согласно законодательству, не были застрахованы на момент пожара вследствие того, что «[волостное] правление не разъяснило крестьянам [их] ситуацию» [6: с. 34]; случались жалобы на то, что «при назначении страховых платежей... волостные правления назначают их большей частью неправильно, вследствие чего приходится или требовать от страхователей доплаты страховых премий, или возвращать им переплаченные ими деньги» [6: с. 30]. Зачастую неправильно определялась и страховая сумма строений. Так, по результатам земской проверки 1867 года выяснилось, что в Прудницкой волости Веневского уезда Тульской губернии ни у одного домохозяина не были обозначены верно «ни сумма, в которую приняты на страх строения, ни страховой платеж» (ГАУ ТО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 465. Л. 13). Зачастую в страховые списки не включались строения, подлежащие обязательному страхованию: например, при проверке в одной из волостей Тульской губернии в страховых списках было пропущено 100 сараев (ГАУ ТО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 534. Л. 6 об.).

Не слишком порядочны были отдельные представители местной администрации и при выплате страховых вознаграждений погорельцам. В архивных документах такие случаи встречались нечасто в силу сложности установления подобных махинаций. Тем не менее они становились темой для обсуждения на заседаниях губернского земства. Так, в селе Истомино Веневского уезда членами волостного правления, видимо в целях личного обогащения, было незаконно удержано 19 руб. 25 коп. с суммы страхового вознаграждения пострадавших от пожара, составлявшей 487 руб. (ГАУ ТО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 435. Л. 105). И в других источниках передача страховых вознаграждений пострадавшим через лиц местной администрации признавалась «рискованной» [10: с. 49]. В связи с этим неудивителен тот факт, что «лица сельского и волостного управления... часто страдали от поджогов, произведенных лицами, имевшими против них неудовольствие» [10: с. 51].

Новое веяние на селе — страхование — являлось своего рода искушением не только для страховщика, но и для страхователя. В экономической литературе, посвященной вопросам страхования, особое место отводится явлению так называемого морального риска (*moral hazard*) [25: p. 484]. Его суть состоит в том, что

после заключения договора страхования страхователь во многих случаях начинает более беспечно относиться к застрахованному объекту (будь то дом, машина) и начинает в какой-то степени пренебрегать мерами необходимой предосторожности. Некоторые страхователи идут еще дальше и в целях наживы самостоятельно способствуют совершению страхового случая.

Данная проблема была чрезвычайно острой и в российской деревне рубежа XIX–XX веков. По свидетельству современников, частой причиной пожаров в деревне был злоумышленный поджог. Так, в Тульской губернии, по данным 1904 года, поджоги составляли около 4 % пожарных случаев [20: с. 5], в 1909 г. число пожаров от поджогов повысилось до 32 % от общего числа пожаров, то есть увеличилось в 8 (!) раз; поджоги земледельческих продуктов в указанном году составляли еще больше — 47 % от общего числа, то есть почти половину пожарных случаев [21: с. 4]. К 1914 году количество поджогов несколько сократилось (они составляли 12,1 % от количества пожаров), тем не менее они стабильно занимали третье место среди причин возникновения пожаров, вслед за причинами, связанными с неосторожным обращением с огнем — 52,9 % и неисправным содержанием труб и печей — 18,8 % [22: с. 9]. При этом члены земской управы также отмечали, что, несмотря на успокоение населения после крестьянского «освободительного движения» и массовых поджогов владельческих усадеб в ходе революции 1905–1907 годов, «горимость сельских построек продолжает держаться на очень высоком уровне и понизилась очень слабо» [22: с. 9]. Данное высказывание подтверждает слова А.С. Ермолова о том, что после 1905 года количество пожаров «не только не уменьшилось, но и приняло совершенно иной, небывалый прежде характер», в чем не последнюю роль продолжал играть поджог [7: с. 11].

Самым распространенным видом поджога, по мнению автора, являлся «спекулятивный», то есть поджог собственного имущества, застрахованного в земстве по обязательному дополнительному или добровольному страхованию (обязательное окладное не годилось — слишком мала была страховая сумма), с целью получения страхового вознаграждения. Учитывая, что при заключении договора страхования оценку имущества, как правило, производили не слишком сведущие в этом вопросе или имевшие собственный интерес сельские власти либо же волостные правления, имущество нередко оценивалось в два, а то и в три раза дороже реальной стоимости [7: с. 22]. Крестьянин имел возможность неплохо нажиться на таком пожаре. Зная, что если поджог обнаружится, они будут лишены страхового вознаграждения [16: ст. 40], домовладельцы делали его организацию все более и более изощренной. Так, чтобы снять с себя подозрения, крестьянин поджигал не свой дом, а дом ничего не ведающего соседа с расчетом на то, что ветер перекинет огонь на собственную усадьбу. Наиболее же ценные вещи за несколько дней до поджога тайно вывозили и прятали, а потом также объявляли сгоревшими. Помога-

ли и сельские власти, занижая стоимость оставшегося после пожара имущества. При этом в большинстве случаев все подобные махинации удавались, так как уголовные дела редко удавалось возбудить из-за сложности доказывания и потворства местных властей [7: с. 23].

Страхование строений в земстве было «подспорьем» и для крестьян, задумавших вместо своих деревянных изб построить новые каменные дома, на что должны были пойти деньги, полученные как страховое вознаграждение от земства — на другие цели, кроме строительства, по закону его тратить было нельзя [16: ст. 43]. Сначала на протяжении некоторого времени крестьяне заготавливали необходимый для строительства материал, а затем организовывали поджог, причем об этом могла знать и вся деревня. Так, в одном из селений Рязанской губернии подобным образом «на огонек» должно было быть пущено сразу около 40 дворов. Всему помешали земские органы, внезапно совершившие проверку деревни и снизившие до того неправильную страховую оценку строений в два-три раза. Таким образом для крестьян этого села «гореть стало невыгодно», и план поджога был отменен [7: с. 25]. Производились и аферы с поджиганием соломенных крыш. При этом и стены, и глиняный потолок, и вся внутренняя обстановка оставались целыми, а с земства требовалось вознаграждение в размере 100–150 рублей, хотя реальный размер ущерба составлял лишь несколько десятков рублей [7: с. 27]. Подобные дела встречаются и в материалах Тульской губернии (ГАУ ТО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 465. Л. 37 об.). Поджигали свое имущество и крестьяне, собиравшиеся переселиться в Сибирь [7: с. 28], так как продавать было долго и цену большую за имущество не давали, а сельские власти, обязанные по закону следить за использованием страхового вознаграждения только на нужды ремонта погоревшей постройки [16: ст. 43], и в этом случае попустительствовали. Новым видом поджогов после аграрной реформы П.А. Столыпина стали поджоги соседями крестьян, выходящих против воли общины на хутора — «хуторяне живут под вечным страхом угроз односельчан поджечь их за то, что они вышли из отруба вопреки желанию общества» [7: с. 29]. Поджигатели были знакомы и с технологиями, ранее используемыми только революционерами, — строения в некоторых случаях даже стали взрывать, используя порох [7: с. 33].

Динамика пожаров по губерниям и уездам показывает, что наибольшее их количество, как правило, происходило там, где было развито добровольное страхование и суммы страховых вознаграждений были внушительными (по статистике, такие здания горели приблизительно в два раза чаще, чем здания, застрахованные по обязательному страхованию [7: с. 13]). В Тульской губернии подобная ситуация наблюдалась в уездах, где наиболее было развито обязательное страхование по дополнительной оценке, также предусматривавшее более высокое страховое вознаграждение [22: с. 8]. При этом на руку поджигателям опять-таки играли местные власти. Согласно законодательству,

после производства оценок имущества и заключения договора страхования волостное правление не позже, чем через 14 дней, обязано было передать соответствующие документы (копию квитанции о приеме платежа, акты описи и оценки имущества) в губернскую земскую управу [16: ст. 72–73], что во многих случаях не выполнялось; зачастую и квитанция о получении платежа (который также должно было взимать волостное правление) была фальшивой — никакого платежа в действительности не поступало [7: с. 80]. При этом от времени заключения страхования (которое в документах зачастую помечалось задним числом) до дня пожара, как правило, проходил совсем небольшой промежуток времени. Земство же узнавало о факте страхования лишь после пожара, когда уже нельзя было проверить правильность оценки застрахованного и сгоревшего имущества [7: с. 81].

В материалах Тульского земства встречаются упоминания и о многочисленных поджогах частновладельческих имений, земли которых с постройками были «запроданы сельским обществам через посредство Крестьянского банка» [21: с. 5]. В некоторых таких имениях в один день могли случиться сразу несколько пожаров, в результате чего иногда выгорали все постройки. Хотя причины таких пожаров официально оставались неизвестными, на факт поджога указывали определенные обстоятельства — подобные пожары происходили в основном ночью и ими уничтожались в основном постройки, которые являлись «излишними и совершенно ненужными для ведения крестьянского хозяйства» [21: с. 5]. Земские специалисты по страхованию объясняли такие поджоги стремлением крестьян частично окупить стоимость приобретенного имения с помощью страхового вознаграждения [21: с. 5]. При этом в качестве борьбы с подобными явлениями земские специалисты предлагали обязывать владельцев усадеб незамедлительно сообщать о факте продажи застрахованного в земстве имения в губернскую земскую управу. Принимая во внимание, что страховая сумма при оценке помещичьего имения была всегда в несколько раз выше крестьянских построек, то предлагалось предоставить земству возможность расторжения страхового договора [21: с. 6].

Возникшие проблемы в процессе реализации законодательства на местах привели к ухудшению финансового состояния земского страхования к началу XX века. Так, если в Саратовской губернии в 1900 году средний годовой пожарный убыток составлял 2482 тысяч рублей, то в 1905 году этот показатель возрос до 14 492 тысяч рублей; аналогичный показатель в Симбирской губернии вырос за шесть лет (с 1900 по 1906 гг.) с 2024 до 23 770 тысяч рублей [7: с. 10]. В связи с увеличением пожаров и постоянными недоимками со сборов страховых платежей (крестьяне в большинстве своем были неспособны своевременно и в полном размере уплатить страховой взнос и таким образом длительное время оставались должниками перед земством [5: с. 37; 7: с. 74–76]), сумма страхового капитала земств значительно снизилась, шести из них даже были выданы правительственные ссуды [7: с. 84]. Не помога-

ло даже созданное в 1902 году взаимное земское перестрахование имуществ, в сложившейся ситуации лишь способствовавшее более равномерному распределению убытков между земствами [7: с. 72].

Земство Тульской губернии также столкнулось с данной проблемой (это ярко проявилось в росте убытков по добровольному страхованию строений с 10 267 рублей в 1904 году до 53 131 рублей в 1907 году [21: с. 2]). Положение несколько улучшилось лишь в первом прибыльном 1908 году, тем не менее чистая прибыль составила всего лишь 8 % от поступившего в этом году страхового сбора [21: с. 2]. Все это наводит на мысль, что есть доля истины в словах А.С. Ермолова (ссылавшегося и на мнение также исследовавшего эту проблему В.М. Пуришкевича), который утверждал, что деятельность земств в области страхования, не отличавшаяся «ни планомерностью, ни последовательностью», не принесла никаких значимых результатов [7: с. 44].

Несомненно, новшества, входившие в крестьянскую жизнь в связи с реформированием практически всех сфер жизни империи, по-разному воспринимались на местах. Стремление государства через систему страхования упорядочить расходы по возмещению ущерба, внедрить «цивилизованность» во взаимоотношения государства и крестьян, обеспечив гарантии защиты от бедности и разорения и разделив с ними бремя расходов, натолкнулось на массовую крестьянскую культуру и представления крестьян о своих взаимоотношениях с государством. Во многом на поведение крестьян в системе страхования оказывали влияние существующая правовая культура (отсутствие четких критериев противоправного поведения; своеобразные представления о норме и патологии; терпимость общинников к некоторым видам противоправного поведения, снятие значения «девиантности» с любого правонарушения по решению «мира» [24: с. 42]). Тем не менее в пореформенной России развивался процесс становления системы страхования, а именно: увеличение земских страховых капиталов, накопление опыта в разрешении спорных случаев, осуществления разнообразных страховых операций, уточнения и усложнения нормативной базы свидетельствовало о жизнеспособности института защиты имущественных прав населения.

Литература

1. Административное право из курса правоведения по Народной энциклопедии изд. 1911 г. Полумтом 2. Общественно-юридические науки // Все о праве: информационно-образовательный юридический портал. М., 2001–2012. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc542p0/instrum2269/print2278.html> (Дата обращения: 25.02.2013 г.).
2. *Аленичев В.В.* Эволюция страховых институтов в дореволюционной России: дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2004. 196 с.
3. *Благих Л.А., Сон Л.Б.* К вопросу о взаимосвязи сберегательного и страхового дела в дореволюционной России // Проблемы современной экономики. 2010. № 1 (33). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3056> (Дата обращения: 25.02.2013 г.).

4. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. Серия «Русское юридическое наследие». М.: Зерцало, 2003. 464 с.
5. Доклады губернской земской управы по страховому отделу. Тула: тип. Н.И. Соколова, 1901. 58 с.
6. Доклады Тульской губернской земской управы шестому очередному губернскому земскому собранию. Тула: тип. Н.И. Соколова, 1870. 99 с.
7. *Ермолов А.С.* Современная пожарная эпидемия в России. СПб.: тип. И. Флейтмана, 1910. 211 с.
8. *Загускин Н.Н.* Государственно-правовое регулирование страховой деятельности в Российской империи в XIX–XX веках: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2008. 21 с.
9. *Кутыгин М.А.* Правовое регулирование института страхования в России: эволюция, преемственность, проблемы совершенствования (историко-правовой анализ): дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 190 с.
10. Отчет Тульской губернской земской управы Тульскому губернскому земскому собранию за 1879 г. Б.м.: б.и., б.г. 17 с.
11. *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX в. М.: Наука, 1977. 288 с.
12. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. СПб.: Синодальная тип., 1896. См.: Отд. II. Особенная часть учения о договорах и обязательствах. Гл. IX. Договор о неверном и случайном. В частн. § 67: URL:// http://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_74.html#95; § 68: URL:// http://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_75.html (Дата обращения: 25.02.2013 г.).
13. Правила о порядке выдачи ссуд содержателям ссудных касс и о порядке взыскания по таким ссудам // Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Кн. 5 / Сост. И.М. Тютрюмов. – URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/37/page_24.html#64 (Дата обращения: 25.02.2013 г.).
14. *Райлян А.И.* Страховое законодательство Российской империи: 1861–1917 гг.: дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. 219 с.
15. Сборник статистических сведений по губернскому и земскому взаимному страхованию. 1866–1895 гг. СПб., 1900. Цит. по: Аленичев В. В. Эволюция страховых институтов в дореволюционной России: дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2004. 196 с.
16. Свод положений и правил о взаимном страховании. Раздел I: О взаимном страховании от огня. Глава I: Положение о взаимном земском страховании строений от огня в губерниях, где введено Положение о земских учреждениях // Свод законов Российской империи. Кн. IV. Т. XII. Ч. 1. СПб., 1913. С. 243–246. – URL:// <http://civil.consultant.ru/reprint/books/244/246.html> (Дата обращения: 25.02.2013 г.).
17. *Серговский Н.Г.* Горимость России // Известия Общества страховых знаний. Вып. VII. СПб., 1912. Цит. по: Аленичев В.В. Эволюция страховых институтов в дореволюционной России: дис. ... канд. эконом. наук. Волгоград, 2004. С. 93.
18. Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 679.
19. Стенографические отчеты I Всероссийского съезда земских деятелей в Москве (заседания 1–15 июня 1907 г.). М.: Городская типография, 1907. 278 с.

20. Тульское губернское земство: Очередная сессия 1904 г. Отчет о действиях губернской земской управы 40 очередному губернскому земскому собранию по страховому отделу. Б.м.: б.и., б.г. 18 с.
21. Тульское губернское земство: 45 сессия 1909 г. Страховой отдел: Доклады № 1–24. Б.м.: б.и., б.г. 186 с.
22. Тульское Губернское Земство. 50 очередная сессия 1914 года: отчет Тульской Губернской Земской Управы о ее действиях в 1914 г. Ч. 3: Отделы: дорожный, агрономический, страховой, статистический, сельскохозяйственный, касса мелк. кред., пенсион. касса, ссудная касса: Собрание состоялось 19–23 февраля 1915 г. Тула: Тип. Е.И. Дружининой, 1915. 1295 с.
23. Тульское Губернское Земство. 52 очередная сессия 1916 года: отчет страхового отдела Тульской губернской земской управы по страхованию недвижимых и движимых имуществ за 1915 г. Тула: Тип. Е.И. Дружининой, 1916 г. 177 с.
24. *Шатковская Т.В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... докт. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 65 с.
25. *Mankiv, N.G.* (Harward University). Principles of Economics. International Student Edition. Fourth Edition. Thomson South-Western, 2007. 936 p.

References

1. Administrativnoe pravo iz kursa pravovedeniya po Narodnoj e'nciklopedii izd. 1911 g. Polutom 2. Obshhestvenno-yuridicheskie nauki // Vse o prave: informacionno-obrazovatel'ny'j juridicheskij portal. M., 2001–2012. – URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc542p0/instrum2269/print2278.html> (Data obrashheniya: 25.02.2013 g.).
2. *Alenichev V.V.* E'voljuciya straxovy'x institutov v dorevoljucionnoj Rossii: dis. ... kand. e'kon. nauk. Volgograd, 2004. 196 s.
3. *Blagix L.A., Son L.B.* K voprosu o vzaimosvyazi sberegatel'nogo i straxovogo dela v dorevoljucionnoj Rossii // Problemy' sovremennoj e'konomiki. 2010. № 1 (33). – URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3056> (Data obrashheniya: 25.02.2013 g.).
4. *Vas'kovskij E.V.* Uchebnik grazhdanskogo processa / Pod red. i s predisloviem V.A. Tomsinova. Seriya «Russkoe juridicheskoe nasledie». M.: Zerczalo, 2003. 464 s.
5. Doklady' gubernskoj zemskoj upravyy' po straxovomu otdelu. Tula: tip. N.I. Sokolova, 1901. 58 s.
6. Doklady' Tul'skoj gubernskoj zemskoj upravyy' shestomu ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniyu. Tula: tip. N.I. Sokolova, 1870. 99 s.
7. *Ermolov A.S.* Sovremennaya pozharnaya e'pidemiya v Rossii. SPb.: tip. I. Flejtmana, 1910. 211 s.
8. *Zaguskin N.N.* Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie straxovoj deyatel'nosti v Rossijskoj imperii v XIX–XX vekax: istoriko-pravovoj aspekt: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Nizhnij Novgorod, 2008. 21 s.
9. *Kuty'gin M.A.* Pravovoe regulirovanie instituta straxovaniya v Rossii: e'voljuciya, preemstvennost', problemy' sovershenstvovaniya (istoriko-pravovoj analiz): dis. ... kand. jur. nauk. Rostov-na-Donu, 2007. 190 s.
10. Otchet Tul'skoj gubernskoj zemskoj upravyy' Tul'skomu gubernskomu zemskomu sobraniyu za 1879 g. B.м.: б.и., б.г. 17 s.

11. *Pirumova N.M.* Zemskoe liberal'noe dvizhenie: Social'ny'e korni i e'volyuciya do nachala XX v. M.: Nauka, 1977. 288 s.
12. *Pobedonoscev K.P.* Kurs grazhdanskogo prava. Ch. 3: Dogovory' i obyazatel'stva. SPb.: Sinodal'naya tip., 1896. Sm.: Otd. II. Osobennaya chast' ucheniya o dogovorax i obyazatel'stvax. Gl. IX. Dogovor o nevernom i sluchajnom. V chastn. § 67: URL:// http://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_74.html#95; § 68: URL:// http://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_75.html (Data obrashheniya: 25.02.2013 g.).
13. Pravila o poryadke vy'dachi ssud soderzhatel'ny'm ssudny'm kass i o poryadke vzy'skaniya po takim ssudam // Zakony' grazhdanskie s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushhego Senata i kommentariyami russkix yuristov. Kn. 5 / Sost. I.M. Tyutryumov. – URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/37/page_24.html#64 (Data obrashheniya: 25.02.2013 g.).
14. *Rajlyan A.I.* Straxovoe zakonodatel'stvo Rossijskoj imperii: 1861–1917 gg.: dis. ... kand. jur. nauk. M., 2005. 219 s.
15. Sbornik statisticheskix svedenij po gubernskomu i zemskomu vzaimnomu straxovaniju. 1866–1895 gg. SPb., 1900. Cit. po: Alenichev V.V. E'volyuciya straxovy'x institutov v dorevolucionnoj Rossii: dis. ... kand. e'kon. nauk. Volgograd, 2004. 196 s.
16. Svod polozhenij i pravil o vzaimnom straxovanii. Razdel I: O vzaimnom straxovanii ot ognja. Glava I: Polozhenie o vzaimnom zemskom straxovanii stroenij ot ognja v guberniyax, gde vvedeno Polozhenie o zemskix uchrezhdeniyax // Svod zakonov Rossijskoj imperii. Kn. IV. T. XII. Ch. 1. SPb., 1913. S. 243–246. – URL:// <http://civil.consultant.ru/reprint/books/244/246.html> (Data obrashheniya: 25.02.2013 g.).
17. *Sergovskij N.G.* Gorimost' Rossii // Izvestiya Obshhestva straxovy'x znaniy. Vy'p. VII. SPb., 1912. Cit. po: Alenichev V.V. E'volyuciya straxovy'x institutov v dorevolucionnoj Rossii: dis. ... kand. e'konom. nauk. Volgograd, 2004. S. 93.
18. Sovetskaya istoricheskaya e'nciklopediya / Gl. red. E.M. Zhukov. T. 5. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1964. S. 679.
19. Stenograficheskie otchety' I Vserossijskogo s'ezda zemskix deyatelej v Moskve (zasedaniya 1–15 iyunya 1907 g.). M.: Gorodskaya tipografiya, 1907. 278 s.
20. Tul'skoe gubernskoe zemstvo: Ocherednaya sessiya 1904 g. Otchet o dejstviyax gubernskoj zemskoj uprave' 40 ocherednomu gubernskomu zemskomu sobraniyu po straxovomu otdelu. B.m.: b.i., b.g. 18 s.
21. Tul'skoe gubernskoe zemstvo: 45 sessiya 1909 g. Straxovoj otdel: Doklady' № 1–24. B.m.: b.i., b.g. 186 s.
22. Tul'skoe Gubernskoe Zemstvo. 50 ocherednaya sessiya 1914 goda: otchet Tul'skoj Gubernskoj Zemskoj Uprave' o ee dejstviyax v 1914 g. Ch. 3: Otdely': dorozhny'j, agromicheskij, straxovoj, statisticheskij, sel'skoxozyajstvenny'j, kassa melk. kred., pension. kassa, ssudnaya kassa: Sobranie sostoyalos' 19–23 fevr. 1915 g. Tula: Tip. E.I. Druzhininoj, 1915. 1295 s.
23. Tul'skoe Gubernskoe Zemstvo. 52 ocherednaya sessiya 1916 goda: otchet straxovogo otdela Tul'skoj gubernskoj zemskoj uprave' po straxovaniju nedvizhimy'x i dvizhimy'x imushhestv za 1915 g. Tula: Tip. E.I. Druzhininoj, 1916 g. 177 s.
24. *Shatkovskaya T.V.* Oby'chnoe pravo russijskix krest'yan vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: istoriko-pravovoj aspekt: avtoref. dis. ... dokt. jur. nauk. Rostov-na-Donu, 2009. 65 s.

E.I. Krayushkina

Zemstvo Insurance in Tula Region in 1864–1917

The article is devoted to the study of social-economical modernization in province post-reform era through the prism of the insurance system. For the first time the zemstvo insurance and its impact on the social and legal consciousness of the people are analyzed. The research is based on the historical-anthropological and interdisciplinary approach. When working with sources historical and typological, systemic and genetic methods are used.

Keywords: insurance; modernization; zemstvo; private property; social and legal consciousness.

Т.В. Ершова

1913 год: экономический потенциал Москвы накануне Первой мировой войны

Статья посвящена вопросу экономического потенциала Москвы к 1913 году. Автор анализирует деятельность буржуазии в Москве накануне Первой мировой войны. Работа подготовлена на основе опубликованных источников и литературы.

Ключевые слова: экономический потенциал; фабрики и заводы Москвы.

В 1913 году Москва являлась крупнейшим промышленным центром России. Здесь находились металлургические и металлообрабатывающие заводы, текстильные фабрики, заводы по производству химической продукции, пищевкусовые и кожевенные предприятия. В то же время в городе не было ни одного завода и фабрики по производству военной продукции, что в начале Первой мировой войны отрицательно сказалось на обеспечении армии снарядами, патронами, оружием, обмундированием и пр.

Летом 2014 года исполнится сто лет со дня начала Первой мировой войны. Война потрясла промышленный потенциал всех воюющих стран, в том числе и России. Она оказала огромное влияние на дальнейшее развитие московской промышленности. В этой связи необходимо отметить, что к 1914 году промышленный потенциал Москвы и Московской губернии не был готов обеспечить в необходимых размерах военную кампанию.

Готовясь к мировой войне, соответствующее ведомство России не адекватно оценило возможности Москвы по производству военной продукции, и это был серьезный просчет Генерального штаба накануне войны, что стоило огромных жертв российской армии.

Изучение экономического потенциала Москвы накануне Первой мировой войны, ее роли в промышленном балансе России является актуальным. Не случайно Москве и Московской губернии было уделено внимание в отечественной историографии. Об этом писали в своих трудах А.Л. Сидоров, П.И. Лященко, В.Я. Лаверычев, К.А. Пажитнов, Ю.А. Петров, И.Н. Гаврилова [4, 7–10, 13]. Финансовая политика московских предпринимателей и банкиров накануне Первой мировой войны освещается в монографии В.И. Бovyкина [1]. Историографии истории России начала XX века была посвящена работа К.Н. Тарновского [17]. Отдельные проблемы экономического потенциала города накануне Первой мировой войны рассматриваются в книге «История Москвы. Краткий очерк» [6]. Достаточно глубоко изучено экономическое и финансовое положение Москвы

в начале XX века в монографии Ю.А. Петрова. В его труде уделено много внимания роли представителей господствующих классов в системе финансового капитала и в первую очередь семье Рябушинских [10: с. 141–178]. Таким образом, отечественными исследователями изучался процесс экономического развития России в начале XX века, в том числе и Москвы. Однако до настоящего времени нет специальных исследований, посвященных экономическому потенциалу Москвы в 1913-м, последнем предвоенном году.

Целью данной статьи является попытка провести такое исследование. Нами был привлечен ряд источников: «Статистический сборник за 1913–1917 гг.». Труды ЦСУ. Т. 7. Выпуск 1. (М., 1921), «Всероссийская промышленная и профессиональная перепись 1918 г. Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1916 гг.». Т. XXVI. Выпуск I и II. (М., 1926). Из дореволюционных изданий представляют большое научное значение следующие публикации: «Современное положение города Москвы», изданное в 1913 году под редакцией И.А. Вернера и «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год» (Пг., 1914).

Место Москвы в общей схеме народного хозяйства того времени определялось значимостью фабрично-заводской промышленности. По своему географическому положению и экономическому укладу Москва и Московская губерния являются ядром одного из главных промышленных районов страны, характеризующимся наибольшей концентрацией на сравнительно небольшом пространстве (2 % от территории России) развитого фабрично-заводского производства самых разнообразных отраслей: машиностроительной, металлообрабатывающей, текстильной, ювелирной, химической, полиграфической, пищевкусовой, кожевенной, строительной, деревообрабатывающей и др. [20: с. 3, 7].

Московская губерния не располагает какими-либо ценными ископаемыми, ее промышленность работала преимущественно на привозном сырье и топливе. Добывающая отрасль ограничивается торфоразработками, добычей песка и глины для кирпичных заводов и небольшими фосфоритными рудниками. Сельское хозяйство — также не слишком значимый источник сырья для московской промышленности. Его характер определяется наличием крупного торгово-промышленного центра и рынка сбыта молочных и огородных продуктов.

Основные черты московской промышленности накануне Первой мировой войны — преобладание легкой индустрии, особенно обработки волокнистых веществ, работа на широкий рынок, распространяющийся далеко за пределы Москвы и губернии. Именно эти черты являлись главными в экономическом потенциале города в 1913 году [20: с. 11]. По общему количеству промышленных рабочих город занимал первое место в России, а также лидирующую позицию по выпуску готовой продукции.

Средняя стоимость одной фабрики в Москве в 1913 году составляла: мелкие фабрично-заводские заведения — 32 540 рублей, средние — 160 680 рублей, и крупные — 940 000 рублей [14: с. 21]. В январе 1911 года общее число торгово-промышленных заведений в Москве — 33 573. Средняя доходность

занимаемых ими помещений равнялась 38 462 876 рублей, или в среднем около 1200 рублей на помещение, занимаемое одним торгово-промышленным заведением. В Москве в 1911 году крупных промышленных предприятий было 1175 (в том числе 189 фабрик и заводов), средних — 7005 (из них промышленных 1704) и мелких — 12 077 заведений (из них промышленных 8059) [14: с. 20]. На основании официальных сведений фабричной инспекции в 1913 году, в Москве и в Московской губернии количество фабрик и заводов, подчиненных им, было 1507. На них трудилось 360 289 рабочих. Из них мужчин было 218 033 человек, и женщин — 142 256 человек. В Москве работали 221 640 человек на 1030 промышленных предприятиях [14: с. 4–5; 20]. В 1913 году женщины-работницы в Московской губернии составляли 40 % от общего количества рабочих [12: с. XLVI].

Необходимо подчеркнуть еще одну социально-экономическую особенность развития Москвы. Так, в конце 1912 года в городе общий состав взрослого самодостаточного населения выглядел следующим образом. Из 1,5 млн человек, проживающих в Москве, рабочих различных категорий было 406 223 (40,2 %), прислуга составляла 170 623 человек (16,8 %), служащих различных учреждений — 164 047 человек (16,3 %). Иными словами, из общего количества 740 тысяч взрослого работающего населения Москвы 73 % принадлежали к наемно-трудовому слою. Из них на фабриках и заводах города и пригородов трудилось более 165 тысяч человек. Остальные рабочие являлись строителями, грузчиками, землекопами, работниками транспорта, торговли, сторожами и пр.

В Москве проживали: 10 501 человек (1,1 %) лиц свободных занятий, 38 138 (3,8 %) хозяев с наемными рабочими, 25 289 рантье (2,5 %), 99 156 (3,8 %) иждивенцев государственных и общественных учреждений и 30 095 (3,0 %) человек были безработными [16: с. 2]. Таким образом, основную массу жителей города составляли рабочие, добывавшие средства к существованию своей трудовой деятельностью.

Экономический подъем привел к увеличению рядов московского пролетариата. С 1910 по 1913 год общая численность рабочих фабрик и заводов возросла на 17 %. Наибольший прирост был среди текстильщиков. В 1913 году в Москве их насчитывалось 67 тысяч человек, число рабочих металлообрабатывающих предприятий увеличилось до 31 тысяч. В этом году наблюдалось большое увеличение рабочих строителей, чернорабочих, перевозчиков грузов и др. Следовательно, вместе с ними в городе и пригородах Москвы трудилось не менее 250 тысяч человек [6: с. 182].

В 1913 году Москва являлась крупнейшим в России железнодорожным узлом, в котором сходились 10 железных дорог. После сдачи в эксплуатацию Люберецко-Арзамасской железной дороги, связавшей самым коротким путем Москву с Казанью и, через нее, с Уралом, появилась 11-я линия. Город был связан железными дорогами с Петербургом, Северными и Прибалтийскими

губерниями, с Белоруссией и Польшей, с Украиной и Крымом, с Северным Кавказом и Закавказьем, с крупнейшими регионами Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азией. Общий грузооборот Москвы в 1913 году превышал миллиард пудов. Достаточно много прибывало и транзитных грузов [14: с. 22].

В 1913 году в Москву доставлялись дрова, каменный уголь, нефть, торф, мазут; строительные материалы: лес, цемент, кирпич, камень, известь и пр.; для текстильной промышленности: хлопок и шерсть; для машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности: чугун, сталь, железо, медь. В город в большом количестве доставлялись продукты питания и сырье для пищевой промышленности: пшеница, рожь (в основном мука), крупы, ячмень, мясо, битая птица, яйца, картофель, молоко и молочные продукты, сахар, фрукты, овощи, рыба, икра, чай и т. д. [14. с. 22–23].

Накануне 1913 года в Москве под влиянием неурожая 1911 года в ведущей отрасли московской промышленности проявились кризисные явления. Фабриканты Москвы, в первую очередь производящие ситцы, стали сокращать производство. Уже в 1912 году, чтобы оживить рынок сбыта, они увеличили пасхальный перерыв на две недели. Этот перерыв привел к тому, что не было произведено 720 тысяч кусков тканей на сумму свыше 7 млн рублей. В декабре 1913 года владельцы московских текстильных фабрик заключили соглашение о повышении цен на готовую продукцию и на сокращение производства ситца «с целью оздоровления рынка». Все это в конечном счете привело к образованию крупного монополистического объединения в хлопчатобумажной промышленности и росту цен на текстильные товары [8: с. 71–74].

Под влиянием деятельности московских владельцев текстильных предприятий в городе стал складываться синдикат в красильно-апретурных заведениях. В 1913 году синдикат принял решение о повышении цен на 5 % на всю произведенную продукцию. Накануне Первой мировой войны синдикат общества фабрикантов объединял 32 промышленных предприятия, на которых трудилось 8 тысяч рабочих [7: с. 76–77.]. Таким образом, в 1913 году владельцы крупнейших текстильных предприятий Москвы и Московской губернии создали «Совещание мануфактурных промышленников Московского района», которое относительно быстро было преобразовано в «Общество хлопчатобумажных фабрикантов». Оно объединило 47 промышленных предприятий с общим количеством веретен 3,7 млн и 61 тысячью ткацких станков. На рубеже 1912–1913 годов по предложению крупнейших предпринимателей России — Рябушинских, Коновалова, Корзинкина и др. был создан синдикат «Русское льнопромышленное акционерное общество», которое в короткий срок монополизировало производство и торговлю льняными изделиями [5: с. 112; 10: с. 166, 171–173].

Накануне Первой мировой войны в области текстильной промышленности в Москве занимали ведущее место крупнейшие ткацкие и ситценабивные фабрики, такие как Прохоровская Трехгорная мануфактура, Даниловская мануфактура,

фабрика товарищества Э. Циндель, А Гюбнера и др., красильно-апретурные заведения, крупные фабрики по производству шелка, сукна. Особое место занимали предприятия по производству кожевенных изделий [14: с. 22]. В течение 1912–1913 годов текстильная промышленность Москвы и Московской губернии лидировала по количеству произведенной продукции и по количеству рабочих [7: с. 448]. Второе место по количеству производимой продукции и числу работающих занимали предприятия металлургической и машиностроительной промышленности, затем химической, сахаро-рафинадной, винокуренные заводы, табачные и по производству продуктов питания [14: с. 22].

О величине производства всех видов валовой продукции в Москве в 1913 году можно судить по двум показателям: по стоимости произведенных товаров и по количеству вывезенной готовой продукции и сырья по железным дорогам. Так, в 1913 году в Москве было произведено: силикатными предприятиями — на 3555 тысяч рублей, химическими — на 93 558 тысяч рублей, металлургическими — на 57 382 тысяч рублей, деревообрабатывающими — на 5047 тысяч рублей, пищевыми — на 187 619 тысяч рублей, кожевенными — на 12 921 тысяч рублей, текстильными — на 143 208 тысяч рублей, по производству одежды и туалета — на 17 812 тысяч рублей, бумажно-полиграфическими — на 23 614 тысяч рублей, художественно-прикладными заведениями — на 2246 тысяч рублей, водоснабжением — на 27 872 рублей [16: с. 171] (без военной промышленности, торфяной, строительной, Гознака и железных дорог).

В течение 1913 года в Москву было доставлено и вывезено по железной дороге коммерческих грузов в объеме: хлопка — в среднем 3–3,5 млн пудов (более 2-х млн пудов — во Владимирскую и Костромскую губернии). В Москве и в Московской губернии перерабатывалось до 1-го млн пудов хлопка. Шерсти производилось около 1 млн пудов, из них до 600 тысяч пудов перерабатывалось здесь же, на московских фабриках. Пряжи, ниток, мануфактуры вывозилось из Москвы до 4 млн пудов.

В 1913 году в Москву было доставлено до 4 млн пудов чугуна, до 5 млн пудов железа, жести и стали. Из Москвы вывозилась небольшая часть металла, зато произведенных металлообрабатывающими и машиностроительными заводами изделий вывозилось вдвое больше, чем ввозилось [14: с. 22]. Таким образом, московская промышленность была довольно тесно связана с внутренним рынком России.

Накануне Первой мировой войны в составе жителей города Москвы произошли существенные социальные изменения. По переписи населения города в 1907 году в Москве проживало 1359,9 тысяч человек [4: с. 35, 416; 19: с. 6]. По переписи 1912 года в пределах Московского градоначальства проживало 1617,7 тысяч человек [4: с. 35], в 1914 году — 1 694 815 человек, а в Московской губернии — 1 750 400 человек [2: с. 26]. Следовательно, общее количество жителей города увеличилось за год на 77 115 человек. Этот позволило уже в годы Первой мировой войны использовать людской потенциал Москвы для нужд обороны России.

Таким образом, накануне Первой мировой войны Москва являлась крупнейшим промышленным центром царской России. Здесь находились крупные металлургические, машиностроительные, металлообрабатывающие заводы, огромные текстильные фабрики, перерабатывающие большое количество хлопка и шерсти, предприятия по производству химической продукции, обувные фабрики, предприятия пищевой промышленности. Однако этот экономический потенциал накануне и в начале Первой мировой войны не был использован царским правительством и московской буржуазией для производства военной продукции. И только летом 1915 года, после ряда крупных поражений царской армии, началась мобилизация промышленности [13: с. 14, 16]. Это позволило в дальнейшем в значительной степени обеспечить войска боеприпасами, обмундированием, шанцевым инструментом и другим военным имуществом. Надо отметить, что опыт мобилизации промышленности Москвы в условиях Первой мировой был учтен и использован в годы Великой Отечественной войны.

Литература

1. *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М.: Росспэн, 2001. 319 с.
2. *Вольф М.Б., Мебус Г.А.* Статистический справочник по экономической географии СССР и других государств: пособие для преподавателей и учащихся. Л.: Госиздат, 1924. 183 с.
3. Всероссийская промышленная и профессиональная переписка. 1918. Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1917 гг. Труды ЦСУ. Т. XXVI. Вып. I–II. М.: ЦСУ, 1926. 796 с.
4. *Гаврилова И.Н.* Население Москвы: исторический ракурс. М.: Мосгорархив, 2001. 480 с.
5. *Дихтяр Г.А.* Внутренняя торговля в дореволюционной России / Ред. И.А. Гладков. М.: АН СССР, 1960. 237 с.
6. История Москвы. Краткий очерк / Ред. С.С. Хромов. М.: Наука, 1974. 515 с.
7. *Лаверычев В.Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.). М.: МГУ, 1963. 423 с.
8. *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. 728 с.
9. *Пажитнов К.А.* Очерки истории текстильной промышленности в дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М.: АН СССР, 1955. 247 с.
10. *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века. Предпринимательство и политика. М.: Мосгорархив, 2002. 440 с.
11. Россия накануне Первой мировой войны. Статистико-документальный справочник. М.: Самотека, 2008. 430 с.
12. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. Пг.: МТ и Пр., 1914. ХСII, 317 с.
13. *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 655 с.
14. Современное хозяйство города Москвы / Ред. И.А. Вернер. М.: Московская городская управа, 1913. 654, II с.

15. Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии / Составлен статистическим отделом Московского Совета. Вып. 2: Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М.: Статистический отдел Моссовета, 1927. XIII, 279 с.
16. Статистический сборник за 1913–1917 гг. Труды ЦСУ. Т. 7. Вып. I. М.: ЦСУ, 1925. VI, 275 с.
17. *Тарновский К.Н.* Социально-экономическая история России. Начало XX века. Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов / Ред. П.В. Волобуев. М.: Наука, 1990. 292 с.
18. Труд в Москве и в Московской губернии в 1923–1925 гг.: сборник статистических материалов. М.: Труд и книга, 1926. 439 с.
19. Труды статистического отдела Московской городской управы. Вып. I. М.: Моск. гор. управа, 1913. 38 с.
20. Фабрично-заводская промышленность города Москвы и Московской губернии. 1917–1927. М.: Московский статистический отдел, 1928. 231 с.

References

1. *Bovy'kin V.I.* Finansovy'j kapital v Rossii nakanune Pervoj mirovoj vojny'. М.: Rosspe'n, 2001. 319 s.
2. *Vol'f M.B., Mebus G.A.* Statisticheskij spravocnik po e'konomicheskoj geografii SSSR i drugix gosudarstv: posobie dlya prepodavatelej i uchashhixsya. L.: Gosizdat, 1924. 183 s.
3. Vserossijskaya promy'shlennaya i professional'naya perepiska. 1918. Fabrichno-zavodskaya promy'shlennost' v period 1913–1917 gg. Trudy' CSU. T. XXVI. Vy'p. I–II. М.: CSU, 1926. 796 s.
4. *Gavrilova I.N.* Naselenie Moskvy': istoricheskij rakurs. М.: Mosgorarxiv, 2001. 480 s.
5. *Dixtyar G.A.* Vnutrennyaya trgovlya v dorevolucionnoj Rossii / Red. I.A. Gladkov. М.: AN SSSR, 1960. 237 s.
6. Istoriya Moskvy'. Kratkij ocherk / Red. S.S. Xromov. М.: Nauka, 1974. 515 s.
7. *Lavery'chev V.Ya.* Monopolisticheskij kapital v tekstil'noj promy'shlennosti Rossii (1900–1917 gg.). М.: MGU, 1963. 423 s.
8. *Lyashhenko P.I.* Istoriya narodnogo xozyajstva SSSR. T. II. Kapitalizm. 4-e izd. М.: Gospolitizdat, 1956. 728 s.
9. *Pazhitnov K.A.* Ocherki istorii tekstil'noj promy'shlennosti v dorevolucionnoj Rossii. Sherstyanaya promy'shlennost'. М.: AN SSSR, 1955. 247 s.
10. *Petrov Yu.A.* Moskovskaya burzhuaziya v nachale XX veka. Predprinimatel'stvo i politika. М.: Mosgorarxiv, 2002. 440 s.
11. Rossiya nakanune Pervoj mirovoj vojny'. Statistiko-dokumental'ny'j spravocnik. М.: Samoteka, 2008. 430 s.
12. Svod otchetov fabrichny'x inspektorov za 1913 god. Pg.: MT i Pr., 1914. XCII, 317 s.
13. *Sidorov A.L.* E'konomicheskoe polozhenie Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny'. М.: Nauka, 1973. 655 s.
14. Sovremennoe xozyajstvo goroda Moskvy' / Red. I.A. Verner. М.: Moskovskaya gorodskaya uprava, 1913. 654, II c.
15. Statisticheskij ezhegodnik g. Moskvy' i Moskovskoj gubernii / Sostavlenn statisticheskim otdelom Moskovskogo Soveta. Vy'p. 2: Statisticheskie danny'e po g. Moskve za 1914–1925 gg. М.: Statisticheskij otdel Mossoveta, 1927. XIII, 279 s.

16. Statisticheskij sbornik za 1913–1917 gg. Trudy' CSU. T. 7. Vy'p. I. M.: CSU, 1925. VI, 275 s.
17. *Tarnovskij K.N.* Social'no-e'konomicheskaya istoriya Rossii. Nachalo XX veka. Sovetskaya istoriografiya serediny 50-x – nachala 60-x godov / Red. P.V. Volobuev. M.: Nauka, 1990. 292 s.
18. Trud v Moskve i v Moskovskoj gubernii v 1923–1925 gg.: sbornik statisticheskix materialov. M.: Trud i kniga, 1926. 439 s.
19. Trudy' statisticheskogo otdela Moskovskoj gorodskoj upravy'. Vy'p. I. M.: Mosk. gor. uprava, 1913. 38 s.
20. Fabrichno-zavodskaya promy'shlennost' goroda Moskvy' i Moskovskoj gubernii. 1917–1927. M.: Moskovskij statisticheskij otdel, 1928. 231 s.

T.V. Ershova

1913: the Economic Potential of Moscow on the Eve of the First World War

The article is devoted to the economic potential of Moscow in 1913. The author analyzes the activity of the bourgeoisie in Moscow on the eve of the First World War. The work is prepared on the basis of published sources and literature.

Keywords: industrial potential; factories and plants of Moscow.

В.В. Шевцов

**«Пасынок сибирской печати»:
неофициальная часть
«Иркутских губернских ведомостей»
1900–1919 годов**

После первых, ярких лет выхода неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» газета практически полностью исчезла из поля зрения исследователей сибирской периодической печати. Между тем в начале XX века иркутская губернаторская власть предприняла удачную попытку возвращения ее в общественно-политическое пространство Восточной Сибири в качестве газеты для чтения, а не только для знакомства с официальными распоряжениями. Трижды — в период первой русской революции, революции 1917 года и в качестве местного печатного органа белой Сибири «Иркутские губернские ведомости» выполняли информационные и пропагандистские функции.

Ключевые слова: «Иркутские губернские ведомости»; периодическая печать; общественная жизнь Сибири.

«Иркутские губернские ведомости» стали издаваться с 1857 года в ряду первых сибирских газет — «Тобольских», «Енисейских» и «Томских» губернских ведомостей. Газета состояла из официальной части (содержавшей общегосударственные законы, распоряжения, касавшиеся данной губернии, постановления и предписания местных властей, казенные объявления) и неофициальной части, в которой возможно было размещать «относящиеся до местности сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и проч.» (ПСЗ. II, т. XXX, № 29059). В зависимости от отношения к ведомостям губернских властей, личности редактора, наличия местных литературных сил и других обстоятельств из унифицированного типового издания выростали разнообразные, непохожие друг на друга по структуре и содержанию региональные варианты, лишь в общих чертах обнаруживавшие сходство с первоначальным единым проектом местной правительственной газеты, введенным законоположениями от 1830, 1837 и 1845 годов (ПСЗ. II, т. V, № 4036; т. XII, № 10304, § 86–96; т. XX, № 18580, статьи 142–175).

В 1857–1859 годах, когда редактором неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» был Н.А. Спешнев, а затем М.В. Загоскин, она отличалась тематическим и жанровым разнообразием, широким кругом авторов и критическим публицистическим направлением [15: с. 37–44]. В 60-е годы

неофициальная часть не утратила своего значения в местной общественной жизни (хотя последующих историков сибирской печати привлекали главным образом первые годы выхода первой иркутской газеты [3: с. 8, 15–17; 5: с. 39–44; 6: с. 205–223; 16: с. 671–672]). В 70–80-х годах неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» состояла преимущественно из одних частных объявлений и рекламы, редких отчетов различных обществ. Попытки ее оживления со стороны генерал-губернаторской власти предпринимались в 1871, 1882 и 1889 годах. В 1888 году в Иркутск из Петербурга было перенесено «Восточное обозрение» Н.М. Ядринцева, которое после прекратившейся в 1887 году «Сибири» стало выполнять функцию региональной общественно-политической газеты, обеспечивая своими передовыми статьями, корреспонденциями, новостями и фельетонами информационные потребности местного образованного общества.

С 1 июля 1900 года по ходатайству иркутского губернатора И.П. Молле-риуса «Иркутские губернские ведомости» стали издаваться по расширенной программе, ежедневно и в большом формате. С № 14 от 5 апреля 1900 года ее редактором стал Александр Иванович Виноградов. Приглашение крестьянским начальникам выписывать газету было поставлено на вид редактору неизвестным иркутским корреспондентом томской «Сибирской жизни», который обвинил Виноградова в принуждении к чтению «литературно-бюрократических начинаний» (Сибирская жизнь. – 1901. – 1 марта. – № 47). Виноградов ответил, что возглавляемые им ведомости уже «успели затронуть целый ряд кардинальных общественных вопросов и едва ли в чем-нибудь серьезно погрешили против заветов великих учителей и предшественников наших на поприще периодической печати <...> Официальные органы у нас имеют свою роковую судьбу. Хотя старейшие исторически, они попали в положение каких-то пасынков прессы и повсюду встречают в ней подозрительность и глухое недоброжелательство» (Иркутские губернские ведомости. – 1901. – 1 апреля. – № 72).

Структура номера стала выглядеть следующим образом: официальная часть (менее одной страницы печатной площади), телеграммы Российского телеграфного агентства, передовая статья, общероссийские события, обзор столичных газет, местная хроника, корреспонденции, судебная хроника, сельскохозяйственный отдел, смесь, справочный отдел, казенные и частные объявления, реклама. С февраля 1901 года в газете появилась новая рубрика «По Сибири» с целью «осведомления наших читателей с тем, как и чем живут обитатели пространной Сибири, что делают и на что надеются» (Иркутские губернские ведомости. – 1901. – 2 февраля. – № 27). В апреле газета дополнилась литературным отделом, в котором помещались географические и этнографические очерки, театральные воспоминания, фельетоны о нравах промысловиков, ссыльных, дамах полусвета, актрис, певиц и других лиц «свободных профессий», чья жизнь была полна приключений, возбуждающих

читательский интерес. Место действия и сюжеты фельетонов, а также топонимические псевдонимы («Влад. Ангарский», «Саянов», «Кот Сибирский», «Сибирский Пангос» и т. д.) указывают на то, что их авторами были местные литературные силы.

Основным автором передовых был сам А.И. Виноградов. Их корректуру просматривал лично И.П. Моллериус, предоставив редакции «возможную свободу в выборе тем» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 16 марта. – № 4013). Виноградов привлек к журналистской работе еще несколько постоянных сотрудников. В газете в течение пяти лет работали А.А. Громов и Н.Н. Козьмин. И.В. Родионов выполнял функции иркутского хроникера. О событиях городской жизни, а также о поземельном устройстве в Сибири и развитии сельского хозяйства писал Т.Г. Ефимов. Корреспонденты «Иркутских губернских ведомостей» сообщали регулярно из самых глубоко провинциальных населенных пунктов Восточной Сибири о негативных сторонах местной невеселой жизни — произволе купцов-спекулянтов, бедности населения, дороговизне самых необходимых товаров, низком санитарно-гигиеническом состоянии жилищ и т. д. С читателями была налажена обратная связь — на страницах газеты помещались письма и возражения по поводу опубликованных в ведомостях статей и корреспонденций.

В рубрике «Местная хроника» события приводились в порядке их важности и значения: праздники, торжественные богослужения, благотворительные мероприятия, концерты и вечера, чрезвычайные происшествия и преступления, наложенные губернатором штрафы на жителей, разнообразные бытовые зарисовки. Широко была представлена коммунально-бытовая тема: состояние тротуаров, освещение улиц, цены на рынках, работа ассенизаторов, невысокий уровень сервиса со стороны биржевых извозчиков, появление в городе первых автомобилей и другие события повседневной городской жизни.

Подавление восстания ихэтуаней в Китае стало одной из основных внешнеполитических тем обновленных «Иркутских губернских ведомостей». Мобилизация войск Приамурского военного округа и близость Иркутской губернии к происходившим событиям ставили перед местной правительственной газетой задачу оперативного ознакомления населения с положением дел на русско-китайской границе и в Пекине. В специальных рубриках «Внешние известия», «Вести с Дальнего Востока», «К событиям в Китае» рассказывалось о действиях войск коалиции, предложениях русской дипломатии об урегулировании «китайского вопроса», положении христианских миссионеров, русских экономических и военно-политических интересах на Дальнем Востоке. Поворот к Востоку в российской внешней политике обусловил интерес к жителям Серединной империи — в «Ведомостях» стали размещаться статьи о близлежащих китайских провинциях, о характере китайцев, их истории, религии, вооруженных силах. После окончания войны тема Китая практически пропала из передовиц, ее заменила театральная хроника и расширившаяся «Местная хроника». Однако с 1903 года,

в соответствии с представлениями определенных правительственных кругов, что будущее Российской империи лежит в Азии, стали «подогреваться» колониаторские чувства читателей. В новых рубриках — «По Маньчжурии» и «По Русскому Востоку» (включая Харбин и Порт-Артур) утверждалась необходимость сохранения режима оккупации Маньчжурии, что отвечало экономическим интересам России и Восточной Сибири. Ведущие частные издания («Сибирская Жизнь», «Восточное обозрение» и «Дальний Восток») также выступали с позиций культуртрегерства христианской России по отношению к «варварским» восточным соседям и пропагандировали скоротечную и победоносную войну с Японией [1: с. 13–14]. Такую позицию либеральной печати, «неожиданно» схожую с официальной прессой, возможно объяснить недавними и впечатляющими успехами русского оружия в Средней Азии, пренебрежительным отношением к Востоку как военному противнику (что доказывала «операция по принуждению к миру» династии Цин в 1901 году), представлениями о европеизаторской миссии Сибири в Азии, лежавшими в основе как отвлеченных теоретических построений (например, идеологии областничества), так и конкретных шагов российской политики на Дальнем Востоке.

С началом русско-японской войны жанр военной хроники и аналитики стал преобладающим. «События, происходящие на Дальнем Востоке, отодвинули как-то на задний план все местные вопросы, в свое время волновавшие общество», — так писал А.И. Виноградов в одном из своих обращений к читателям (Иркутские губернские ведомости. — 1904. — 20 февраля. — № 3651). Собственные передовые, перепечатки из центральных газет, телеграммы Торгово-телеграфного (Санкт-Петербургского) агентства (поступавшие более оперативно, чем телеграммы РТА и стоившие редакции ежемесячно до 1 тысяч рублей), позволяли читателям уже через день-два узнавать о происходящем в Порт-Артуре и Маньчжурии. С апреля 1904 года в газете с периодичностью в среднем два раза в неделю стали печатать фотографии русских крепостей и боевых кораблей, героев обороны Порт-Артура, генералов и рядовых солдат, а также подробные карты театра военных действий. Значительное место уделялось влиянию военных действий на положение населения в ставших прифронтовыми восточносибирских губерниях и областях — первоначальные сообщения о народных манифестациях, молебнах о скорой победе, записях добровольцами и торжественных проводах призывников сменились списками убитых и раненых, тревожными публикациями о нехватке рабочих рук в деревне, росте цен на продовольствие, борьбе со спекулянтами, проблемах с расквартированием прибывающих воинских частей, раненых и больных. Регулярными стали сообщения о сборе средств на нужды армии и Красного Креста (в том числе и редакцией «Иркутских губернских ведомостей»).

В первой большой войне, в которой приняла участие Сибирь, ей отводилась не только роль непосредственного тыла и мобилизационного ресурса,

но и форпоста Российской империи и всей Европы в борьбе с «желтой опасностью»: «Да, сибиряки соберут весь запас своей могучей энергии и легко вынесут на своих плечах то, что доступно богатырю-народу, каковым был всегда истинно русский человек, о грудь кого разбилась знаменитая миллионная татарская орда и о которую разобьется желтая опасность, угрожающая снова всему европейскому миру и его цивилизации» (Иркутские губернские ведомости. – 1904. – 11 сентября. – № 3839). В начале XX века синофобия была свойственна определенным политическим и интеллектуальным кругам России. В условиях неудач в империалистической борьбе за передел мира идея оправдать случившийся конфликт и перевести его в русло столкновения цивилизаций представлялась более предпочтительной.

Оптимистическая оценка перспектив военных действий оставалась преобладающей на протяжении всего 1904 года даже после череды неудач русской армии на суше и на море, которые рассматривались как временные затруднения. Сдача Порт-Артура, поражение под Мукденом и разгром Цусимской эскадры вскрыли искаженный характер «образа врага», в котором «вместо смешного полудикаря, по обезьяньи копирующего внешние формы европейской цивилизации, пришлось увидеть прекрасно организованного, вооруженного всеми усовершенствованиями современной боевой техники и сильного духом противника» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 1 января. – № 3945). Гнетущая атмосфера приближающегося поражения оттенялась сообщениями о героических подвигах русских солдат (и особо — солдат сибирских губерний) в кровопролитных и неравных сражениях. В общем отношении к войне произошла смена идеологемы от «победоносной» к «трагичной», «злосчастной», «несчастной» для России. Причины неудач частная сибирская пресса, стремительно отказавшаяся от «многовековых интересов России на Востоке», стала искать в самодержавном политическом устройстве, а «Иркутские губернские ведомости», в соответствии с правительственной точкой зрения, сосредоточились на субъективных обстоятельствах, происках внешних врагов (Великобритании и США) и деятельности «злоумышленных вождей мятежного движения».

О падении Порт-Артура «Иркутские губернские ведомости» известили своих читателей в начале января (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 4 января. – № 3947), описание обстоятельств и причин сдачи «неприступного оплота» на Дальнем Востоке смешалось с тревожными сообщениями из столицы. О столкновениях рабочих с полицией в Иркутске стало известно 12 января, в этот же день «Ведомости» вышли с соответствующими телеграммами «Санкт-Петербургского телеграфного агентства» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 12 января. – № 3954). «Беспорядки», «преступления», «бунт», «мятеж», «безумие», «нравственная эпидемия» — так в телеграммах «Российского» и «Санкт-Петербургского» телеграфных агентств, передовых статьях и перепечатках из консервативно-охранительных газет («Новое вре-

мя», «Киевлянин», «Харьковские губернские ведомости», «Южный край» и др.) квалифицировались характер и содержание происходящих событий. С сентября 1905 года с позиций умеренного монархизма «Иркутские губернские ведомости» стали уходить вправо, приобретая черносотенное звучание. В организации революции (которая называлась таковой уже без эвфемизмов) обвинялись евреи и сторонники «жидовствующего либерализма». Рубрика «Наша внутренняя смута» (с № 4152 от 4 сентября 1905 г.) стала наполняться оценочными и аналитическими статьями из «Русского знамени», «Русской земли» и «Московских ведомостей». Однако такое направление не было стабильным. Манифест 17 октября 1905 года, изменявший самодержавный строй страны, оценивался положительно, давались разъяснения понятий «свобода слова» и «избирательное право», а автор Манифеста С.Ю. Витте нарекался «надежным кормчим» для «заливаемого волнами государственного корабля» (Иркутские губернские ведомости. – 1905 – 12 ноября. – № 4206). В одном номере могли соседствовать публикации о создании «Торгово-промышленной партии» (перепечатка из «Русского листка» — голоса русских людей), об учреждении «Крестьянского союза», рассматривавшего возможность отчуждения земли («Новое время»), о программе «Союза 17 октября» (из центристского «Слова») и, наконец, из «Торгово-промышленной газеты» приводилось обращение кадета Ф.И. Родичева к рабочим о том, что «активная борьба с монархизмом может лишь раздражить народ и набросить его на свободу и право» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 22 декабря. – № 4234).

На редакционной политике газеты отражались особенности текущего момента и различие политических предпочтений в губернском руководстве. 4 марта 1905 года Моллериус получил назначение в члены Совета министра внутренних дел. В прощальном слове депутации от «Иркутских губернских ведомостей» говорилось, что его отъезд лишает газету «опытного, спокойного и благожелательного руководителя» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 16 марта. – № 4013). Исполнять обязанности начальника губернии стал вице-губернатор В.А. Мишин, который повел решительную борьбу с революционерами (что стало причиной покушения на него 23 декабря 1905 г.) и стремился усилить значение местной правительственной газеты для противостояния радикальным общественным настроениям. В начале сентября 1905 года, по болезни, А.И. Виноградов оставил редактирование неофициальной части. Редактором вместо него был назначен заведующий губернской типографией Устин Иванович Горайский (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 6 сентября. – № 4153). Он, в отличие от либерально настроенного Виноградова (уже подавшего прошение об издании «прогрессивной» ежедневной газеты «Иркутский вестник»), более соответствовал требованиям вице-губернатора (27 ноября 1905 года союз иркутских типографских рабочих объявил Горайскому бойкот (Восточное обозрение. – 1905. – 2 декабря. – № 266)). 21 октября 1905 года, в самый разгар заба-

стовочного движения в Иркутске, Виноградов, по распоряжению прибывшего в Иркутск нового губернатора М.Н. Кайгородова, вновь вступил в должность редактора неофициальной части (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 21 октября. – № 4187), однако менее чем через месяц его вновь сменил У.И. Горайский (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 17 ноября. – № 4210), выступивший с критикой «Иркутского вестника», возглавляемого своим бывшим начальником.

В рубрике «Хроника» «Иркутские губернские ведомости» представляли свою версию происходящего в городе, отличную от той, которая отражалась в оппозиционных газетах и революционных листовках. О митинге, организованном 17 октября местными комитетами социал-демократов и социалистов-революционеров, собравшем четыре – пять тысяч человек, и «Стачечном листке» тиражом в 3000 экземпляров [7: с. 136] генерал-губернатор граф П.И. Кутайсов сообщал следующим образом: «Ничтожная группа людей, явно ставших на сторону врагов Правительства, призывает население к насилию и уличным беспорядкам. Распуская нелепые, заведомо ложные слухи, люди эти смущают мирных граждан, принуждая их угрозами примкнуть к преступным замыслам <...> Призываю также жителей не придавать веры разбрасываемым по городу преступным листкам – в них правды нет» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 21 октября. – № 4187). Текст Высочайшего Манифеста был получен Кутайсовым по телеграфу 22 октября в 12 часов дня и уже через час первые 25 экземпляров были розданы редактором «Иркутских губернских ведомостей» Виноградовым представителям самых разных слоев иркутского населения, собравшихся у ворот губернской типографии (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 24 октября. – № 4189).

В период нарастания революции, в ноябре – декабре 1905 года, неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» вступила в полемику с «Восточным обозрением», которое новый редактор-издатель, ссыльный народоволец И.И. Попов фактически сделал легальным органом иркутских эсеров и социал-демократов. Законоучитель женской гимназии о. Ф. Верномудров, являвшийся одним из организаторов иркутского отдела монархического «Русского собрания», в ответ на «ураган невероятных и систематических нападок» со стороны «Восточного обозрения» (Восточное обозрение. – 1905. – 6 ноября. – № 244), выступил против вовлечения детей в революционную агитацию, утверждая приоритет нравственной христианской свободы над формальной политической (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 23 ноября. – № 4214). В статье «Что нам делать теперь в это смутное время?» Верномудров призвал иркутян «оставить чувство злобы и мести друг к другу, одной партии к другой, общества к правительству, простого народа — к господам <...> Отказаться теперь от всяких протестов, манифестаций, проявлений недовольства к нашему Царю, к его правительству» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 26 ноября. – № 4217). Новый редактор

газеты У.И. Горайский ответил на передовую «Восточного обозрения» (Восточное обозрение. – 1905. – 11 декабря. – № 274) о необходимости образования политических союзов чиновников, что «такое ненормальное отношение низших органов управления к высшим вносит разгром и разложение в самые недра механизма государственного управления и является чреватым самыми губительными для государства последствиями, до анархии включительно» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 21 декабря. – № 4233). Техник управления по строительству кругобайкальской железной дороги Алисов утверждал, что забастовка железнодорожных служащих 14–15 октября не была всеобщей, как об этом писало «Восточное обозрение» (Восточное обозрение. – 1905. – 27 октября. – № 235), — из 100 человек управления 20, включая автора, продолжили исполнение своих обязанностей (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 19 ноября. – № 4212). Старший контролер ведомства государственного контроля Забайкальской железной дороги К. Саловский опровергал сообщение «Восточного обозрения» (Восточное обозрение. – 1905. – 4 декабря. – № 268) о вступлении всех чинов ведомства во «Всероссийский союз служащих контрольных учреждений» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 6 декабря. – № 4221). Чиновников, не примкнувших к забастовке почтово-телеграфных служащих, «Восточное обозрение» называло «белыми рабами», «Ведомости» отвечали, что «для “Восточного обозрения”, по-видимому, нет граждан с убеждениями, и все, кто не пляшет по его социал-демократической дудке, оказываются уже рабами, не красными, конечно, рабами, а белыми» (Иркутские губернские ведомости. – 1905. – 10 декабря. – № 4224).

В 1906 году в Иркутской губернии начался настоящий издательский бум — появилось 17 новых газет и 5 журналов [4: с. 75]. В то время как в 1905 году издавалась только одна частная газета — «Восточное обозрение» (приостановлено 22 января 1906 г. «ввиду проявляемого ею вредного для общественного спокойствия направления» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 423. Л. 1)). Основной политической темой местного раздела «Иркутских губернских ведомостей» в 1906–1907 годах были выборы депутатов в Государственную Думу. Газета выступала в поддержку «Союза 17 октября» и монархических организаций — «Братства святого Иннокентия» и «Русского собрания». Однако, в отличие губернской газеты Томской губернии, «Иркутские губернские ведомости» были менее политизированы, ограничиваясь лишь информационными сообщениями о ходе предвыборной компании, воспроизведениями стенограмм заседаний Государственной Думы, перепечатками передовых из «Русского государства» и «Правительственного вестника». С середины 1906 года в Иркутске стали выходить специализированные правомонархические газеты — «Русский черносотенец» и «Сибиряк». Выборный представитель от Иркутской губернии был избран только во II Думу — основная борьба развернулась между кадетами и социал-демократами. В результате право поехать в Петербург получил меньшевик В.Е. Мандельберг [8: с. 107].

С февраля 1908 года по распоряжению и.д. иркутского губернатора А.Н. Югана «Иркутские губернские ведомости» стали выходить с сокращенным неофициальным отделом, два раза в неделю. Редактором газеты и заведующим губернской типографии был назначен чиновник особых поручений А.А. Ольшанский, который исполнял свою должность до конца марта 1917 года, когда газету единолично стал подписывать губернский комиссар Временного правительства И.А. Лавров. До Февральской революции «Иркутские губернские ведомости» лишь единожды обратились со своих страниц к населению — 21 февраля 1913 года по всей стране праздновался юбилей дома Романовых, и газета рассказывала об основных действующих лицах Смутного времени, возникновении правящей династии и ее роли в истории Сибири. В этот день «Иркутские губернские ведомости» вышли большим форматом (73 × 43,5 см), на плотной бумаге, с цветной шапкой, и огромным тиражом — 12 тысяч экземпляров для бесплатного распространения среди населения (Иркутские губернские ведомости. — 1913. — 21 февраля. — № 5616; 27 февраля. — № 5617).

При новой власти «Иркутские губернские ведомости» (выходившие с гербом губернии, но без короны) печатали постановления Временного правительства, а в неофициальной части — частные объявления. После Октябрьской революции газета продолжала выходить до 31 декабря 1917 года как орган Иркутского губернского комиссариата, несмотря на то, что в начале декабря 1917 года в городе начались вооруженные столкновения между силами Советов рабочих и солдатских депутатов и Комитетом защиты революции. 4 декабря 1917 года губернский комиссар И.А. Лавров, подписывавший газету, был арестован большевиками, однако 10 декабря освобожден юнкерами [9: с. 260]. В результате декабрьских боев 8–17 декабря в Иркутске фактически была установлена советская власть, 29 декабря вышел первый номер газеты «Власть труда» — орган Совета рабочих и солдатских депутатов [9: с. 267–268].

В июле 1918 года, после прихода к власти Сибирского Временного правительства, «Иркутские губернские ведомости» возобновились как официальный орган иркутского губернского комиссара, эсера П.Д. Яковлева, сохранившего свой пост и после колчаковского переворота 18 ноября 1918 года. Редактором официальной части был бывший член губернского воинского присутствия А.П. Церерин, занимавший должность помощника управляющего Иркутской губернией [10: с. 27–28, 72], неофициальную часть возглавлял Г.И. Поршневу, в дореволюционные годы работник книжных магазинов и библиотек Иркутска, также член партии эсеров [9: с. 501–502].

В апреле 1919 года в неофициальной части появился обзор текущих событий, в целях осведомления населения губернии о положении на фронтах и о важнейших правительственных мероприятиях (Иркутские губернские ведомости. — 1919. — 27 (14) апреля. — № 6233). Расширение программы газеты происходило не только в силу местных обстоятельств, но и в связи с кур-

сом на расширение пропагандистской деятельности Омского правительства для мобилизации населения Урала и Сибири [12: с. 113]. Выходящие два раза в неделю, «Ведомости» рассылались во все волостные земские управы и сельские общества губернии с приложением пропагандистских брошюр, газет или листовок. В рубрике «Борьба с большевиками» сообщалось об успехах весеннего наступления 1919 года, об антибольшевистских восстаниях, дезертирстве и сдаче в плен красноармейцев, тяжелом положении населения в «советской России». Причиной крестьянских восстаний на контролируемых белыми территориях называлась «работа большевистских комиссаров, проникших вместе с военнопленными через наш фронт» (Иркутские губернские ведомости. – 1919. – 3 (21) августа. – № 6259). Несмотря на очевидный пропагандистский характер этих сообщений, призванных укрепить веру сибиряков в ближайшее падение советской власти, публикации в газете в целом отражали действительное положение дел. Когда ситуация на восточном фронте стала меняться в пользу Красной Армии, их развернутость и торжественность сменилась краткостью и фактологичностью. Слухи распространялись быстро, и необходимо было сообщать относительно верную информацию, хотя и с некоторым опозданием, и в успокоительно-загримированной форме («отвод на заранее приготовленные позиции», «военные действия носят характер маневра» и т. п. эвфемизмы отступления), иначе газету просто бы перестали читать. Например, 8 августа 1919 года без боя была оставлена Тюмень, известие о взятии города большевиками распространилось в Иркутске уже 9 августа [9: с. 360], а в «Иркутских губернских ведомостях» об этом было напечатано более чем через неделю: «Оставление нашими войсками г. Тюмени объясняется принятым высшим командованием планом стягивать наши войска, не вступая в большие бои с противником» (Иркутские губернские ведомости. – 1919. – 17 (4) августа. – № 6262). Надежды теперь возлагались на продвижение войск А.И. Деникина по направлению к Москве и Н.Н. Юденича к Петрограду. Таким образом сглаживалось впечатление о военных неудачах и создавалось представление о едином антибольшевистском фронте, временные успехи «красных» на участках которого не могли отвратить их конечного поражения (подобно кайзеровской Германии в 1918 г.) [11: с. 48]. В пропагандистских воззваниях к населению говорилось уже не о спасительных мессианских задачах Сибири в отношении России, а о ближайших непосредственных угрозах, которые исходят из нее: «Теснимые с юга и запада <...> большевики введут свои разбойничьи кровавые банды в Сибирь. Они отдадут ее на разграбление голодных красноармейцев, они рассчитывают здесь кормиться и укрепиться, они собираются разорвать сибирских крестьян и казаков, чтобы за их счет продолжить гнусную зверскую войну против порядка и честного труда (Иркутские губернские ведомости. – 1919. – 4 сентября (22) августа. – № 6267). В переходе от наступательной стратегии к оборонительной власть

взывала к патриотическим чувствам сибиряков, пытаясь воздействовать более на эмоциональную, чем на рациональную сферу восприятия. В обращении П.Д. Яковлева к иркутянам отчаянный призыв «ИДИТЕ В АРМИЮ!» как заключение заключал каждый абзац запугивающих описаний «зверств» большевистского режима: «Большевики, разорившие Европейскую часть России, голодные и опьяненные кровью, двигаются на СИБИРЬ! НЕ ПУСКАЙТЕ ИХ! Там, в России, они разрушили все фабрики и заводы, разорили крестьянское хозяйство, лишили хлеба рабочего и крестьянина и, как скотину, погнали их в Красную Армию» (Иркутские губернские ведомости. – 1919. – 14 (1) сентября. – № 6270). С каждой неделей положение на фронте ухудшалось, о чем лаконично, уже без каких-либо комментариев, сообщалось в органе управляющего Иркутской губернией, переименованного с 1 ноября в «Ведомости Иркутской губернии». 14 ноября Красная Армия заняла Омск. В Иркутске под руководством эсеро-меньшевистского Политцентра готовилось антиколчаковское восстание. В декабре 1919 года местный административный аппарат утратил контроль над городом, «Ведомости Иркутской губернии» прекратили свое существование. 5 января 1920 года власть в Иркутске перешла к Политцентру, а 21 января — к большевистскому военно-революционному комитету.

Итак, с середины 1900 года неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» вновь обрела своего читателя, тираж газеты увеличился с 650 экземпляров до 1,5 тысяч в 1901-м, и 5 тысяч в 1905 году (Сибирская жизнь. – 1901. – 1 марта. – № 47; Иркутские губернские ведомости. – 1901. – 1 апреля. – № 72; 1905. – 16 марта. – № 4013). Изучение бытовых и экономических условий местной жизни, народное образование, популяризация сельскохозяйственных знаний, деятельность городской думы и события на Дальнем Востоке были основными темами неофициальной части ведомостей. Расширение программы газеты соответствовало как изменениям местных условий (строительство Транссибирской магистрали, развитие капиталистических отношений, административные и судебные преобразования в Сибири), так и назревшей необходимости обновления всей концепции региональной государственной прессы, созданной «Положением об издании губернских ведомостей» 1830 года. На протяжении 70 лет эта концепция претерпевала как фактические (по большей части) в отношении отдельных или ряда изданий, так и законодательные (по меньшей части) изменения. В ходе работы Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей, работавшей в апреле 1901 года, «Иркутские губернские ведомости» (как и «Енисейские») были отмечены среди прочих ведомостей Сибири [13: с. 292].

Не следует принимать в качестве единственного и бесспорного мнение об обновленных «Иркутских губернских ведомостях» сибирского журналиста и общественного деятеля К.В. Дубровского (имя которого вошло в хрестоматийные издания по истории сибирской печати), который писал, что «серьезная статья в газете почти отсутствовала», а местные вопросы в ней «освещались

очень бледно» [2: с. 118]. Для члена партии эсеров, входившего в редколлегию оппозиционной «Сибири», местная правительственная газета, чуждая «обличительности» и «идейности», выглядела «бесцветно», впрочем, как и все исходящее из правительственного лагеря. Мнение это было высказано позже — в июне 1907 года и приурочено к дате 50-летия первой восточносибирской газеты. К тому времени бурные события первой русской революции изменили характер и содержание российской прессы.

В условиях резкого «полевения» русской печати восточносибирские «Иркутские губернские ведомости» так же, как и западносибирские «Томские», выполняли функции, позже осуществляемые правыми партийными изданиями — полемика с оппозиционными газетами, площадка для высказывания антиреволюционных мнений граждан, трансляция в общественное сознание идей «умиротворения, обновления и спасения России» [14: с. 78–82]. В ноябре – декабре 1905 года в «Иркутских губернских ведомостях» ясно прослеживается направление на опровержение публикаций «Восточного обозрения», что сыграло свою роль в его закрытии в январе 1906 года. Провал избирательной компании во II Думу приводил правительство к мысли о малой эффективности печати в борьбе за общественное мнение и применению более радикальных мер в борьбе с революцией, с восстановлением контроля над частной периодикой. В начале 1908 года неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» была сокращена и приобрела общественно-политический характер уже в период Гражданской войны. В середине 1918–1919 года газета сочетала в себе функции местного печатного органа губернской власти и в ряду других изданий белой Сибири, пропагандистского обеспечения антибольшевистской борьбы Российского правительства А.В. Колчака до его падения в конце 1919 года.

Литература

1. *Воробьева Э.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2009. 24 с.
2. *Дубровский К.В.* Страничка из истории сибирской печати (К 50-летию «Иркутских губернских ведомостей») // Любимов Л.С. История сибирской печати XVIII – начала XX вв.: хрестоматия. Кн. 1. Иркутск: ИГУ, 2004. С. 109–118.
3. *Дулов А.В.* Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: ИГУ, 1965. 23 с.
4. *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): указатель газет и журналов. Томск: ТГУ, 2001. 94 с.
5. *Любимов Л.С.* История сибирской печати. Иркутск: ИГУ, 1982. 79 с.
6. *Матханова Н.П.* Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в «Иркутских губернских ведомостях» в 1857–1860 гг. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978. С. 205–223.

7. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика / Под ред. В.П. Зиновьева. Т. 2. Томск: ТГУ, 1990. 376 л.
8. *Родионов Ю.П.* Хроника избирательных кампаний в I и II Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Вып. 2. Томск: ТГУ, 1995. С. 77–96.
9. *Романов Н.С.* Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1994. 560 с.
10. *Скорицова Н.А.* Организация и деятельность Иркутской губернской администрации (июль 1918 – декабрь 1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 246 с.
11. *Шевелев Д.Н.* В «железном кольце»: образ «единого стратегического фронта борьбы с большевиками» и трансформация его содержания в периодической печати Урала и Сибири весной – осенью 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. История. Томск: ТГУ, 2011. № 1 (13). С. 45–49.
12. *Шевелев Д.Н.* Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2010. № 340. С. 113–117.
13. *Шевцов В.В.* «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск: ТГУ, 2012. 414 с.
14. *Шевцов В.В.* Местная официальная печать как средство антиреволюционной пропаганды (на примере «Томских губернских ведомостей» конца 1905–1907 гг.) // Журналистика в поисках моделей развития: мат-лы IV Всероссийской научно-практической конференции (Томск, 27–30 октября 2011 г.). Томск: ТГУ, 2011. С. 78–82.
15. *Шевцов В.В.* Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–1860 гг. как орган восточно-сибирской генерал-губернаторской власти // Вестник Томского государственного университета. История. Томск: ТГУ, 2012. № 2 (18). С. 37–44.
16. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

References

1. *Vorob'eva E'.A.* Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. i obshhestvennoe mnenie Sibiri i Dal'nego Vostoka (po materialam vedushhix mestny'x periodicheskix izdanij): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2009. 24 s.
2. *Dubrovskij K.V.* Stranichka iz istorii sibirskoj pechati (K 50-letiyu «Irkutskix gubernskix vedomostej») // Lyubimov L.S. Istoriya sibirskoj pechati XVIII – nachala XX vv.: xrestomatiya. Kn. 1. Irkutsk: IGU, 2004. S. 109–118.
3. *Dulov A.V.* Obshhestvenno-politicheskaya deyatel'nost' i e'volyuciya vzglyadov petrashevcev v Sibiri: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk: IGU, 1965. 23 s.
4. *Kosy'x E.N.* Periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.): ukazatel' gazet i zhurnalov. Tomsk: TGU, 2001. 94 s.
5. *Lyubimov L.S.* Istoriya sibirskoj pechati. Irkutsk: IGU, 1982. 79 s.
6. *Matxanova N.P.* Sotrudnichestvo politicheskix ssy'l'ny'x i obshhestvenny'x deyatel'ej Vostochnoj Sibiri v «Irkutskix gubernskix vedomostyax» v 1857–1860 gg. // Ssy'lka i obshhestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.). Novosibirsk: Nauka, 1978. S. 205–223.

7. *Rabochee dvizhenie v Sibiri: istoriografiya, istochniki, xronika, statistika* / Pod red. V.P. Zinov'eva. T. 2. Tomsk: TGU, 1990. 376 l.
8. *Rodionov Yu.P.* Xronika izbiratel'ny'x kampanij v I i II Gosudarstvenny'e dумы v Sibiri // *Materialy' k xronike obshhestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg.* Vy'p. 2. Tomsk: TGU, 1995. S. 77–96.
9. *Romanov N.S.* Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924 gg. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1994. 560 s.
10. *Skorikova N.A.* Organizaciya i deyatelnost' Irkutskoj gubernskoj administracii (iyul' 1918 – dekabr' 1919 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 2004. 246 s.
11. *Shevelev D.N.* V «zheleznom kol'ce»: obraz «edinogo strategicheskogo fronta bor'by' s bol'shevikami» i transformaciya ego soderzhaniya v periodicheskoj pechati Urala i Sibiri vesnoj – osen'yu 1919 g. // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* Tomsk: TGU, 2011. № 1 (13). S. 45–49.
12. *Shevelev D.N.* Deyatel'nost' osvedomitel'ny'x i kul'turno-prosvetitel'ny'x organov rossijskogo pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka po ob'edineniyu i koordinacii antibol'shevistskoj propagandy': sozdanie Russkogo byuro pečati i Osvedverxa // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* Tomsk: TGU, 2010. № 340. S. 113–117.
13. *Shevczov V.V.* «Tomskie gubernskie vedomosti» (1857–1917 gg.) v sociokul'turnom i informacionnom prostranstve Sibiri. Tomsk: TGU, 2012. 414 s.
14. *Shevczov V.V.* Mestnaya oficial'naya pečat' kak sredstvo antirevolucionnoj propagandy' (na primere «Tomskix gubernskix vedomostej» koncza 1905–1907 gg.) // *Zhurnalistika v poiskax modelej razvitiya: mat-ly' IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Tomsk, 27–30 oktyabrya 2011 g.). Tomsk: TGU, 2011. S. 78–82.
15. *Shevczov V.V.* Neoficial'naya chast' «Irkutskix gubernskix vedomostej» v 1857–1860 gg. kak organ vostochno-sibirskoj general-gubernatorskoj vlasti // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* Tomsk: TGU, 2012. № 2 (18). S. 37–44.
16. *Yadrincev N.M.* Sibir' kak koloniya v geograficheskom, e'tnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. 2-e izd. SPb.: Izd-vo I.M. Sibiryakova, 1892. 720 s.

V.V. Shevtcov

**«Stepson of Siberian Press»:
Unofficial Part of «Irkutsk Provincial News», 1900–1919**

After the first bright years of the publication of the informal 'Irkutsk provincial news' (newspaper almost entirely disappeared from sight of researchers of Siberian periodicals). Meanwhile, in the beginning of XXth century Irkutsk governor authority undertook a successful attempt to return it to the socio-political space of East Siberia as a newspaper to read, and not just for dating with official regulations. «Irkutsk Provincial Sheets» carried out its information and propaganda functions for three times — during the First Russian revolution, the Revolution of 1917 and as a local publication of White (anti-Bolshevik) Siberia.

Keywords: «Irkutsk regional news»; periodicals; social life of Siberia.

И.В. Сучков

Современная историография Великой Отечественной войны

В статье определены актуальные проблемы изучения истории Великой Отечественной войны, рассмотрены отдельные дискуссионные вопросы ее истории, оценены наиболее перспективные труды современных исследователей. Новизна исследования автором этой темы заключается в выявлении наиболее важных аспектов изучения истории Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: история; война; проблемы; дискуссионные вопросы.

Основными задачами статьи являются: определение актуальных проблем и важных аспектов изучения истории Великой Отечественной войны; рассмотрение отдельных дискуссионных вопросов ее истории; оценка наиболее перспективных трудов российских исследователей; сравнительный анализ наиболее интересных статей отечественных и немецких ученых, опубликованных в 2010-м – первой половине 2012 года в двух научных журналах — «Вопросы истории» и «Российская история».

В начале XXI века, и особенно в преддверии двух важных дат — 70-летия начала Второй мировой войны и 65-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне, появился комплекс различных научных исследований.

В отечественной периодической исторической печати 2009 года первой из этих юбилейных дат было уделено большое внимание. Так, журнал «Российская история» опубликовал подборку статей, посвященных 70-летию начала Второй мировой войны. В них затрагивались «вопросы, ранее не становившиеся предметом специального изучения или оказавшиеся на периферии исследовательских интересов» [7: с. 3].

Эти вопросы были отнесены членами редколлегии журнала к следующим проблемам:

➤ проблема соотношения массового сознания, идеологии и политической пропаганды, раскрываемая на материале устной истории, СМИ, а также официальных документов и архивных источников;

➤ проблема положения гражданского населения в годы войны — особенности повседневной жизни, а также стратегии выживания на оккупированных территориях;

➤ проблема профессионально-технических параметров войны, в частности, сравнительный анализ трудовых ресурсов промышленности, состояния коммуникаций и разведок воюющих государств [7: с. 3].

Одним из дискуссионных вопросов является вопрос о датировке начала коренного перелома в Великой Отечественной войне. Этому вопросу была посвящена статья Н.М. Островского «К 60-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне. (Некоторые вопросы исследования и преподавания)» [14: с. 87–97]. Автор объясняет нежелание некоторых историков использовать термин «коренной перелом» в Великой Отечественной войне тем, «что его ввел в оборот председатель ГКО, Верховный главнокомандующий в годы войны И.В. Сталин». Н.М. Островский аргументированно доказывает, почему начало коренного перелома надо связывать со Сталинградской битвой, а не с более ранней битвой под Москвой, как считают некоторые исследователи. Он также уделяет большое внимание анализу заключительного этапа коренного перелома в войне — битве за Днепр осенью 1943 года. Достаточно убедительно звучит его критика в адрес ряда учебников и учебных пособий отечественных историков, в которых этой битве не уделено должного внимания. Наконец, в конце статьи он определяет круг проблем, связанных с коренным переломом, которые требуют дополнительного исследования [14: с. 88–89, 92–96].

Другим дискуссионным вопросом является судьба двух приказов периода войны — приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 428 от 17 ноября 1941 года о создании специальных команд по разрушению и сжиганию населенных пунктов в тылу немецко-фашистских войск и приказ Народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 года об итогах первого года войны и мерах по наведению порядка и дисциплины в войсках, известный под названием «Ни шагу назад!».

Историк И.А. Басюк в статье «Положение советских мирных жителей в тылу немецких войск зимой 1941–1942 годов», опубликованной в журнале «Вопросы истории» в 2009 году, дает следующую правовую оценку первому из названных приказов. Он пишет: «Международное гуманитарное право устанавливает, что гражданское мирное население не может являться объектом военного нападения. А потому требования этого приказа — грубейшее нарушение норм международного права» [1: с. 88]. Автор, объясняя логику появления этого приказа, считает его актом крайнего отчаяния советского руководства, вынужденного использовать для спасения страны и народа все, «даже самые невероятно жестокие методы противодействия врагу» [1: с. 88].

Второй из рассматриваемых приказов — № 227 — вызвал также серию публикаций, в которых подчас давалась противоположная оценка его смысла и содержания.

Историк Ю.А. Никифоров в статье «Новая военно-историческая литература о Сталинградской битве» отмечает, что с конца 80-х годов приказ № 227 стал рассматриваться как очередное преступление власти, пример некомпетентного вмешательства Сталина в руководство войсками, неоправданной жестокости, ставшей одной из причин огромных потерь Красной Армии. Автор статьи критикует доводы английского историка Э. Бивора, обозначенные им в книге, переведенной на русский язык, — «Сталинград». Главной задачей книги Э. Бивора, считает Ю.А. Никифоров, является стремление «показать поразительную жестокость спецотрядов НКВД» [13: с. 79].

Автор статьи, имеющей историографический характер, приводит и другие, противоположные оценки этого приказа. Так, он цитирует отрывок из воспоминаний генерала армии Героя Советского Союза П.Н. Лащенко, который на страницах «Военно-исторического журнала» пишет: «Мы восприняли приказ как управу на паникеров и шкурников, малOVERов и тех, для кого собственная жизнь дороже судьбы своего народа, своих родных и близких, пославших их на фронт» [13: с. 79].

Ю.А. Никифоров ссылается на рассекреченные документы ФСБ, из которых явствует, что подавляющее большинство бойцов и командиров приняли приказ с «большим воодушевлением... Приказ поднял боевой дух личного состава частей, укрепил веру в победу...» [13: с. 79]. Автор приводит и негативные, «пораженческие реакции на появление приказа» [13: с. 79].

Еще одним дискуссионным вопросом остается вопрос о потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне. Официальная цифра, фигурирующая в различных публикациях последнего времени и в выступлениях руководителей нашего государства, — 27 млн человек. Однако по этому важному вопросу есть и другие мнения. В статье профессора Бориса Соколова «Запретные цифры», опубликованной к предыдущему, 60-летнему юбилею Победы в «Новой газете», приводится другая цифра — 43,3 млн человек. Она составляется автором из двух цифр — общих потерь советских Вооруженных сил в 26,4 млн человек погибшими и потерь гражданского населения в 16,9 млн человек. В статье Б.Соколова, имеющей историографический характер, приводятся обоснованные мнения о потерях Советского Союза и Германии как российских, так и германских исследователей. Наиболее интересным в его выводах является рассуждение о том, что население СССР к началу войны составляло не 194 млн человек, как полагают многие демографы, а, согласно исчислению, проведенному ЦСУ в июне 1941 года, должно было превышать 200 млн человек. При этом автор называет новую, уточненную цифру населения страны в июне 41-го — 209,3 млн человек [20: с. 22–23].

К очень перспективным трудам по истории Великой Отечественной войны можно отнести следующие: Иллюстрированная энциклопедия: Великая Отечественная война. 1941–1945 (отв. ред. А.О. Чубарьян; М., 2005); Война и общество в XX веке: В 3-х кн. (М., 2008).

В Предисловии к первой книге, созданной коллективом авторов из 21 человека, академик А.О. Чубарьян подчеркивает, что одной из задач энциклопедии было рассказать читателю, интересующемуся историей Отечества, о том, чем для нашего народа стала Великая Отечественная война [6: с. 6]. В многочисленных статьях содержится огромный материал, касающийся всех главных событий периода войны, исторических персоналий, военно-исторических терминов и других важных вопросов.

В создании другого интересного труда — «Война и общество в XX веке», посвященного комплексному исследованию проблемы «война и общество» в различных регионах мира, приняли участие более 50 авторов: крупнейшие отечественные и зарубежные историки, дипломаты и военные специалисты. Руководителем этого проекта был доктор исторических наук О.А. Ржешевский. Книга вторая названа авторами «Война и общество накануне и в период 2-й мировой войны». В главе о жизни советского общества в годы Великой Отечественной войны раскрыты источники сплоченности народов СССР, подробно освещены основные черты советского общества к началу войны и его противоречия, перестройка общественного сознания на военный лад, процесс мобилизации страны на разгром врага, вклад в победу различных социальных групп советского общества, общественных организаций, Церкви [11: с. 171–172].

За последние 2,5 года, с 2010 по июнь 2012 год, вышел целый ряд статей в двух крупных отечественных научных журналах — «Вопросы истории» и «Российская история», посвященных различным проблемам истории Великой Отечественной войны. На наш взгляд, наиболее важными среди них являются следующие 13 публикаций, которые могут быть сгруппированы по нескольким направлениям.

Статья И.А. Басюка посвящена такой недостаточно исследованной исторической персоналии, как генерал Дмитрий Григорьевич Павлов, который в предвоенный период, а точнее в 1940 году был назначен командующим войсками Западного особого военного округа (ЗапОВО) [2: с. 41–51]. Автор статьи совершенно справедливо не рассматривает в качестве главного вопрос «Виноват ли в страшных последствиях поражений начального этапа Великой Отечественной войны командующий Западным фронтом генерал Д.И. Павлов?», поскольку изначально понятно, что любой военачальник в этом случае должен быть признан виновным. В центре внимания И.А. Басюка находятся другие очень важные проблемные вопросы: соответствовал ли Д.Г. Павлов той высокой воинской должности, которую он занял в преддверии войны, какие ошибки он допустил и можно ли было их избежать? [2: с. 42–43, 50]. Карательный характер советского правосудия в 1941–1945 годах отражен в двух статьях, опубликованных в журнале «Вопросы истории» в 2010 и 2011 году — в статье Л.Н. Лобченко «Спецтруд-поселенцы Северного края в тылу и на фронте. 1941–1945 гг.» [10: с. 140–143] и в статье С.А. Папкина «Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг.» [15: с. 72–80].

В своей статье Л.Н. Лобченко показывает, что спецтрудпоселенцами в годы войны назывались спецпереселенцы — крестьянские семьи, раскулаченные и депортированные органами ОГПУ и НКВД СССР в регионы спецпоселений. Автор рассматривает очень важный вопрос об участии спецпереселенцев в войне против фашистской Германии. Л.Н. Лобченко приводит следующие цифровые данные: в 1942 г. в трудпоселках НКВД проживало 272 473 лица мужского пола, в том числе 104 866 человек призывного возраста от 16 до 20 лет. Автор, суммируя все цифры, пишет о том, что с 1941 по 1943 год в действующую армию, в строительные батальоны и рабочие колонны было мобилизовано 98 240 трудпоселенцев. При этом Л.Н. Лобченко делает оговорку, что эта статистика неполная, и выражает сожаление о том, что в архивах содержатся весьма скудные, фрагментарные материалы о мобилизации трудпоселенцев на фронт в 1943–1945 годах. Факты свидетельствуют о том, подчеркивает автор, что трудпоселенцы с достоинством выполняли свой гражданский долг перед Родиной. Они защищали Родину, проявляя массовый героизм и самопожертвование. Многие из призванных возвратились с фронта, имея правительственные награды, а трем из них было присвоено звание Герой Советского Союза. Таким образом, Л.Н. Лобченко разрушает ложный стереотип, сложившийся в советской науке, что в годы Великой Отечественной войны «бывших кулаков» в действующую армию не призывали [10: с. 140–143].

Очень интересной является статья С.А. Папкина, в которой он рассматривает действие механизма карательного правосудия на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 годах. Долгие годы советским школьникам и студентам доказывали на уроках, на лекциях, в многочисленных учебниках и научных трудах, что СССР в годы Великой Отечественной войны представлял единый военный лагерь. Автор статьи показывает, какая страшная правда стояла за этим, таким вроде бы привычным и даже героическим термином [15: с. 72, 79–80].

Во многом взаимосвязанными являются темы двух следующих статей — статьи А.И. Репинецкого «Война и образовательный уровень населения России» [18: с. 63–69] и статьи Е.Д. Гординой «Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны» [4: с. 58–71]. В начале статьи А.И. Репинецкий констатирует тот факт, что в обширной историографии Великой Отечественной войны проблема влияния военного времени на образовательный уровень населения до сих пор не нашла достаточного отражения. Автор приводит многочисленные примеры, факты, цифры, свидетельствующие о крайне губительном влиянии войны на образовательный уровень населения России как в 1941–1945 годах, так и в послевоенный период. Автор завершает свою статью анализом цифровых данных двух таблиц, посвященных уровню образования населения РСФСР в 1959 году [18: с. 63–69]. Эта статья только выиграла бы, если б автор завершил ее рядом общих выводов, отражающих все ее содержание.

Статья Е.Д. Гординой, в которой рассматривается историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны, содержит очень большой фактологический материал [4: с. 58–71]. Однако во время ее чтения и анализа не оставляло ощущение, что она переносит читателя лет на 30 назад, поскольку статья не содержит проблем, а выводы автора слишком стереотипны. Е.Д. Гордина, видимо, не сомневается в том, что многочисленные научные труды, литературные произведения, фильмы, лекции *непосредственно* воспитывали советских людей как патриотов своей Родины.

Три следующие публикации представляют обращение к документам личного происхождения, отразившим различные аспекты Великой Отечественной войны и в силу этого являющимся ценными источниками по ее истории. В статье «Победный 1945 год во фронтовом фольклоре» ученый-историк и филолог Лев Никитич Пушкарев не только вспоминает свое боевое военное прошлое, но и оценивает такой редкий источник, отразивший душевный настрой, прежде всего солдат, как фронтовые частушки [17: с. 53–57].

В двух других публикациях представлены дневники советских людей, которые они вели в годы войны. Калужскими учеными — доктором исторических наук В.Я. Филимоновым и аспирантом Э.Э. Мироновым с минимальными комментариями опубликован дневник калужского врача Михаила Устрялова, в записях которого освещен период с ноября 1941 по январь 1942 года. Казалось бы, дневник включает обычные повседневные впечатления, переживания автора и его родственников. Но в то же время все записи очень ярко отражают малейшие нюансы военного времени: нехватку продуктов питания и настоящую борьбу за выживание, опасения за жизни близких людей, притеснения и чужеродность новой, немецкой власти, ожесточенность противостояния двух враждебных военных сил [8: с. 32–46].

В статье доктора исторических наук Сергея Сергеевича Секиринского (1955–2012) «Перипетии войны» представлены два интересных документа, созданных в занятых немцами Ялте и Симферополе в 1941–1944 годах. Это личные дневники ялтинской школьницы Зои Хабаровой (в 1941 году ей было 14 лет) и пенсионера Хрисанфа Гавриловича Лашкевича, жившего в период оккупации в Симферополе. Судя по отрывкам из обоих дневников, они очень разные, но оба яркие и интересные по запечатленным событиям, в дневнике девочки-подростка — 1941–1944 годы, в дневнике пожилого человека — 1941–1942 годы. В небольшом введении, предшествующем анализу дневников, автор статьи подчеркивает, что помимо общих обстоятельств места и времени, оба дневника объединяют разнообразные свидетельства неожиданностей, странностей и парадоксов войны, увиденной не из фронтового окопа, партизанской засады или конспиративной квартиры, а просто из родного дома, двора или с давно знакомой городской улицы [19: с. 47–52].

Достаточно редкая для наших отечественных журналов статья немецкого историка Рольфа-Дитера Мюллера, профессора, научного директора в Воен-

но-историческом научно-исследовательском институте Бундесвера в Потсдаме и одновременно руководителя отдела исследований в области мировых войн посвящена такой дискуссионной теме, как «Операция “Барбаросса” уже в 1939 году? (Размышления о германских военных опциях)» [12: с. 3–22]. Всё содержание его статьи позволяет сделать вывод о том, что в 1939 году, несмотря на то, что нападение Германии на Советский Союз чисто теоретически было возможно, этому помешал целый ряд факторов; заключение пакта о ненападении между СССР и Германией, а также ряд шагов, предпринятых советской страной для того, чтобы обезопасить свои границы; очень сложная, нередко неуступчивая позиция западных государств, прежде всего Великобритании, Франции, Польши; хаотичность, непродуманность планов самого Гитлера; наличие национал-консервативной оппозиции в германских рядах. В целом статью Р.-Д. Мюллера отличают такие черты, как дискуссионность и аналитичность [12: с. 3–4, 18–19].

Статьи В.Н. Земскова и А.Л. Кузьминых в журнале «Российская история» посвящены советским и немецким военнопленным. Главная проблема, которую решает В.Н. Земсков в своей статье, — это общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности [25: с. 22–32]. Привлекательной стороной этой статьи является то, что автор, очень четко высказывая свою точку зрения по ряду принципиальных вопросов, приводит и другие точки зрения, дает их анализ и делает глубокие выводы. В.Н. Земсков в заключительных выводах дает два важных примечания. Во-первых, он отмечает, что приятной неожиданностью оказался факт: выживших военнопленных было по крайней мере в три раза больше, чем представлялось. Во-вторых, автор подчеркивает, что советская сторона на Нюрнбергском процессе располагала в принципе верной статистической информацией о гибели 3,9 млн советских военнослужащих. В уточнении нуждается только формулировка: следует убрать оговорку «на оккупированной территории СССР» [5: с. 22, 25, 29–31].

Автор историографической работы А.Л. Кузьминых следующим образом обозначает рассматриваемую им проблему: «Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема» [9: с. 158–174]. В самом начале своей статьи он констатирует, что история военного плена и интернирования в годы Второй мировой войны является одним из динамично развивающихся направлений отечественной и зарубежной историографии. Проблемность является самой сильной стороной этой статьи. Так, ее автор отмечает оформление в российской историографии военного плена и интернирования целого спектра научных направлений: политического, юридического, социально-демографического, экономического, биографического и регионального. Каждое из этих направлений он рассматривает в своей работе.

В обобщающих выводах А.Л. Кузьминых выделяет два периода в развитии западной историографии поставленной в статье проблемы (1-й период — до кон-

ца 80-х годов XX века, 2-й период — с объединения Германии и распада СССР), определяет целый ряд вопросов, остающихся дискуссионными, и показывает принципиальные отличия содержания работ российских и зарубежных историков. К этим отличиям он относит следующие: если российские историки склонны абсолютизировать официальные отчетно-статистические документы НКВД–МВД, то их иностранные коллеги относятся к этим сведениям с большой осторожностью, отдавая предпочтение материалам «устной истории» и мемуаристике. Это, по мнению автора, во многом предопределяет тональность исследований, различия в ключевых выводах и обобщениях [9: с. 158, 162–163, 165, 168–169].

Кстати, ко второму периоду развития западной историографии обозначенной выше проблемы относится очень глубокая, аналитическая статья немецкого ученого Манфреда Хеттлинга «Виновники и жертвы? Новая германская литература о Сталинграде», опубликованная в журнале «Отечественная история» в 1995 году [21: с. 120–132]. В Примечаниях автор указывает, что, по новейшим данным, в Сталинграде в плен попало 110 тысяч германских солдат [21: с. 131]. Однако автор, по существу, оставляет открытым вопрос: можно ли их считать не только виновниками, но и жертвами.

Историографическая работа А.И. Борозняка посвящена такой важной и актуальной проблеме, как отражение в исторической памяти современных немцев нацистской агрессии против СССР [3: с. 174–188]. Автор констатирует, что в последние годы произошло определенное сближение позиций российской и германской историографий в исследовании Второй мировой войны и центрального ее события — германской агрессии против Советского Союза. Произошло существенное расширение пространства исторической правды о войне, новое прочтение ее трагического опыта. А.И. Борозняк утверждает, что в течение последнего десятилетия были заложены основы равноправного и результативного диалога российских и немецких историков и преодолена традиция недоверия, сняты взаимные претензии на научную монополию [3: с. 185–186].

Завершает анализ современной научной литературы, посвященной Великой Отечественной войне, рассмотрение рецензии В.Н. Попова, опубликованной в журнале «Российская история» в 2012 году [16: с. 168–175]. Рецензия ученого посвящена анализу содержания первого тома 12-томного исследования «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», который имеет характер вводного обзора: «Основные события войны». В рецензии сделан акцент на наиболее важных научных вопросах, находящихся в центре внимания российских и зарубежных ученых, занимающихся изучением периода Великой Отечественной войны.

Рецензент подчеркивает, что в рассматриваемом труде делается попытка преодолеть как минимум два наиболее устойчивых стереотипа в отечественной и зарубежной историографии происхождения Второй мировой войны. Во-первых, европоцентристский подход к оценкам источников военной угрозы (главным ви-

новником возникновения войны является Германия); во-вторых, идеологизированный анализ кануна и начала Второй мировой войны [16: с. 168–175].

Таким образом, на основе исследованной научной литературы можно определить следующие наиболее важные аспекты изучения истории Великой Отечественной войны на современном этапе:

- германские и советские военные опции в 1939–1940 годах;
- соотношение массового сознания, идеологии и политической пропаганды в годы войны;
- обоснование хронологических рамок коренного перелома в ходе войны;
- развитие духовных начал советского общества в годы войны;
- отражение войны в документах личного происхождения;
- положение гражданского населения в годы войны;
- профессионально-технические параметры войны;
- последствия влияния войны на уровень культуры советского общества;
- потери СССР в войне;
- история военного плена и интернирования в годы Второй мировой войны;
- нацистская агрессия против СССР в исторической памяти современных немцев;
- роль видных советских военачальников в годы войны.

Современная отечественная и зарубежная историография учитывает наиболее важные и перспективные тенденции исследования периода Великой Отечественной войны. Российскими и немецкими историками рассматриваются малоизученные, нередко дискуссионные вопросы ее истории. По-прежнему актуальным остается вопрос о создании как фундаментальных трудов, так и массовой, достаточно популярной литературы, посвященной главным аспектам войны и ориентированной на различные возрастные группы нашего общества.

Литература

1. *Басюк И.А.* Положение советских мирных жителей в тылу немецких войск зимой 1941–1942 гг. // Вопросы истории. 2009. № 11. С. 88–99.
2. *Басюк И.А.* Генерал армии Д.Г. Павлов и трагедия июня 1941 г. // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 41–51.
3. *Борозняк А.И.* «Это была преступная расово-идеологическая война». Нацистская агрессия против СССР в исторической памяти современных немцев // Российская история. 2012. № 3. С. 174–188.
4. *Гордина Е.Д.* Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 58–71.
5. *Земсков В.Н.* «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22–32.
6. Иллюстрированная энциклопедия: Великая Отечественная война. 1941–1945. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. 640 с.
7. К 70-летию начала Второй мировой войны // Российская история. 2009. № 6. С. 3.
8. Калуга в период немецкой оккупации: дневник врача Михаила Устрялова // Российская история. 2011. № 3. С. 32–47.

9. *Кузьминых А.Л.* Советский военный плен и интернирование как историографическая проблема // *Российская история.* 2012. № 3. С. 158–174.
10. *Лобченко Л.Н.* Спецтрудпоселенцы Северного края в тылу и на фронте. 1941–1945 гг. // *Вопросы истории.* 2010. № 3. С. 140–143.
11. *Матвеева А.М.* (рецензия) *Война и общество в XX веке.* В 3-х кн. М.: Наука, 2008. Кн. 1: 611 с.; Кн. 2: 676 с.; Кн. 3: 557 с. // *Вопросы истории.* 2009. № 5. С. 171–172.
12. *Мюллер Р.-Д.* Операция «Барбаросса» уже в 1939 году? (Размышления о германских военных опциях) // *Российская история.* 2011. № 3. С. 3–22.
13. *Никифоров Ю.А.* Новая военно-историческая литература о Сталинградской битве // *Вопросы отечественной истории и историографии: Межвузовский сборник научных трудов.* Вып. 7. М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. С. 76–86.
14. *Островский Н.М.* К 60-летию коренного перелома в Великой Отечественной войне. (Некоторые вопросы исследования и преподавания) // *Вопросы отечественной истории и историографии: Межвузовский сборник научных трудов.* Вып. 7. М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2004. С. 87–97.
15. *Панков С.А.* Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // *Вопросы истории.* 2011. № 12. С. 72–80.
16. *Попов В.Н.* (рецензия) *Великая Отечественная война 1941–1945 годов.* Т. 1: Основные события войны. М.: Военное изд-во, 2011. 848 с. // *Вопросы истории.* 2012. № 6. С. 168–175.
17. *Пушкарев Л.Н.* Победный 1945 год во фронтовом фольклоре // *Российская история.* 2010. № 3. С. 53–57.
18. *Репинецкий А.И.* Война и образовательный уровень населения России // *Российская история.* 2010. № 4. С. 63–69.
19. *Секиринский С.С.* Перипетии войны // *Российская история.* 2011. № 3. С. 47–52.
20. *Соколов Б.* Запретные цифры // *Новая газета.* № 22. 28.03 – 30.03.2005 г. С. 22–23.
21. *Хеттлинг М.* Виновники и жертвы? Новая германская литература о Сталинграде // *Отечественная история.* 1995. № 6. С. 120–132.

References

1. *Basyuk I.A.* Polozhenie sovetskix mirny'x zhitelej v ty'lu nemeckix vojsk zimoj 1941–1942 gg. // *Voprosy' istorii.* 2009. № 11. S. 88–99.
2. *Basyuk I.A.* General armii D.G. Pavlov i tragediya iyunya 1941 g. // *Voprosy' istorii.* 2010. № 5. S. 41–51.
3. *Boroznyak A.I.* «E'to by'la prestupnaya rasovo-ideologicheskaya vojna». Nacistskaya agressiya protiv SSSR v istoricheskoy pamyati sovremenny'x nemcev // *Rossijskaya istoriya.* 2012. № 3. S. 174–188.
4. *Gordina E.D.* Istoriko-patrioticheskoe vospitanie v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // *Voprosy' istorii.* 2011. № 12. S. 58–71.
5. *Zemskov V.N.* «Statisticheskij labirint». Obshhaya chislennost' sovetskix voennoplenny'x i masshtaby' ix smertnosti // *Rossijskaya istoriya.* 2011. № 3. S. 22–32.
6. *Illyustrirovannaya e'nciklopediya: Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941–1945.* М.: OLMA-PRESS Obrazovanie, 2005. 640 s.
7. *K 70-letiyu nachala Vtoroj mirovoj vojny' // Rossijskaya istoriya.* 2009. № 6. S. 3.
8. *Kaluga v period nemeckoj okkupacii: dnevnik vracha Mixaila Ustryalova // Rossijskaya istoriya.* 2011. № 3. S. 32–47.

9. *Kuz'miny'x A.L.* Sovetskij voenny'j plen i internirovanie kak istoriograficheskaya problema // Rossijskaya istoriya. 2012. № 3. S. 158–174.
10. *Lobchenko L.N.* Spectrudposelency' Severnogo kraja v ty'lu i na fronte. 1941–1945 gg. // Voprosy' istorii. 2010. № 3. S. 140–143.
11. *Matveeva A.M.* (recenziya) Vojna i obshhestvo v XX veke. V 3-x kn. M.: Nauka, 2008. Kn. 1: 611 s.; Kn. 2: 676 s.; Kn. 3: 557 s. // Voprosy' istorii. 2009. № 5. S. 171–172.
12. *Myuller R.-D.* Operaciya «Barbarossa» uzhe v 1939 godu? (Razmyshleniya o germanskix voenny'x opcijax) // Rossijskaya istoriya. 2011. № 3. S. 3–22.
13. *Nikiforov Yu.A.* Novaya voenno-istoricheskaya literatura o Stalingradskoj bitve // Voprosy' otechestvennoj istorii i istoriografii: Mezhhuzovskij sbornik nauchny'x trudov. Vy'p. 7. M.: MGOPU im. M.A. Sholoxova, 2004. S. 76–86.
14. *Ostrovskij N.M.* K 60-letiyu korenного pereloma v Velikoj Otechestvennoj vojne. (Nekotory'e voprosy' issledovaniya i prepodavaniya) // Voprosy' otechestvennoj istorii i istoriografii: Mezhhuzovskij sbornik nauchny'x trudov. Vy'p. 7. M.: MGOPU im. M.A. Sholoxova, 2004. S. 87–97.
15. *Papkov S.A.* Karatel'noe pravosudie na trudovom fronte v SSSR v 1941–1945 gg. // Voprosy' istorii. 2011. № 12. S. 72–80.
16. *Popov V.N.* (recenziya) Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. T. 1: Osnovny'e soby'tiya vojny'. M.: Voennoe izd-vo, 2011. 848 s. // Voprosy' istorii. 2012. № 6. S. 168–175.
17. *Pushkarev L.N.* Pobedny'j 1945 god vo frontovom fol'klоре // Rossijskaya istoriya. 2010. № 3. S. 53–57.
18. *Repineczkij A.I.* Vojna i obrazovatel'ny'j uroven' naseleniya Rossii // Rossijskaya istoriya. 2010. № 4. S. 63–69.
19. *Sekirinskij S.S.* Peripetii vojny' // Rossijskaya istoriya. 2011. № 3. S. 47–52.
20. *Sokolov B.* Zapretny'e cifry' // Novaya gazeta. № 22. 28.03–30.03.2005 g. S. 22–23.
21. *Xetting M.* Vinovniki i zhertvy'? Novaya germanskaya literatura o Stalingrade // Otechestvennaya istoriya. 1995. № 6. S. 120–132.

I.V. Suchkov

Contemporary Historiography of the Great Patriotic War

The article defines current problems of history of the Great Patriotic War studying. The particular debatable questions of its history are considered. The most perspective works of contemporary researches are evaluated. The novelty of the research of this subject is in the identification of the most important aspects in studying the history of the Great Patriotic War.

Keywords: history; war; problems; debatable questions.

А.А. Мозгунов

Советское военное руководство в битве на Курской дуге

Впервые в отечественной историографии поставлен и решен вопрос о роли и значении в победе над немецкой армией советских военных полководцев, о превосходстве советского военного искусства в сражении на Курской дуге летом 1943 года.

Ключевые слова: Курская битва; победа; советские полководцы.

В истории Великой Отечественной войны есть проблемы, которые постоянно привлекали внимание исследователей. Одна из них — грандиозная битва советских и немецких войск в районе Курской дуги летом 1943 года. В нынешнем году исполняется 70 лет со дня победоносного завершения Красной Армией этого крупнейшего сражения.

В отечественной историографии сражению в районе Курска посвящены научные исследования, значительная литература, мемуары. Уже в 1943 году советский историк Н. Таленский опубликовал работу «Орловская операция» в журнале «Большевик» (1943, № 17). В 1944 году в «Историческом журнале» (1944, № 7–8) была напечатана статья И.В. Паротькина «Битва под Курском». В них была дана высокая оценка героическому подвигу советских солдат в борьбе с захватчиками. Впоследствии было издано большое количество работ, посвященных истории Великой Отечественной войны, в том числе Курской битвы летом 1943 года. Вместе с тем необходимо отметить, что еще недостаточно изучена роль командующего Ставки Красной Армии, а также выдающихся полководцев в грандиозном сражении на Курской дуге. Цель данной работы — восполнить этот пробел.

Благодаря успешным наступательным операциям Воронежского, Центрального и Брянского фронтов зимой 1942 и весной 1943 года, советские войска овладели Курским выступом и глубоко вклинились в расположение немецких войск. Овладение таким плацдармом создавало выгодные условия для нанесения ударов в тыл и по флангам немецких войск.

После разгрома немецких войск под Сталинградом военно-политическая обстановка нацистской Германии резко ухудшилась, но немецкое военное руководство наотрез отказалось переходить к стратегической обороне, так как считало, что оборонительные действия отрицательно повлияют на перспективу победы над Красной Армией. Курский плацдарм играл исключительную роль в планах немецкого командования. Фашисты рассматривали его как готовый плацдарм

для нанесения фланговых ударов по войскам Красной Армии, так как Курский выступ имел дугообразную конфигурацию, обращённую на восток. В связи с этим командование немецко-фашистскими войсками начало усиленную подготовку к крупномасштабной наступательной операции. Оно считало, что для положительного исхода своего наступления существует ряд благоприятных предпосылок. «Тотальная мобилизация, проводимая с января 1943 года, пополнила сильно поредевшие от мощных зимних ударов Красной Армии ряды немцев» [16: с. 453]. Кроме проведённой тотальной мобилизации, главное германское командование питало огромные надежды на новую технику, а именно танки «Тигр» и «Пантера», а также самоходную артиллерийскую установку «Фердинанд». Все эти факторы, по его мнению, должны были положительно повлиять на победоносные наступательные операции немецко-фашистских войск и поднять пошатнувшийся престиж Германии. Гейнц Гудериан, инспектор бронетанковых войск Германии, в своих мемуарах упоминает: «Начальник Генерального штаба считал, что с помощью новых «тигров» и «пантер», которые принесут ему решительный успех, он сможет вернуть инициативу» [5: с. 337].

Весной 1943 года немецкое командование приступило к разработке стратегического плана на предстоящее лето. Командование Красной Армии следило за действиями войск фашистской Германии. «Все это время Генеральный штаб неослабно следил за противником. Много внимания операторы вместе с разведчиками уделяли оценке состояния вражеских войск» [16: с. 195]. «Ставка провела тщательную агентурную и воздушную разведку, которая достоверно установила, что главные потоки войск и военных грузов противника идут в район Орла, Кром, Брянска, Харькова, Краснограда, Полтавы» [7: с. 135]. Все собранные разведывательные данные подтверждали информацию Ставки ВГК о том, на каком участке советско-германского фронта противник намерен провести решительные наступательные действия; были также представлены и сроки проведения операции. «В ночь на 2 июля поступившие в Генштаб от разведывательного управления данные говорили о том, что в ближайшие дни, во всяком случае, не позднее 6 июля, переход врага в наступление на курском направлении неизбежен» [3: с. 25].

12 апреля 1943 года в Ставке ВГК состоялось совещание, посвященное разработке плана боевых действий Красной Армии на Курском плацдарме. Советское военное руководство понимало, что целью наступления германских войск является уничтожение войск Центрального и Воронежского фронтов путем их полного окружения. В связи с этим советское командование приняло решение о сосредоточении основных сил в районе Курска. Далее перед военным руководством встал вопрос о проведении либо оборонительной, либо наступательной операции.

Впервые за годы войны руководством РККА было принято решение о создании целого резервного фронта, который в случае перехода противника в наступ-

ление должен был остановить его в оборонительных боях и в последующем перейти в решительное контрнаступление. Создание единого резервного фронта было стратегическим новшеством советского командования. И.С. Конев писал: «Следует отметить, что в истории войн почти не было случая, когда создавались бы такие мощные стратегические резервы, объединенные единым фронтовым командованием» [10: с. 8]. Наличие в советском тылу такого мощного резерва, как Степной фронт, позволило советскому командованию разрушить все стратегические планы германского командования. Командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин предлагал нанести решительный удар по сходящимся направлениям южнее Белгорода. «В целях окружения и разгрома его белгородской группировки он предлагал нанести два удара по сходящимся направлениям в полосе 40-й армии южнее Белгорода — в полосе 7-й гв. армии» [11: с. 24]. Иного мнения был представитель Ставки ВГК Г.К. Жуков, и его точку зрения разделял начальник Генерального штаба А.М. Василевский. Они придерживались стратегии перехода советских войск к преднамеренной обороне. «С момента начала выработки стратегического плана на лето две ключевые фигуры в руководстве РККА — начальник Генерального штаба маршал Советского Союза А.М. Василевский и заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Советского Союза Г.К. Жуков придерживались единой точки зрения. Они считали, что на первом этапе необходимо отдать инициативу в руки противника и перейти к обороне» [8: с. 61].

Свое мнение Г.К. Жуков доложил Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину: «Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, вводя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника» [7: с. 124]. В последующем мнение Жукова легло в основу плана перехода советских войск к преднамеренной обороне для изматывания противника на своих оборонительных рубежах. А.М. Василевский вспоминает: «На совещании был предусмотрен и другой вариант действий: переход советских войск к активным действиям в случае, если фашистское командование не предпримет наступления под Курском в ближайшее время и оттянет его на длительный срок» [3: с. 18].

После принятия плана боевых действий РККА в предстоящем сражении началась кропотливая работа по созданию глубокоэшелонированной обороны. «К 25 апреля выяснилось, что противник на Орловском направлении концентрирует громадные силы с целью уничтожения “Курской дуги”» (ЦАМО. Ф. 0.5. Д. 1250. К. 179). Орловское направление относилось к северному фасу Курской дуги, которое обороняли войска Центрального, Брянского и Западного фронтов. Принимая во внимание то обстоятельство, что немецкое командование в районе Орла собирает значительные силы, советское военное руководство приняло

решение о вводе армий Брянского и Западного фронтов только после того, как войска Центрального фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского измотают противника на своих оборонительных рубежах. Это решение легло в основу нового стратегического плана. Советское командование разработало наступательную операцию, которая должна была принести успех Красной Армии на Северном фланге Курской дуги. «Такая операция являлась дополнительной и очень важной гарантией общего успеха советских войск. План ее получил наименование «Кутузов» [16: с. 205]. Еще напряженнее обстановка была на южном фланге Курской дуги, оборону которой держал Воронежский фронт под командованием генерала Н.Ф. Ватутина. Сюда противник стягивал отборные моторизованные и танковые части «СС». Войскам Ватутина противостояли боевые соединения, объединенные в группу армий «Юг» под командованием фельдмаршала фон Манштейна. В своей книге «Утерянные победы» он указывал: «Группа армий “Юг” была в состоянии выделить для операции “Цитадель” большие силы, а именно две армии, в составе которых было 5 корпусов с 11 танковыми и 7 пехотными дивизиями» [12: с. 393]. Войскам Воронежского фронта предстояло заставить громадные силы противника ввязаться в кровопролитные и изматывающие бои, а затем начать свое решительное контрнаступление. Основная роль в содействии Воронежскому фронту по разгрому этой колоссальной группировки противника отводилась войскам Степного фронта: «Задачи войск Степного фронта легли в основу плана Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции “Полководец Румянцев” [6: с. 207]. Перед советскими командующими, чьи войска обороняли южный фланг Курской дуги, стояла трудная задача. Ведь только в одном танковом корпусе «СС» имелись три элитные дивизии. «В состав танкового корпуса “СС” входили три танковые дивизии: “Лейбштандарт”, “Мертвая голова” и “Рейх”» [13: с. 271]. В дальнейшем только благодаря стратегическому мастерству советского командования и мужеству воинов, оборонявших южный фланг Курской дуги, немецко-фашистским войскам не удалось прорваться через глубокоэшелонированную оборону. Советские военачальники, а также представитель Ставки ВГК находились непосредственно в эпицентре сражения, а зачастую и на переднем крае обороны. Всё это поднимало рядовым солдатам боевой дух. Кроме того, благодаря непосредственному присутствию на месте боя командующие могли оперативно вносить изменения в ход того или иного локального боя за каждый населенный пункт. «Начальник Генерального штаба Красной Армии маршал Василевский всё это время находился на Воронежском фронте, в эпицентре сражения на южном фланге Курского выступа, поэтому мог немедленно отдавать командующему фронтом обязательные к исполнению приказы и распоряжения» [2: с. 491]. Благодаря присутствию в войсках А.М. Василевского выросла ответственность и дисциплинированность командного состава, более быстро и до мелочей стала происходить подготовка к бою. Всю теорию курса Генерального штаба, впоследствии пройденную на практике

Курского сражения, А.М. Василевский блистательно показал войнам Красной Армии. На южном фланге Курской дуги, оборону которого держали войска Воронежского фронта, немецко-фашистские войска предприняли наступление в двух направлениях, на Обоянском и на Корочанском. На Корочанском направлении насмерть стояли гвардейцы генерала Шумилова. Гвардейцы так и не дали немецко-фашистским войскам прорваться в район Корочи. Благодаря стойкости, самоотверженности гвардейцев, а также военному мастерству генерала Шумилова, противник на этом направлении перешел к ограниченным боевым действиям. «К исходу третьего дня боя немецкому командованию стало ясно, что его план наступления, которым намечался выход в район Короча, провалился» [16: с. 467]. Прорваться к Курску более коротким путем, через Обоянь, немецко-фашистским войскам тоже не удалось. Танкисты генерала Михаила Ефремовича Катукова, выдвинутые для усиления обороны обоянского направления, в кровопролитных боях заставили немецкое командование отказаться от дальнейшего плана по выходу на оперативный простор через Обоянь. «Оборона наша обрела устойчивость и глубину, и, когда 9 и 10 июля противник предпринял ряд сильных атак, они закончились для него неудачно» [9: с. 237]. Против 1-й танковой армии Катукова была выдвинута 4-я танковая армия и 48-й танковый корпус, в состав которого входило более ста «пантер». Благодаря командному мастерству М.Е. Катукова немецко-фашистские войска понесли большие потери, вступая в бой против гвардейцев 1-й танковой армии. «Против его соединений до 9 июля включительно действовали одновременно основные силы обоих танковых корпусов 4-й ТА. Причем 48-й тк, имевший наибольшее число танков, в том числе две сотни “пантер”, изначально был нацелен на уничтожение его армии и до конца операции находился только в полосе 1-й ТА» [8: с. 208]. В дальнейшем танкисты 1-й танковой армии Катукова выполнили задачу командующего Воронежским фронтом генерала Н.Ф. Ватутина по блокировке резервов немецких войск, по недопущению накапливания резервов на прохоровском направлении. «Главное — сковать немецкие войска, лишить их возможности свободно маневрировать резервами, не дать им больше накапливать силы под Прохоровкой» [9: с. 239]. Стоит отметить, что военное мастерство командующего Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутина, вовремя отданный им приказ по нанесению флангового контрудара по фашистским войскам способствовали нарастающему ухудшению положения противника на прохоровском направлении. Несмотря на то, что по флангу фашистских войск был нанесен ряд контрударов, немецко-фашистское командование решило перенести направление своего главного удара на Прохоровку ввиду бесперспективности Обояни.

На прохоровском направлении немецкое командование рассчитывало прорвать советскую оборону двумя одновременными ударами. В итоге в районе Прохоровки развернулись ожесточенные бои с участием огромного количества танков и самоходок. 12 июля 1943 года советские войска нанесли

мощный контрудар по группировке противника. Танкисты 5-й гвардейской танковой армии под командованием П.А. Ротмистрова нанесли серьезный урон бронетанковым войскам нацистской Германии. Противнику на прохоровском направлении не удалось продвинуться ни на километр. Тем самым танкисты Ротмистрова и гвардейцы Жадова удержали территорию в своих руках. «Мы выиграли территорию не так уж значительную, но сделали главное — во встречном сражении остановили и смяли ударную группировку врага, наступавшую вдоль железной дороги на Прохоровку» [15: с. 189].

12 июля 1943 года наступил кризис немецко-фашистской кампании на Курском плацдарме. В дальнейшем войска Воронежского и Степного фронтов под командованием И.С. Конева приступили к выполнению наступательной операции, которая была ранее блестяще разработана представителем Ставки ВГК Жуковым и начальником Генерального штаба Василевским при участии командующих фронтами. Ввод в сражение стратегического резерва Ставки сыграл исключительную роль в разгроме немецко-фашистских войск на южном фазе Курской дуги. Благодаря высокому мастерству советского военного руководства германскому командованию так и не удалось до конца разгадать замысел командования Красной Армии по введению стратегического резерва.

Стоит отметить высокий уровень секретности при подготовке введения в сражение войск Степного фронта. «Категорически запретить ведение открытых телефонных переговоров. Переговоры по телефону и аппарату «Морзе» вести исключительно условными сигналами, по переговорным таблицам с использованием кодированных карт. Строго следить, чтобы весь командный состав, выезжающий в войска от дивизии и ниже, имел только чистые карты. Представителям вышестоящих штабов карты с нанесенной обстановкой выдавать только с ведома начальника данного штаба. При их отъезде разрешение на право увоза карт с оперативной обстановкой и дислокацией частей может дать только начальник штаба» (ЦАМО. Ф. 0779. Д. 26. К. 9774). В последующем, благодаря исключительному мужеству советских солдат, а также блестящему стратегическому видению начальника Генерального штаба А.М. Василевского, командующего Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутина, командующего Степным фронтом И.С. Конева, удалось взломать тактическую глубину обороны немецко-фашистских войск, разгромить войска противника и вновь овладеть на южном фазе Курской дуги такими городами, как Белгород и Харьков.

На северном фазе Курского выступа войска Центрального фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского, войска Брянского фронта под командованием генерала М.М. Попова, а также войска левого крыла Западного фронта под командованием генерала Д.А. Соколовского намеревались охватывающим ударом в общем направлении на Орёл разгромить немецко-фашистскую группировку. Так же, как и на южном фазе Курской дуги, войска, оборонявшие северный фаз, в течение апреля и начала мая 1943 года прово-

дили работы по укреплению обороны. «В течение 17.05.43 войска Центрального фронта продолжали укреплять занимаемые оборонительные рубежи, вели разведку и проводили занятия по боевой подготовке» (ЦАМО. Ф. 0.321. Д. 46. К. 2126). Представителем Ставки ВГК на северном фланге дуги был Маршал Г.К. Жуков. Георгий Константинович умело координировал войска фронтов, занимавших исходные оборонительные рубежи. Он находился непосредственно в войсках и всегда держал связь с А.М. Василевским, находившимся на противоположном фланге дуги. Поэтому Г.К. Жуков вместе с командующими фронтами мог оперативно принимать решения и действовать на опережение планам немецкого командования. Так, умело принятое Жуковым и Рокоссовским решение о начале артиллерийской контрподготовки, стало основополагающим фактором в разгроме немецко-фашистских войск на данном участке Курской дуги. Во время проведенной советскими войсками артиллерийской контрподготовки войска противника были застигнуты врасплох. «Захваченные в ходе сражения пленные рассказали, что наш удар был для них совершенно неожиданным» [7: с. 148]. Начальник штаба артиллерии генерал Г.С. Надысев вспоминал: «В результате артиллерийской контрподготовки, по весьма неполным данным, было уничтожено и подавлено до 100 батарей противника, 60 наблюдательных пунктов, 10 складов с боеприпасами и горючим» [14: с. 137]. Но все же противник смог организовать наступление и двинулся в трех направлениях. На некоторых участках фронта немецко-фашистским войскам изначально удалось вклиниться в оборону советских войск. Блестяще оценив обстановку, командующий Центральным фронтом К.К. Рокоссовский отдал приказ о нанесении контрудара. Такое решение Рокоссовского несло смысл недопущения дальнейшего развития наступления фашистов. В итоге активные действия с обеих сторон привели к ожесточенным встречным боям, в результате которых немецкое наступление практически полностью остановилось, и командование противника приняло решение о его прекращении на этом участке фронта. «К исходу 8 июля немецкое командование вынуждено было отказаться от продолжения наступления» [16: с. 463].

15 июля 1943 года К.К. Рокоссовский отдает очередной приказ о нанесении артиллерийского удара по противнику. «Войска Центрального фронта в 5.30 15.7.43 г. после 15 минутной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление на курско-орловском направлении и, преодолевая огневое сопротивление противника, к 8.00 на отдельных участках продвинулись до 3 км» (ЦАМО. Ф. 0.321. Д. 46. К. 2126). К.К. Рокоссовский показал невероятное стратегическое и блестящее оперативное мышление с великолепным видением боевой обстановки. Параллельно с Центральным фронтом начали свое наступление войска Брянского и Западного фронтов. Командующий 3-й армией Брянского фронта генерал А.В. Горбатов вспоминал: «В четыре часа утра 12 июля мы обрушили на противника всю мощь артиллерии

и поддерживающей нас авиации» [4: с. 219]. На всей территории наступления войск Брянского фронта противник сосредоточил отборные части, которые в последующем были разгромлены советскими войсками. В первый день наступления войсками Брянского фронта под командованием М.М. Попова была прорвана тактическая полоса обороны противника. Немецко-фашистские войска ожесточенно оборонялись, поэтому М.М. Попову приходилось проявлять невероятную оперативность в решениях и перебрасывать стрелковые дивизии с одного участка фронта на другой. Далее для обеспечения более быстрого продвижения в помощь 63-й армии была выдвинута 3-я танковая армия, которая помогла захватить нужный плацдарм, тем самым выполнив задачу, блестяще спланированную командованием фронта. После овладения нужным плацдармом командование Брянским фронтом поставило задачу наступления на города Мценск и Орёл. Причем наступление на Орёл угрожало не только немецко-фашистским войскам, закрепившимся в этом городе, но еще и мценской группировке противника. «Было решено брать Орёл обходом с севера и северо-запада; для этого создать ударную группировку армии на правом фланге и форсировать Оку в двадцати – тридцати километрах севернее города. Тем самым мы будем угрожать окружением не только гарнизону Орла, но и вражеским войскам, обороняющимся по реке Зуша и в Мценске» [4: с. 221]. Весь этот наступательный план показывает невероятно высокий уровень оперативно-тактического мастерства М.М. Попова. Благодаря реализации этого плана немецко-фашистское командование начало отвод войск с данного рубежа, тем самым оставив города Мценск и Орёл. Тесное взаимодействие с войсками Брянского фронта осуществляли войска Западного фронта под командованием генерала В.Д. Соколовского. В планировании боевой задачи войскам Западного фронта непосредственное участие принимал Г.К. Жуков. На тот момент он находился в действующих частях, что в очередной раз говорит о личном мужестве представителя Ставки ВГК. Находясь в войсках, Георгий Константинович мог не только планировать крупномасштабные операции, но и принимал участие в разработке операций по освобождению конкретного участка фронта. «В годы войны Г.К. Жуков прославился умением организовывать операции крупного масштаба. Нам сейчас очень нужны были его советы», — вспоминал И.Х. Баграмян [1: с. 390]. Командование Западного фронта блестяще решило тактическую задачу, отправив 4-ю танковую армию под командованием генерал-лейтенанта В.М. Баданова на город Болхов. Изначально танковая армия В.М. Баданова должна была наступать на хотынецком направлении, так как данное направление считалось оптимальным для движения танков. При обсуждении этого наступательного плана иное видение высказывал И.Х. Баграмян: «Не лучше ли ввести армию на хотынецком направлении: там и условия для действия танков лучше, да и само это направление становится решающим. Но генерал В.Д. Соколовский

стоял на своём: танки пойдут на Болхов» [1: с. 412]. Благодаря мужеству советских солдат, а также правильному выбору направления для наступления, войскам Западного фронта удалось выбить противника с восточных и южных окраин Болхова и выйти в центр города, где 29 июля 1943 года был полностью разгромлен Болховский гарнизон немецко-фашистских войск.

Нельзя не отметить огромный вклад в победу советских войск на Курском плацдарме советского тыла. Всё тыловое обеспечение было хорошо замаскировано. Это давало возможность для скрытного передвижения боезапасов и скорейшему их поступлению в армейские соединения. «Успеху подготовки армии к наступлению содействовала скрытность, с которой было осуществлено сосредоточение запасов и передислокации тылов в подготовительный период. Соблюдение тайны способствовало установлению жёсткого режима движения автотранспорта задолго до начала операции» (ЦАМО. Ф. 0.5. Д. 1251. К. 179).

К 1943 году командный состав Красной Армии накопил значительный опыт руководства действиями войск. Умело осуществив в ходе Курской битвы комплекс оборонительных и наступательных операций, командование привело нашу армию к победе над самой мощной вражеской группировкой, действовавшей на Восточном фронте.

Литература

1. Баграмян И.Х. Так мы шли к победе. М.: Воениздат, 1988. 638 с.
2. Букейханов П. Курская битва. Перелом. М.: Центрполиграф, 2012. 543 с.
3. Василевский А.М. Дело всей жизни. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы, 1988. 303 с.
4. Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1980. 366 с.
5. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. М.: Центрполиграф, 2009. 574 с.
6. Дайнес В. Конев против Манштейна. М.: Эксмо, 2010. 432 с.
7. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1974. 390 с.
8. Замулин В. Курский излом. М.: Эксмо, 2008. 960 с.
9. Катуков М.Е. На острие главного удара. М.: Высшая школа, 1985. 430 с.
10. Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. 368 с.
11. Лопуховский Л. Прохоровка. М.: Эксмо, 2007. 616 с.
12. Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ, 2009. 640 с.
13. Меллентин Ф.В. Танковые сражения 1939–1945. СПб.: Полигон, 2000. 448 с.
14. Надысев Г.С. На службе штабной. Рига: Лиесма, 1972. 290 с.
15. Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. 270 с.
16. Штеменко С.М. Генеральный Штаб в годы войны. М.: Транзиткнига, 2005. 747 с.

References

1. Bagramyan I.X. Tak my' shli k pobede. M.: Voenizdat, 1988. 638 s.
2. Bukeyhanov P. Kurskaya bitva. Perelom. M.: Centrpoligraf, 2012. 543 s.

3. *Vasilevskij A.M.* Delo vsej zhizni. T. 2. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1988. 303 s.
4. *Gorbatov A.V.* Gody' i vojny'. M.: Voenizdat, 1980. 366 s.
5. *Guderian G.* Vospominaniya nemeczkogo generala. M.: Centrpoligraf, 2009. 574 s.
6. *Dajnes V.* Konev protiv Manshtejna. M.: E'ksmo, 2010. 432 s.
7. *Zhukov G.K.* Vospominaniya i razmy'shleniya. M.: Izd-vo Agentstva pečati Novosti, 1974. 390 s.
8. *Zamulin V.* Kurskij izlom. M.: E'ksmo, 2008. 960 s.
9. *Katukov M.E.* Na ostrie glavnogo udara. M.: Vy'sshaya shkola, 1985. 430 s.
10. *Konev I.S.* Zapiski komanduyushhego frontom. M.: Nauka, 1972. 368 s.
11. *Lopuxovskij L.* Proxorovka. M.: E'ksmo, 2007. 616 s.
12. *Manshtejn E'.* Uteryanny'e pobedy'. M.: AST, 2009. 640 s.
13. *Mellentin F.V.* Tankovy'e srazheniya 1939–1945. SPb.: Poligon, 2000. 448 s.
14. *Nadysev G.S.* Na sluzhbe shtabnoj. Riga: Liesma, 1972. 290 s.
15. *Rotmistrov P.A.* Stal'naya gvardiya. M.: Voenizdat, 1984. 270 s.
16. *Shtemenko S.M.* General'ny'j Shtab v gody' vojny'. M.: Tranzitkniga, 2005. 747 s.

A.A. Mozgunov

Soviet Military Commanders in the Battle of Kursk

For the first time in the national historiography the question of the role and significance of the victory over the German army by the Soviet military commanders and the question of the superiority of the Soviet military art of war in the Battle of Kursk in the summer of 1943 are raised and solved.

Keywords: Battle of Kursk; victory; Soviet generals.

Е.М. Копоть

**Митрополит Агапий Эдесский:
«русский воспитанник»
и типичный монах-левантиец
второй половины XIX века¹**

Статья посвящена проблеме контактов России и Антиохийского Патриархата во второй половине XIX века. На примере *curriculum vitae* Эдесского митрополита Агапия делается попытка рассмотреть характерные черты внутренней жизни православной общины Леванта и выйти за рамки сложившейся в отечественной историографии традиции, комплиментарно оценивающей русское влияние на развитие Антиохийской православной церкви в XIX веке.

Ключевые слова: Россия и Православный Восток; Сирия; Антиохийский патриархат; Агапий (Ставрос); Григорий (Хаддад); православные арабы.

Прежде чем приступить к рассмотрению той или иной из страниц истории Антиохийской православной церкви, необходимо остановиться на описании ее канонического и географического положения. Канонический статус одного из четырех древних патриархатов, основанного около 37-го года, определяется постановлениями Вселенских соборов. Согласно 36-му правилу Трулльского (Пято-Шестого) собора (692 г.), православный синтагматийон предстает в следующем виде: «Возобновляя законоположенное 150-ю святыми отцами, собравшимися в сем богохранимом и царствующем граде (Константинополе), и 630-ю, собравшимися в Халкидоне, определяем, да имеет престол Константинопольский равные преимущества с престолом Древнего Рима, и яко же сей, да возвеличивается в делах церковных, будучи вторым по нем. После же оного да числится престол великого града Александрии, потом престол Антиохийский, а за сим престол града Иерусалима» [12: с. 23]. Таким образом определяется иерархическое положение патриаршей кафедры, основанной свя-

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», соглашение № 14.В37.21.0967.

тыми первоверховными апостолами Петром и Павлом, которая и поныне занимает третье место в диптихе автокефальных поместных Церквей.

«Имевший в древности 153 епархии при нескольких миллионах населения» и «простиравшийся на большую часть территории нынешней Азиатской Турции и на Грузию», к концу XIX века имел паству «всего лишь в 400 тысяч душ, рассеянных в 14 епархиях, не считая Патриаршей епархии, обнимающей собой города Антиохию и Дамаск с 10 окружающими его селами», как следует из описания патриаршего престола, сделанном Антиохийским Патриархом Григорием IV Хаддадом (1906–1928) в докладе императору Николаю II в 1913 году (АВПРИ. Ф. 180 «Посольство в Константинополе». Оп. 517/2. Д. 3447. Л. 52). К данным, представленным в документе, целью написания которого было получение материальной помощи, необходимо относиться с большой осторожностью. Подсчеты Российского Генерального консула в Бейруте К.Д. Петковича показывают, что паства патриархата не превышала 300 тыс. православных (АВПРИ. Ф. 208 «Консульство в Бейруте». Оп. 819. Д. 322. Л. 585). По мнению же современных исследователей, использовавших данные турецкой статистики 1881–1882 годов, это число было еще меньше — около 92 тысяч человек в Сирийском и Халебском вилайетах [20: р. 128–129]. Цифры свидетельствуют о заметном угасании жизни и общем кризисе Антиохийской церкви в конце XIX века.

Такое же впечатление складывалось и у тех, кто видел воочию процессы деградации Православного Востока — паломников, дипломатов и ученых из России, посещавших Большую Сирию (Билад аш-Шам) [2, 3, 6, 11, 13, 14]. Кризис проявляется не только в количественных показателях, но и в общей ментальности христиан сиро-палестинского региона. Достаточно привести вопиющий сюжет из проскинитария Арсения Суханова, повествующий о том, как богомольцы справляли нужду в Вифлеемской базилике Рождества Христова. Соответствующий фрагмент произведения был стыдливо «исправлен» позднейшими издателями текста, и лишь недавно реконструирован в монографии С.А. Кириллиной [3: с. 239]. Безусловно, увиденное не могло оставить равнодушными не только богомольцев, но и все российское общество, с середины XIX века обратившее особенно пристальное внимание на судьбы Восточного Православия.

Отношения России с Антиохийским патриархатом (которым посвящена значительная историография [7, 9, 19, 21]) имеют длительную историю, которая начинается со времен первого митрополита, прибывшего для Крещения Руси, Михаила Сирина — ученика 95-го патриарха Антиохийского Иоанна [18: с. 12]. С течением времени эта духовная и дипломатическая связь не только не ослабевала, но и крепла, становясь всё более разнообразной по своим формам: от хождений богомольцев в Святую Землю до учреждения в 1882 году Православного Палестинского Общества.

Более близкое знакомство с жизнью православных общин Леванта поставило на повестку дня перед Россией середины XIX века главный вопрос: «Как можно помогать» (по выражению митрополита Филарета) Антиохийскому престолу?

Простая финансовая поддержка не могла быть признана удовлетворительной. В условиях нарастающего греко-арабского противостояния между клиром и паствой деньги попросту оседали в карманах греков-святогробцев, не оказывая заметного влияния на жизнь православной общины [4, 10]. Материальная поддержка становилась источником интриг в среде местного духовенства, ради которых они вводили церковь в обременительные долги. Причины долгов следует искать в общей культуре иерусалимского греческого монастыря, из членов которого поставлялись Антиохийские патриархи, довольно точно описываемые В.Н. Хитрово в 1881 году: «Каждый ведет борьбу против всех с целью получить более доходное место, а при случае патриаршее достоинство, а так как для всякой борьбы, для всякой интриги, а особенно на востоке, необходимы деньги, то погоня за ними сделалась, к крайнему прискорбию, отличительною чертою большинства членов святогробского братства» [16: с. 63]. На эти же цели направлялись и собранные в Москве через Антиохийское патриаршее подворье («метохий», или по-арабски «антуш») был передан в ведение патриархии в 1848 году при условии, что его настоятелем будет «природный араб, а не грек» [5: с. 304]) средства. Это вызвало реакцию со стороны русских духовных властей, когда по соглашению с митрополитом Филаретом (Дроздовым)¹ деньги задерживались настоятелем подворья митрополитом Илиопольским Неофитом и не высылались патриарху Иерофею (1850–1885)² в Дамаск. «Что тут делать? — советуется Филарет с А.Н. Муравьевым в письме от 1 августа 1851 года³. — Если отдадутся сии деньги, весь плод трудов Преосвященного Неофита будет потерян. Сказывают, в счетах покойного Патриарха Антиохийского [Мефодия (1823–1850). — Е.К.] нашли, что он из денег Патриархии миллион пиастров передал своим родственникам. От него нельзя было ожидать сего, но сие случилось. Чего же ожидать теперь? Говорят также, что облачения, посланные из России на Восток, там продавались церквам за деньги. Как же можно помогать?» [15: с. 365].

¹ Митрополит Филарет (Василий Михайлович Дроздов; 26 декабря 1782 г. – 19 ноября 1867 г.) — епископ Русской Православной Церкви; с 3 июля 1821 г. архиепископ (с 22 августа 1826 г. — митрополит) Московский и Коломенский, священноархимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры и присутствующий в Московской Синодальной конторе. На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2 декабря 1994 года святитель Филарет был причислен к лику святых.

² Антиохийский патриарх Иерофей (1850–1885), бывший архиепископ Фаворский, вместе с епископом Кириллом Лиддским был заместителем Иерусалимского патриарха Афанасия. В 1845 г. владыка Иерофей был единогласно избран своим Синодом на Иерусалимский патриарший престол, однако не был утвержден султаном в патриаршем сане. В 1850 г. архиепископ Иерофей был избран патриархом на Антиохийский престол.

³ Андрей Николаевич Муравьев (30 апреля 1806 г. – 18 августа 1874 г.) — камергер российского императорского двора; православный духовный писатель и историк Церкви, паломник и путешественник; драматург, поэт. Почетный член Императорской академии наук. С 1842 года член общего присутствия в Азиатском департаменте МИДа.

Одним из ответов стало открытие дверей русских духовных образовательных учреждений для сирийского духовенства. Среди современных авторов круга Императорского Православного Палестинского Общества (Н.Ю. Сухова, Д.В. Коровин, Н.Н. Лисовой) принято в комплиментарном ключе оценивать результаты этих контактов как для России, так и для сиро-палестинских христиан.

По мнению Н.Ю. Суховой, высказанному в статье «Уроки взаимности: сирийские и палестинские студенты в российских Духовных Академиях», «полезность и плодотворность процесса обучения сирийского и палестинского юношества в российских духовных школах не вызывают сомнения. Во-первых, служение некоторых из этих посланцев имело особое значение для восточных Патриархатов и для Православной Церкви в целом. Несомненно, полученные богословские знания и духовно-учебный опыт были востребованы в этом служении. Большая часть выпускников российских духовных школ сирийского и палестинского происхождения, прежде всего стипендиаты ИППО, занимались просветительской деятельностью, перенося традиции российской духовной школы в новые условия, тем самым продолжая и обогащая эту традицию. Вкупе со своими земляками, прошедшими обучение в светских российских школах, они заложили основу арабской интеллигенции и образовательной традиции.

Следует отметить и то, что потенциал, который имела система образования представителей Сирии и Палестины в российских духовных школах, не был исчерпан. Более того, когда система стала поддерживаться организационными и материальными силами ИППО, она показала свою особую плодотворность и перспективность» [Сухова Н.Ю. Уроки взаимности. Сирийские и палестинские студенты в российских Духовных Академиях // IPPO.Ru — официальное интернет-представительство МОО «Императорское Православное Палестинское Общество». — URL: <http://www.ippo.ru/istoriya-ippo/uroki-vzaimnosti.-siriyskie-i-palestinskie-studenty-v-rossiyskih-duhovnyh-akademiyah.html>].

Жизнеописания отдельных представителей «сирийского юношества» приводят нас к мысли о том, что в работах исследователей круга ИППО мы имеем дело с современным (своеобразным их предшественником можно назвать ложно-стыдливого публикатора «Проскинитария Арсения Суханова» Н.И. Ивановского) изданием житийного (агиографического) жанра литературы, поскольку, по сути, «речь идет <...> об апологетической историографии, имеющей в качестве конечной цели дидактику, базирующуюся на понятии о добродетели как персональной, так и социальной, как индивидуальной, так и коллективной», где «в концепциях структура становится знаком» [1: с. 75]. В таком контексте возникает методологический вопрос: насколько можно доверять этой «знаковой» системе с присущими ей установками жанра, «топосами», насколько иконописные лики подходят для исторической реконструкции?

В широком смысле историографическая проблема может быть обозначена как создание новой «житийной» нарративной реальности, а ее преодоление оказывается невозможным без привлечения дополнительной источниковой базы.

В такой роли в настоящем исследовании выступают документы Архива внешней политики Российской империи фонда 180 «Посольство в Константинополе», в том числе впервые вводимые в научный оборот.

Переписка российских консулов с посольством в Константинополе и Азиатским Департаментом МИД позволяет по достоинству оценить плоды, которые принесла Антиохийской церкви Россия в лице второго уроженца Билад аш-Шам, оказавшегося в Московской духовной семинарии, будущего митрополита Эдесского Агапия (Агапита).

Обратимся к имеющемуся в литературе краткому апологетическому жизнеописанию Агапия. Как сообщает Н.Ю. Сухова, «он пользовался особым покровительством патриарха Антиохийского Иерофея (1850–1885), успел проявить ревность к проповеданию Евангелия и пострадать от внутренних нестроений в Антиохийской Церкви, потом был направлен к настоятелю Антиохийского подворья в Москве иеромонаху Анфиму. Об иеродиаконе, а затем иеромонахе Агапии, как и о других сирийских посланцах, по просьбам антиохийской церковной иерархии ходатайствовал А.Н. Муравьев. Окончив Московскую ДС, иеромонах Агапий в 1853 году поступил в СПбДА, которую окончил в 1857 году, причем со степенью кандидата богословия. В дальнейшем он стал митрополитом Едесским» [Сухова Н.Ю. Уроки взаимности. Сирийские и палестинские студенты в российских Духовных Академиях // IPPO.Ru — официальное интернет-представительство МОО «Императорское Православное Палестинское Общество». — URL: <http://www.ippo.ru/istoriya-ippo/uroki-vzaimnosti.-siriyskie-i-palestinskie-studenty-v-rossiyskih-duhovnyh-akademiyah.html>].

Несколько дополняет это скудное сообщение Н.Н. Лисовой. Излагая историю конфликта между патриархом Иерофеем и настоятелем подворья в Москве Неофитом из-за невысылки собранных денег, он сообщает, что после смерти последнего 3 декабря 1853 года подворье было передано во временное управление «преемника Неофита архидиакона Агапия» [7: с. 84].

Как оказалось, столь горячо защищаемый митрополитом Филаретом, Неофит сам оказался не без греха — «нашлись значительная сумма в безымянных билетах (24 билета на сумму 20 тысяч рублей серебром), и значительная сумма завещана им матери как его собственность» [14: с. 441]. Этот опыт, как видно из последующего, ничему не научил русскую сторону: митрополит Филарет по-прежнему считал, что «деньгам полезнее быть в его (управляющего московским подворьем) руках, нежели в руках патриарха» [15: с. 547]. Как оказалось в начале 1870-х годов, это было крупной ошибкой митрополита Филарета и А.Н. Муравьева.

В контексте данных событий мы встречаем одно из самых ранних упоминаний в источниках имени иеромонаха Агапия. В этой связи большой интерес представляет для нас изданное в Москве в 1900 году письмо от 5 апреля 1857 года первого сирийского араба, воспитавшегося в Рос-

сии, Спиридона Абуда¹, своему брату Абу-Михаилу в Дамаск. Их племянник и наследник Дмитрий Абуд впоследствии продал его А.Е. Крымскому вместе с другим «бумажным хламом» покойного в Бейруте и 4 февраля 1899 года документ был впервые представлен на заседании Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического Общества.

Письмо проливает свет на личность «покойного, но не блаженной памяти Ысбыра Абута» [17: с. 8] и далекий от христианских заповедей характер отношений, сложившийся между монахами-левантийцами в Москве. В основе конфликтов между арабами лежало право получения денежных пожертвований из России, для чего они использовали все доступные средства. «Но я очень опечалился тем, что письма достигли моих рук уже открытые Агапием, Хасбайнием, потому что Димитрий Шхаде всегда посылает предназначенные для меня письма на руки Агапию в Петербург, а тот их читает. <...> Я слышал, что дамаскинцы всегда пишут ему прошения и просят, чтобы он покровительствовал им перед Св. Синодом. <...> И не стыдно дамаскинцам!» — сокрушается в начале своего письма Спиридон [17: с. 9]. В дальнейшем выясняется и причина столь трепетного отношения к вскрытым Агапием письмам: «Сообщи своему зятю, что книжку (для сборов), которую он послал здешнему митрополиту внутри писем к Анфиму, Агапий (Хасбайни) потопил у себя. <...> У него долгов около 25 000 пиастров, да на них еще проценты. Он просит Анфима собрать ему эту сумму или взять в долг у кого-нибудь. Чистое мальчишество!» В приписке же он лаконично сообщает о том, что, судя по всему, составляло главную злобу дня и волновало не только дамаскую общину: «А насчет денег подворья Антиохийского сообщите нашим землякам, что их раскрал и растратил Хасбайний» [17: с. 11]. Так начиналась духовная карьера будущего митрополита Эдесского Агапия.

Спустя два десятилетия кандидат богословия, выпускник СПбДА Агапий, родившийся в г. Хасбайе Дамасского вилайета, вернулся на родину. Это был молодой, хорошо образованный иерарх, с которым паства связывала многие надежды. В одном из донесений в феврале 1888 года Российский Генеральный консул в Бейруте К.Д. Петкович так описывает его первые шаги на поприще служения Антиохийскому патриаршему престолу: «Привезши с собой значительные суммы денег и два-три десятка сундуков с богатыми церковными одеждами и богослужебными принадлежностями. Как деньги, так и вещи были получены и собраны им в России для раздачи церквям и монастырям в Сирии, но он предпочел объявить их своим личным имуществом и оставить

¹ Спиридон Абуд (? – 1879) — «воспитавшись в России, Ысбыр (Спиридон) путем низкопоклонства составил себе известные связи (в кругу высшего духовенства и профессоров, например, Шевырева), а путем торговли своей восточной красотой нажил деньги. Возвратившись богачом (но на казенный счет) в Сирию, он открыл школку, где преподавался и русский язык; это давало Ысбыру повод вечно испрашивать субсидии от доверчивых русских патриотов и, как гласит восточная молва, получать очень солидные суммы. Отказывая себе, вследствие невероятной скупости, в самом необходимом, Абуд заболел падучей и, наконец, умер» [17: с. 8–9].

при себе» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 61). Отсутствие контроля за собранными суммами, общая позиция поддержки митрополитом Филаретом иерархов-сирийцев против патриарха-грека Иерофея оказалось губительным искушением для Агапия. «Тотчас по приезде из России в означенный год он начал интриговать против Бейрутского Митрополита Гавриила с целью заместить его». «По моему настоянию, — писал русский Генеральный консул в Бейруте, — Агапий был вызван покойным Патриархом Иерофеем в Дамаск, как нарушитель спокойствия и мира в церкви, и получил публично неодобрение и осуждение. В моем присутствии и трех Архиереев покойный Иерофей назвал Агапия проклятым, но, несмотря на все это, спустя два года тот же Патриарх за деньги [надо полагать, за русские деньги. — *Е.К.*] рукоположил этого самого проклятого им в Митрополиты Эдессы (*in partibus*) с возложением на него архипастырских забот и попечений о православных христианах, живущих в пределах Хаурана» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 61 об.). Монах-сириец и патриарх-грек (Иерофей провел в России 6 лет, собирая пожертвования для Иерусалимского патриархата до 1839 года), имевшие опыт сбора милостыни в России, оказались достойными друг друга.

«С тех пор, до назначения его Викарием Триполийского Митрополита [август 1887 г. — *Е.К.*], Агапий жил постоянно в Дамаске в Патриархии, ожидая случая получить одну из видных и важных Епархий — Бейрутскую или Триполийскую. Ему предлагали Епархии Диарбекира и Хамы, а также место Директора Православной Комиссии в Кефтине (в Куре на Ливане); но он всегда упорно отказывался, предпочитая оставаться без епархии, но при патриархе» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 62–62 об.).

Во время объезда епархий в августе 1887 года к патриарху Герасиму (1885–1891) обратился престарелый, управлявший епархией более 30 лет, Триполийский митрополит Софроний, который был «почти глухой» и не мог «стоять на ногах и двух минут», с просьбой назначить ему викария для заведования гражданскими делами епархии. Но вместо «протоиерея или архимандрита, как следовало», выбор Герасима пал на Эдесского митрополита (*in partibus*)¹ Агапия, который находился в его свите (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 218).

Не прошло и месяца с назначения митрополита Эдессы, как в Триполи начались «серьезные раздоры и несогласия», не менее серьезные, чем те, что привели к «проклятию» его покойным патриархом Иерофеем. Агапий «стал действовать, как полновластный хозяин, вмешиваясь во все дела безусловно, занимая в церкви место законного архиерея и отказываясь во время литур-

¹ *In Partibus* (сокр. от *lat. episcopus titularis in partibus infidelium* — «титularный епископ в стране неверных») — обозначение титулярного митрополита, не имеющего своей епархии, носящего историческое название города, которого уже не существует или находящегося на неправославных территориях. В последующем сохраняло память о христианских территориях, попавших в руки неверных [Boudinhon A. «*In partibus infidelium*» // *The Catholic Encyclopedia*. — URL: <http://www.newadvent.org/cathen/08025a.htm>].

гии помянуть его имя», явно давая понять, что его назначение не случайно и одобряется в Дамаске (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 63 об.).

Это вызвало беспокойство и протесты со стороны митрополита Софрония. Однако за два месяца благодаря своим деньгам митрополит Агапий составил вокруг себя партию из лиц, имевших причины не любить Софрония (например, во главе ее стоял отлученный от церкви за незаконный брак внештатный российский вице-консул А. Кацефлис).

Ситуация все более обострялась: «Сторонники Софрония стали собираться в одной церкви для богослужения, а их противники в другой церкви с Агапием» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 63 об.). По просьбе К.Д. Петковича патриарх Герасим в ноябре отправил в Триполи комиссию из трех архиереев-арабов — Гавриила (Бейрут), Афанасия (Хомс) и Григория (Хама), которая в заключении от 3 декабря 1887 года признала виновником событий Агапия. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 63 об.). Патриарх, ко всеобщему удивлению, никак не отреагировал на выводы собственной комиссии. Причина вскоре обнаружилась. Стало известно, «что Агапий подарил Патриарху митру, посох и крест, выписанные им из Москвы чрез тамошнего Настоятеля Иерусалимского подворья» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 64). Не имея возможности открыто признать правоту комиссии трех архиереев, которые «единодушно признали Агапия виновным во всем и осудили его поступки и действия на основании Вселенских и поместных Антиохийских соборов», он не мог и осудить ее. Не имея возможности игнорировать требования К.Д. Петковича, в начале 1888 года патриарх Герасим отправил в Триполи своего векиля Иринопольского митрополита Серафима. В итоге сложилась совершенно нетерпимая ситуация, когда «в одной Епархии, в одном городе жили и действовали в одно и то же время три Архиерея» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 64 об.).

Вняв требованиям консула, патриарх Герасим в марте 1888 г. по телеграфу приказал Агапию прибыть в Дамаск, а так как тот ослушался, просил бейрутского Генерал-губернатора Али-пашу принять принудительные меры для его высылки (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 88). Однако Агапию удалось, по словам митрополита Серафима, подкупить Триполийского мутесарифа, который ответил Али-паше о затруднениях, возникших при его выдворении. «Агапий привез из России много денег, — передавал в рапорте в Российско-Императорское посольство в Константинополе свою беседу с Иринопольским митрополитом К.Д. Петкович, — и теперь пользуется ими не на благо, а на зло Церкви и народа. Он подкупил не только главных старшин Триполи, которые лезут из кожи и не брезгают никакими средствами, чтобы удержать его у себя, но и самого Мутесарифа» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 102 об. – 103). В ответ на вторичное приказание Агапий отправил к патриарху посланцев, и Герасим после разговора с ними временно прекратил требования о принудительных мерах к нему. Предвидя, что турецкие власти рано или поздно заставят его повиноваться своему иерархическому начальнику, Агапий выехал из Триполи и по пути в Дамаск 12 апреля 1888 года нанес визит в Российско-Императорское Генеральное

консульство. Результаты этого посещения оказались для него еще более компрометирующими: консул остался глух к его доводам, а драгоман консульства кол. асс. А. Ростковский, которому Агапий предложил взятку в 100 тур. лир за содействие его кандидатуре, не только не принял ее, но и немедленно доложил об инциденте Генеральному консулу (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 113). Об этом факте, дополняющем характеристику Агапия, немедленно дали знать и патриарху. «По прибытии Митрополита в Дамаск Патриарх отрешил его от должности Викария в Триполи и в наказание за неподчинение приказаниям своего духовного начальника запретил ему служить в церкви. На днях Его Блаженство обещал Агапию снять с него это запрещение под условием, что он письменно откажется навсегда от всяких попыток вернуться в Триполи. На что Агапий и согласился» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 122 об.).

9 августа 1889 года митрополит Софроний скончался в своей резиденции в прибрежном Триполи. Интриги продолжились с новой силой. Поддержку кандидатуре Агапия оказал другой, пожалуй, самый известный русский воспитанник Селевкийский митрополит Герасим (Яред). Преосвященный Герасим, окончивший Московскую Духовную академию и бывший ректором Рижской семинарии до возвращения в Сирию, поддерживая кандидатуру Агапия, «уверял, что он, зная по себе, как бывшие русские воспитанники преданы России, выставляет вследствие этого кандидатуру Агапия, будучи убежден, что этим он приносит пользу русским интересам в Сирии» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 57). «Русские интересы» были лишь разменной монетой в игре честолюбий: понимая, что кандидатура Агапия невозможна, он старался тем самым затянуть все дело и добиться своего перевода в более богатую епархию.

Убедить Генерального консула в Бейруте Герасиму (Яреду) не удалось, и при поддержке консульства 2 мая 1890 года митрополитом был избран диакон Бейрутского митрополита Григорий (Хаддад), который был председателем общества Св. Павла, имевшего целью открывать школы на Ливане и оказывать поддержку бедным священникам, и тем самым показал истинную приверженность делу сохранения православия, а значит, и русским интересам в Сирии.

Так бесславно закончилась карьера русского воспитанника митрополита Эдесского Агапия.

Пытаясь сформулировать некоторые выводы, мы с неизбежностью сталкиваемся с необходимостью признать, что являющийся нам портрет «русского воспитанника» оказывается далеким от принятой «иконописной» традиции (представляя собой скорее антижитие). Типологически он совершенно не отличим от колоритного образа жителя восточного средиземноморья конца XIX века, о котором четверть века спустя было довольно точно замечено, что «евгенический рецепт левантийца темен, как его совесть» [8: с. 236] .

Монашеское звание было одним из немногих социальных лифтов, доступных членам рум миллети, и редко было связано с призванием человека, а потому не должно вводить в заблуждение исследователя. Перефразируя шутливое выражение В.О. Ключевского, можно сказать, что, приняв «образ ан-

гельский», они благополучно теряли «образ человеческий» [5: с. 313]. Влияние России оказывалось при этом довольно двусмысленным. Стремясь поднять духовный и образовательный уровень сирийского духовенства, она одновременно являла собой объект приложения корыстолюбивых устремлений представителей «сирийского юношества», подобных митрополиту Агапию, беззащитно торгующих преданностью мнимым «русским интересам» на Ближнем Востоке и эксплуатирующих доверчивость русских жертвователей милостыни.

Характерные для клира интриги, алчность, мелочное честолюбие были лишь частным случаем кризисного состояния, в котором пребывала община рум миллети в Большой Сирии и может быть терминологически описана как этнос в стадии обскурации.

Литература

1. *Грегуар Р.* Литературные и богословские модели в западной агиографии // Монастырская культура: Восток – Запад. СПб.: Приложение к альманаху «Канун», 1999. С. 75–85.
2. *Григорович-Барский В.Г.* Странствования по Святым Местам Востока: В 2-х ч. М.: Ихтиос, 2005. 336 с.
3. *Кириллина С.А.* Очарованные странники: Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М.: Ключ-С, 2010. 564 с.
4. *Копоть Е.М.* К вопросу об интерпретации греко-арабского противостояния и влияния России в Антиохийском Патриархате во второй половине XIX века (по материалам АВПРИ) // Вестник Московского университета. Сер. 13. 2011. № 3. С. 31–38.
5. *Крымский А.Е.* История новой арабской литературы (XIX – начало XX века). М.: Главная редакция Восточной литературы, 1971. 794 с.
6. *Крымский А.Е.* Письма из Ливана. 1896–1898. М.: Наука, 1975. 342 с.
7. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 512 с.
8. *Павленко П.А.* Стамбул и Турция. М., 1932. 258 с.
9. *Панченко К.А.* Взаимоотношения османского правительства и православной общины Арабского Востока в XVI – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1996. 334 с.
10. *Панченко К.А.* Кризис православия на Арабском Востоке в восприятии российской общественности (конец XIX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 13. 1994. № 4. С. 17–28.
11. *Порфирий Успенский.* Книга бытия моего. Т. 1–8. / Под ред. П.А. Сырку. СПб., 1894–1902. 5088 с.
12. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 1877. Репринт: М.: Паломник, 2000. С. 23–27.
13. Проскинитарий Арсения Суханова: 1649–1653 гг. / Ред. и пред. Н.И. Ивановского // Православный Палестинский Сборник. 1889. Т. VII. Вып. 3 (21). 390 с.
14. Святые места вблизи и издалека: путевые заметки русских писателей I половины XIX в. М.: Школа-Пресс, 1995. 367 с.
15. Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. Муравьеву. Киев: Типография Давиденко, 1869. 692 с.

16. *Хитрово В.Н.* Православие в Святой Земле // Православный Палестинский сборник. Т. 1. Вып. 1. / Издание В.Н. Хитрово. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1881. 132 с.
17. *Чирков Г.В.* Два любопытных арабских документа. К истории внутреннего быта восточных христиан. М.: Типо-литография А.В. Васильева, 1900. 11 с.
18. *Шевырев С.* Антиохийская церковь. СПб.: Типография Министерства Внутренних дел, 1850. 28 с.
19. *Якушев М.И.* Христианские субъекты Османской империи — Антиохийский и Иерусалимский Патриархаты — в политике Российской империи (30-е гг. XIX — начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2009. 495 с.
20. *Karpat K.H.* Ottoman population. 1830–1914. Demographic and Social Characteristics. Madison, 1985. 242 p.
21. *Hopwood D.* The Russian presence in Syria and Palestine. 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Oxford, 1969. 221 p.

References

1. *Greguar R.* Literaturny'e i bogoslovskie modeli v zapadnoj agiografii // Monasty'rskaya kul'tura: Vostok – Zapad. SPb.: Prilozhenie k al'manaxu «Kanun», 1999. S. 75–85.
2. *Grigorovich-Barskij V.G.* Stranstvovaniya po Svyaty'm Mestam Vostoka: V 2-x ch. M.: Ixtios, 2005. 336 s.
3. *Kirillina S.A.* Ocharovanny'e stranniki: Arabo-osmanskij mir glazami rossijskix palomnikov XVI–XVIII stoletij. M.: Klyuch-S, 2010. 564 s.
4. *Kopot' E.M.* K voprosu ob interpretacii greko-arabskogo protivostoyaniya i vliyaniya Rossii v Antioxijskom Patriarxate vo vtoroj polovine XIX veka (po materialam AVPRI) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. 2011. № 3. S. 31–38.
5. *Kry'mskij A.E.* Istoriya novoj arabskoj literatury' (XIX – nachalo XX veka). M.: Glavnaya redakciya Vostochnoj literatury', 1971. 794 s.
6. *Kry'mskij A.E.* Pis'ma iz Livana. 1896–1898. M.: Nauka, 1975. 342 s.
7. *Lisovoj N.N.* Russkoe duxovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. M.: Indrik, 2006. 512 s.
8. *Pavlenko P.A.* Stribul i Turciya. M., 1932. 258 s.
9. *Panchenko K.A.* Vzaimootnosheniya osmanskogo pravitel'stva i pravoslavnoj obshhiny' Arabskogo Vostoka v XVI – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk. M.: MGU, 1996. 334 s.
10. *Panchenko K.A.* Krizis pravoslaviya na Arabskom Vostoke v vospriyatii rossijskoj obshhestvennosti (konecz XIX v.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 13. 1994. № 4. S. 17–28.
11. *Porfirij Uspenskij.* Kniga by'tiya moego. T. 1–8. / Pod red. P.A. Sy'rku. SPb., 1894–1902. 5088 s.
12. *Pravila Svyaty'x Vselenskix Soborov s tolkovaniyami.* M., 1877. Reprint: M.: Palomnik, 2000. S. 23–27.
13. *Proskinitarij Arseniya Suxanova: 1649–1653 gg.* / Red. i pred. N.I. Ivanovskogo // Pravoslavny'j Palestinskij Sbornik. 1889. T. VII. Vy'p. 3 (21). 390 s.
14. *Svyaty'e mesta vblizi i izdaleka: putevy'e zametki russkix pisatelej I poloviny' XIX v.* M.: Shkola-Press, 1995. 367 s.
15. *Pis'ma mitropolita Moskovskogo Filareta k A.N. Murav'evu.* Kiev: Tipografiya Davidenko, 1869. 692 s.

16. *Xitrovo V.N.* Pravoslavie v Svyatoj Zemle. // Pravoslavny'j Palestinskij sbornik. T. 1. Vy'p. 1. / Izdanie V.N. Xitrovo. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1881. 132 s.
17. *Chirkov G.V.* Dva lyubopy'tny'x arabskix dokumenta. K istorii vnutrennego by'ta vostochny'x xristian. M.: Tipo-litografiya A.V. Vasil'eva, 1900. 11 s.
18. *Shevy'rev S.* Antioxijskaya cerkov'. SPb.: Tipografiya Ministerstva Vnutrennix del, 1850. 28 s.
19. *Yakushev M.I.* Xristianskie sub'ekty' Osmanskoj imperii — Antioxijskij i Ierusalimskij Patriarxaty' — v politike Rossijskoj imperii (30-e gg. XIX – nachalo XX v.): dis. ... kand. ist. nauk. M.: MGU, 2009. 495 s.
20. *Karpat K.H.* Ottoman population. 1830–1914. Demographic and Social Characteristics. Madison, 1985. 242 p.
21. *Hopwood D.* The Russian presence in Syria and Palestine. 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Oxford, 1969. 221 p.

E.M. Kopot

**Edessa Metropolitan Agapitos is a «Russian Educatee»
and a Typical Levantine Monk of the Second Half of the XIX Century**

The article is devoted to the problem of contacts between Russia and Antioch Patriarchate in the second half of the 19th century. There is an attempt to study characteristic features of Levant Orthodox community interior life with an example of CV of Edessa Metropolitan Agapitos, and to go beyond the established traditions in domestic historiography which complementary estimate Russian influence on Antioch Orthodox Church in the 19th century.

Keywords: Russia and the Orthodox East, Syria, the Patriarchate of Antioch, Agapitos (Stavros), Gregory (Haddad), the Orthodox Arabs.

**И.Г. Жиряков,
М.В. Барабанов**

Проект «Великая Венгрия» в политике современных венгерских правых партий

В статье анализируются причины быстрого распространения национал-популистских идей в посткоммунистических странах Восточной Европы, рассматривается история проекта «Великая Венгрия», изучаются попытки его реализации в политике и практике современных венгерских правых политических партий.

Ключевые слова: посткоммунистические страны; национал-популизм; национализм; правые политические партии; Проект «Великая Венгрия».

В политической жизни посткоммунистических стран Восточной Европы (ВЕ) в конце XX – начале XXI века появился новый феномен — популизм. Термин «популизм», пишет известный российский исследователь Ю.И. Игрицкий, относится, как правило, ко всем политическим идеологиям и стратегиям сил, апеллирующих к народу и обещающих осуществить основные массовые требования [7: с. 5].

К числу современных разновидностей феномена исследователи относят популизм идентичности — националистический, способствующий развитию соответствующих настроений среди населения. Эту тенденцию сразу же «уловили» политические партии, занимающие правый политический спектр. Национал-популизм стал быстро распространяться в некоторых восточноевропейских странах.

Национал-популизм, или популизм идентичности, направлен против «чужих», «иностранцев». Идеология правых популистских партий региона — это смесь национализма и ксенофобии, полагает отечественный исследователь В.А. Ачкасов [1: с. 147]. При этом осуждаются элиты, прежде всего потому, что они не национальны, а космополитичны.

Усиление политического влияния в странах ВЕ национал-популистов, как справедливо полагают некоторые исследователи, — это отчасти плата за слишком быстрое продвижение по пути европейской интеграции, за иногда возникающие ее «уродливые формы» [6: с. 24].

Довольно часто национал-популизм проявляется в различных геополитических проектах; в Венгерской Республике, в частности — в проекте «Великая Венгрия».

Надо заметить, что подобные проекты в истории венгерского государства уже были. Известно, что государственность Венгрии на протяжении длительного периода времени была неразрывно связана с дуалистическим австро-венгерским государством. Несмотря на то, что в этом государстве мадьяры являлись привилегированными людьми, они, естественно, мечтали о своей собственной независимой государственности.

После развала Австро-Венгрии в 1918 году попытки построить собственно венгерское национальное государство сопровождались трагическими событиями. Достаточно вспомнить короткую историю существования Венгерской Советской Республики. Настоящие геополитическая катастрофа и унижение были связаны для Венгрии, справедливо замечают российские исследователи С. Бирюков и А. Коваленко, с Трианонским мирным договором от 4 июня 1920 года [3: с. 103]. В этом договоре была зафиксирована потеря Венгрией Трансильвании, Словакии, Хорватии, Бургенланда, Баната и Подкарпатской Руси. Территория нового венгерского государства составила менее 30 % венгерских и хорватских владений в составе Габсбургской монархии; с 325 тыс. кв. км она сократилась до 93 тыс. кв. км. Численность населения составила 7,6 млн человек (было 18 млн). В соседних странах остались миллионы венгров, но вопрос о гарантиях венгерского национального меньшинства в Трианонском договоре не затрагивался [9: с 22–25, 30–31, 38, 53–54, 129].

Трианонский договор был воспринят в Венгрии как национальная трагедия. По случаю заключения договора тогда в Венгрии был объявлен национальный траур. В школах ученики каждый день перед уроками читали молитву о воссоединении своей Родины.

Мы полагаем, что именно Трианонский мирный договор способствовал возникновению реваншистских идей в общественном сознании венгров. По нашему мнению, установление власти М. Хорти после падения Венгерской Советской Республики имело не только антикоммунистический, антисоветский подтекст, но и было связано со стремлением любой ценой осуществить пересмотр границ, установленных Трианонским договором.

Реваншизм, воссоединение утраченных территорий и т. п. — все это стало стержнем внешней политики времен Хорти. В итоге «великовенгерской» идеологии постепенно был придан официальный статус. Поддерживали идею «Великой Венгрии» и венгерские фашисты.

Для реализации этой идеи требовался влиятельный внешнеполитический союзник. Им стала нацистская Германия. Именно А. Гитлер обещал вернуть Венгрии утраченные территории, пересмотрев условия Трианонского договора. При активной поддержке Германии в 1938–1940 годах договор был пересмотрен; приняты «Венские арбитражи». Решением первого «Венского арбитража», вынесенным 2 ноября 1938 года, Венгрии были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины общей площадью 11 927 кв. км с населением свыше 1 млн человек. Решение второго «Венского арбитража»

от 30 августа 1940 года передавало Венгрии Северную Трансильванию, территорию в 43 492 кв. км с населением в 2,4 млн человек [4: с. 208–210]. Таким образом, Венгрия вернула себе часть утраченных земель по Трианонскому договору. В 1941 году Германия, захватив Югославию, передала Венгрии Воеводину.

Но за подобную поддержку надо было «платить». И эта «плата» была значительной — активное вовлечение режима Хорти в планы Третьего рейха. В конечном счете эта авантюра привела к оккупации Венгрии фашистскими войсками на завершающей фазе войны, а также к колоссальным разрушениям и потерям. Около 400 тысяч венгров погибли, было уничтожено 40 % имущества и четыре пятых национального дохода к уровню 1938 года [3: с. 104].

Венгрия потеряла территории, приобретенные в 1938–1940 годах, вернувшись к границам, определенным Трианонским договором. Наряду с тяжелейшим военно-политическим поражением в стране позже был установлен коммунистический режим, который, как известно, действовал, руководствуясь идеями «пролетарского интернационализма». «Националистические нотки» в социалистической Венгрии были приглушены.

С крушением социализма и началом трансформационных процессов в Венгрии постепенно возвращаются «великовенгерские» идеологемы, геополитический реваншизм. Проявляется это прежде всего в политизации вопроса о судьбе соотечественников, живущих за пределами границ Венгрии.

Известно, что за пределами национальных границ страны — в Румынии, Словакии, Австрии, Воеводине, на Украине — остаются значительные национальные венгерские меньшинства. В Венгрии считают, что в Румынии живет до 2,5 млн граждан венгерского происхождения; в Словакии венгры насчитали до 600 тысяч соотечественников, в Закарпатье — 400 тысяч [3: с. 105]. Есть и другие данные: 6763 венгра проживают в четырех районах австрийской земли Бургенланд; в Румынии — 1,625 млн венгров, что составляет 7,12 % от всего населения (22,810 млн человек). Воеводина известна своим многонациональным составом населения; 14 % этого состава — венгры¹.

В венгерских политических кругах, в общественном сознании бытует мнение о «притеснении» венгров за рубежом. Поднимается вопрос о предоставлении избирательного права «зарубежным венграм». А это напрямую затрагивает интересы соседних с Венгрией стран. С одной стороны, подобные требования порождают геополитические претензии, с другой, — реанимируют один из ключевых восточноевропейских проектов в русле «праворадикальной геополитики» — проект «Великая Венгрия».

В современной венгерской истории к проекту «Великой Венгрии» положительно относится Союз молодых демократов (ФИДЕС). Цель «молодых демократов», писал известный венгерский публицист А. Сечи, — «установле-

¹ Сайт «Геополитика». – URL:// <http://www.geopolitics.ru>.

ние превосходства Венгрии, прежде всего в Карпатской низменности и, шире этого, во всем бассейне среднего и нижнего Дуная» [8: с. 75].

Активно поддерживает проект такая националистическая организация, как Венгерская партия справедливости и жизни (ПВСЖ), которую возглавляет Иштван Чурка. Электорат партии 150–200 тысяч человек; для Венгрии это не так уж и мало, замечает российский исследователь В.А. Ачкасов [1: с. 147]. ПВСЖ свойственен сильный национал-реваншистский характер: она требует возвращения Венгрии земель, принадлежавших ей до Второй мировой войны.

Представители левых в Венгрии писали, что ПВСЖ выступает «от имени преступных венгерских фашистов времен Второй мировой войны, символом которых был «крест из стрел». Они утверждали, что эта партия «по существу, фашистская партия», выступающая с лозунгами против евреев, цыган, славян и всех других «иностранцев» [8: с. 74].

Неравнодушны к проекту «Великой Венгрии» и так называемые «евроскептики» из партии «За лучшую Венгрию». Эта партия была создана группой праворадикально настроенных студентов Будапештского университета. В названии партии используется слово «йоббик», одно из значений которого — «правый». Партия определяет себя как радикальная и национально-консервативная. Основная цель партии, провозглашенная в программе, — «защита ценностей и интересов нации и противостояние любым стремлениям, направленным на подрыв основ нации и государства». Основную свою задачу партия видит в «защите, воспроизводстве и приумножении венгерской нации», в укреплении национального единства и солидарности [1: с. 147]. Независимые аналитики классифицируют данную партию как крайне правую.

Венгрия — парламентская республика. В политической жизни страны большое место занимает 386-местный парламент [5: с. 101–108]. В 1994 году Союз молодых демократов по итогам выборов в парламент имел 20 мандатов. В 1998 году ФИДЕС получил уже 148 мандатов¹. В предвыборных выступлениях лидера партии В. Орбана делался акцент на защите национального достоинства венгров². Не остался незамеченным факт заигрывания Орбана с лидером партии мелких хозяев И. Чуркой, который строил свою предвыборную кампанию на крайнем национализме и антисемитизме.

В 1998 году впервые в парламент прошла, набрав 5,5 % (14 мест), ультраправая националистическая Партия венгерской справедливости и жизни³.

Наращение «великовенгерских» настроений находило свое отражение в деятельности власти. Перед парламентскими выборами 2002 года по инициативе В. Орбана парламент принял закон, предоставлявший социальную помощь венграм, проживающим в соседних странах. Затем В. Орбан заявил

¹ SPB Ведомости. 1998. 18 июня.

² Правда. 1998. № 5. 6 февраля.

³ SPB Ведомости. 1998. 18 июня.

о необходимости покончить с послевоенными декретами тогдашнего чехословацкого президента Эдварда Бенеша¹. Заметим, что в Чехии и Словакии до сих пор действуют декреты Бенеша, согласно которым имущество коллаборационистов не только немецкого, но и венгерского происхождения было национализировано.

С начала 2002 года венгерские власти объявили немалое число румынских, словацких и югославских граждан, для которых родным является венгерский язык, принадлежащими к «зарубежной части» венгерской нации. Венгрия начала раздачу национальных паспортов соотечественникам, проживающим в Словакии, Румынии, Сербии и на Украине. В результате появилась масса людей, которых Венгрия, в случае необходимости, должна будет защищать, что может означать и территориальные претензии к соседним государствам.

Примечательно, что активность в отношении «зарубежного венгерства» не ослабевала и при изменении «партийного состава» правительственных кабинетов Венгрии. Весьма активно проявили себя в обсуждении этой проблематики и демократические партии, стоявшие еще у истоков «посткоммунистической Венгрии». Характерен в этом отношении пример Венгерского демократического форума, добившегося в 1990 году большинства в две трети голосов в парламенте, что позволило тогдашнему его лидеру Й. Анталле создать правительство. Новый премьер-министр называл себя «премьер-министром 15 миллионов венгров», что вызвало возмущение в соседних странах.

Партия ФИДЕС В. Орбана за годы его лидерства совершила значительный «дрейф» в своих геополитических устремлениях. В конечном итоге ФИДЕС предложил венгерскому избирателю «интегративный» политический проект, соединяющий идеи «великовенгерской геополитики» с такой моделью, которая призвана объединить всех венгров независимо от места проживания и защитить их интересы. Таким образом, ФИДЕС создал модифицированный проект «Великая Венгрия».

И надо признать, что немало венгров симпатизируют этому проекту. Комплекс утраченной империи, как полагают многие аналитики, присутствует в менталитете почти каждого венгра. Многие не могут смириться с тем, что по итогам двух мировых войн Венгрия потеряла огромные территории и что треть соотечественников живет за пределами родины. У венгров есть обоснованная опасность раствориться среди других народов, потерять свою идентичность.

Парламентские выборы в начале 2000-х годов ФИДЕС проиграл. Но в апреле 2010 года он получил на парламентских выборах 53 % голосов. В 2010 году партия Чурки вновь добилась представительства в венгерском парламенте². На долю праворадикальной партии «За лучшую Венгрию» пришлось 17 % голосов.

¹ Независимая газета. 2002. 4 июня.

² Независимая газета. 2010. 21 апреля.

В. Орбан, опираясь на большинство в парламенте, инициировал принятие новой венгерской конституции в апреле 2011 года. В преамбуле конституции говорится о преемственности современной Венгрии средневековому государству мадьяр¹. Заметим, что это государство превосходило по площади сегодняшнюю Венгрию в два-три раза и включало в себя всю территорию Словакии, украинское Закарпатье, сербскую Воеводину, почти всю Хорватию, часть Австрии и Словении, а также половину Румынии.

В конституции отмечалось: «Руководствуясь идеалом объединенной венгерской нации, Венгрия должна нести ответственность за судьбу венгров, проживающих вне ее границ, должна способствовать их выживанию и развитию...»².

В новой конституции подтверждается правопреемственность с хортистской Венгрией и отрицается «историческая связь» с ВНР. «Государственное самоопределение» было объявлено прерванным в марте 1944 года вместе с немецкой оккупацией и восстановленным с момента первых свободных выборов народных представителей 2 мая 1990 года³.

Конституционные изменения вызвали широкий общественно-политический резонанс. Венгерские эксперты А. Фрейберг-Инани и М. Варга оценили преамбулу нового венгерского Основного закона как «неофашистскую» [3: с. 107].

Свое видение «традиционных ценностей» В. Орбан попытался донести до остальной Европы. Так, выступая в Европарламенте, премьер-министр Венгрии напомнил, что Европа стала Европой, объединяясь вокруг христианских ценностей, которые были затем «забыты». Сам В. Орбан видит свою миссию в том, чтобы, напомнив «постхристианской» Европе о ее культурно-исторических корнях, сохранить самобытность венгерского народа⁴.

Практически сразу после прихода к власти В. Орбан и доминирующая в парламенте ФИДЕС предприняли определенные практические шаги по реализации проекта «Великая Венгрия».

1 января 2011 года в Венгрии вступило в действие новое законодательство о предоставлении второго, венгерского, гражданства, существенно упрощающее процедуру его получения представителям диаспоры [3: с. 108]. В. Орбан полагал, что реализация этого законодательства должна охватить около пяти миллионов венгров за рубежом [3: с. 108].

18 ноября 2010 года в венгерском парламенте состоялось открытое заседание специальной парламентской комиссии по иностранным делам, посвященное обсуждению проблем венгерских национальных меньшинств. На нем государственный секретарь по иностранным делам Ж. Немет заявил о необходимости автономий для венгров Трансильвании, Словакии, Сербии и Украины⁵.

¹ Конституция Венгрии (вступает в силу с 01.01.2012 г.) // Интернет-библиотека конституций. – URL:// <http://worldconstitutions.ru/archives/298/1>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Киевский телеграф. 2012. 24 мая.

⁵ ИА REGNUM. 2011. 29 января. – URL:// <http://regnum.ru>

В середине декабря 2010 года в Киеве состоялась встреча уполномоченного по правам человека Н. Карпачевой с ново назначенным послом Венгерской республики на Украине Михаем Байером. По результатам этой встречи в украинских СМИ был распространен пресс-релиз, в котором, в частности, посол поблагодарил украинскую сторону за активное отстаивание права национальных меньшинств на получение высшего образования на родном языке.

Вместе с тем газета «Старый замок Паланок» (г. Мукачево, Закарпатье) опубликовала высказывания лидера закарпатской политической партии венгров КМКС Миклоша Ковача, сделанные им в конце президентского срока Виктора Ющенко. «Украинское государство следует воспринимать как вражескую крепость, откуда методично держат под огнем закарпатское венгерское сообщество...» — утверждал политик. «Венгерская нация официально не объявляется второстепенной, но все делается, чтобы она такой стала. Сейчас идет очень существенная дискриминация моего этноса», — заявил Ковач¹.

Как полагают некоторые восточноевропейские эксперты, заявляя подобные претензии, Венгрия стремится не только защитить своих «братьев» за рубежом; речь идет о распространении влияния Венгрии на регионы, где компактно проживают представители венгерской диаспоры: Южную Словакию, Трансильванию (Румыния), Воеводину (Сербия) и Закарпатскую область Украины. Венгрия стремится стать, по мнению этих экспертов, региональным лидером не только в Карпатском регионе, но и вообще в Центральной Европе.

Реализовать свои масштабные политические проекты В. Орбану и его единомышленникам в ближайшем, да и в отдаленном будущем вряд ли удастся. Противодействовать этой реализации будет либеральная и левая оппозиция внутри самой Венгрии, Европейский Союз и, конечно, США, которым совершенно не нужно напряжение между Венгрией и ее соседями в Европе. Как отметил известный британский социолог З. Бауман, «популизм предлагает нереальные методы решения реальных проблем» [2: с. 211].

Мы полагаем, что драматизировать ситуацию с планами различных восточноевропейских стран, в частности, с проектом «Великая Венгрия», на создание «больших национальных пространств» не следует. Ведь эти «пространства» можно рассматривать как добровольные и естественные объединения народов и стран в единые культурные, экономические и политические сообщества на основе существующих многовековых связей [3: с. 109].

Никто не может запретить странам Восточной Европы, в том числе и Венгрии создавать свои модели геополитики. Но при том эти модели должны опираться на такие основные принципы, как отказ от изоляционизма и национализма, от конфликтогенных «малых имперских проектов», от создания замкнутых геополитических и геоэкономических пространств, от германо- и русофобии [3: с. 110].

¹ ИА REGNUM. 2011. 29 января. — URL:// <http://regnum.ru>

Национал-популизм может быть серьезно потеснен, если политические элиты и партии, стоящие у власти, будут своевременно реагировать на требования простых людей, учитывать их национальные интересы, осуществлять их чаяния и надежды.

Литература

1. *Ачкасов В.А.* Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста электоральной поддержки // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5. С. 145–150.
2. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. *Бирюков С., Коваленко А.* Геополитика восточноевропейских «крайне правых» // Свободная Мысль. 2013. № 1. С. 97–110.
4. Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны / Пер. с венгер. Б.Я. Гейгера и Н.Н. Сикачева; предисловие Г.А. Деборина. М.: Иностранная литература, 1962. 367 с.
5. Конституция Венгерской Республики от 24 августа 1990 г. // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. С. 97–132.
6. Кризис ЕС: Последствия и перспективы // Современная Европа. 2005. № 4. С. 21–35.
7. Национализм и популизм в Восточной Европе: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.И. Игрицкий. М.: ИНИОН, 2007. 174 с.
8. *Сечи А.* Мир. Реставрация капитализма в Венгрии и альтернативы развития // Диалог. 2002. № 10. С. 71–75.
9. Трианонский мирный договор / Полный пер. с франц.; под ред. Ю.В. Ключникова, А. Сабанина; вступит. ст. Ю.В. Ключникова. М.: Издание Литиздата НКВД, 1926. 184 с.

References

1. *Achkasov V.A.* Nacional-populizm v postkommunisticheskix stranax Central'noj i Vostochnoj Evropj': prichiny' rosta e'lektoral'noj podderzhki // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2011. № 5. S. 145–150.
2. *Bauman Z.* Tekuchaya sovremennost'. SPb.: Piter, 2008. 240 s.
3. *Biryukov S., Kovalenko A.* Geopolitika vostochnoevropskix «krajne pravj'x» // Svobodnaya My'sl'. 2013. №1. S. 97–110.
4. Vengriya i vtoraya mirovaya vojna. Sekretny'e diplomaticheskie dokumenty' iz istorii kanuna i perioda vojny' / Per. s venger. B.Ya. Gejgera i N.N. Sikacheva; predislovie G.A. Deborina. M.: Inostrannaya literatura, 1962. 367 s.
5. Konstituciya Vengerskoj Respubliki ot 24 avgusta 1990 g. // Konstitucii gosudarstv Central'noj i Vostochnoj Evropj'. M.: Centr konstitucionny'x issledovanij Moskovskogo obshhestvennogo nauchnogo fonda, 1997. S. 97–132.
6. Krizis ES: Posledstviya i perspektivy' // Sovremennaya Evropa. 2005. № 4. S. 21–35.
7. Nacionalizm i populizm v Vostochnoj Evrope: sb. nauch. tr. / Otv. red. Yu.I. Igricz'kij. M.: INION, 2007. 174 s.

8. *Sechi A.* Mir. Restavraciya kapitalizma v Vengrii i al'ternativy' razvitiya // Dialog. 2002. № 10. S. 71–75.

9. Trianonskij mirny'j dogovor / Polny'j per. s francuz.; pod red. Yu.V. Klyuchnikova, A. Sabanina; vstupit. st. Yu.V. Klyuchnikova. M.: Izdanie Litizdata NKID, 1926. 184 s.

I.G. Zhiryakov,
M.V. Barabanov

Project «Great Hungary» in the Policy of Contemporary Hungarian Right-Wing Parties

The article analyzes the causes of the rapid spread of nationalist-populist ideas in the post-communist countries of Eastern Europe. The history of project «Great Hungary» is examined. The attempts of its implementation in policy and practice of contemporary Hungarian right-wing political parties are considered.

Keywords: post-communist countries; national-populism; nationalism; right-wing political parties; the project «Great Hungary».

А.Ф. Рагимова

Россия и Азербайджан: стратегическое взаимодействие (историографический аспект)

Статья посвящена главным направлениям историографии российско-азербайджанских отношений. Автор анализирует основные работы российских, азербайджанских и западных исследователей.

Ключевые слова: историография; стратегическое партнерство; восточная политика.

В конце XX века бывшее советское пространство оказалось в эпицентре катаклизмов и стало крупной зоной нестабильности. Крушение СССР и вызванный им тотальный кризис нанесли удар по всем республикам, входившим в его состав, подорвав привычный порядок. Трудно было предвидеть события со столь стремительным распадом СССР. Между тем они имели глобальные последствия. Несмотря на все сложности и трудности, через которые пришлось пройти всем республикам, история показала, что страны преодолели кризис, сохранили связь между собой как в рамках региональных, международных организаций, так и в двусторонних отношениях. В создавшихся условиях как перед Россией, так и перед другими государствами встала задача новой формулировки их политических целей адекватно изменившимся реалиям и интересам в области национальной безопасности.

Ученые по-разному оценивают политику России на восточном направлении. В работе С.Г. Лузянина анализируются различные ее аспекты, сильные стороны и сохраняющиеся «узкие места», рассматриваются возможные пути ее развития на ближайшую перспективу [23]. Автор отмечает, что для точной характеристики процесса «возвращения России на Восток» применимы два ключевых слова — «осторожное» и «выборочное». В частности, автор подчеркивает, что слово «осторожность» может быть заменено синонимом «постепенность». Россия ныне прагматичный, последовательный партнер, старающийся точно рассчитывать свои силы, возможности и преимущества.

Что касается выборочного характера восточной политики современной России, то он обусловлен объективными причинами: Лузянин рассматривает этот аспект проблемы, считает, что усилия, направленные на консолидацию внешнеполитических позиций России, целесообразны только там, где для этого вызрели реальные, оптимальные условия.

Важнейшим компонентом внешней политики России стало налаживание и восстановление дружеских связей с бывшими советскими республиками. Россия не забыла о постсоветском пространстве как о чем-то несущественном и обременительном. Ключевыми регионами, с точки зрения приоритетов российской безопасности, является Центральная Азия и Южный Кавказ — такой позиции стали придерживаться не только российские специалисты, но и западные, а также исследователи постсоветского пространства. Эта идея проходит красной нитью в работах Е.П. Бажанова [3], В.В. Бариса [4], К.С. Гаджиева [9], А. Гушера [12], Д. Фурмана [42], Т. Свентоховского [34], М. Смита [35] и других. В этих работах отмечается тот факт, что для России стабильность в указанных регионах намного важнее, чем для других стран, из-за общих границ и особенностей многонационального состава населения. Успешная демократическая эволюция стран Центральной Азии и Южного Кавказа — возможно, даже главное условие национальной безопасности России.

Следствием распада СССР и появления независимых государств Закавказья стал значительный рост этнической и социальной конфликтности в регионе. Проявляющаяся на внутри- и межгосударственном уровнях, она усугубляется трудностями в экономике. Наряду с этим регион является местом сосуществования ислама и христианства, что увеличивает потенциал возможного деструктивного использования имеющихся противоречий, переноса их на религиозную основу. В 90-е годы произошло также объективное усиление значения Южного Кавказа в геополитическом пространстве. В связи с обнаружением в Каспийском регионе больших запасов нефти роль региона в мире заметно выросла.

В связи с вышеуказанными факторами Азербайджан занимает одно из главных мест во внешнеполитической стратегии России. С.Г. Лузянин указывает на несколько известных фактов, через которые традиционно воспринимается в России Азербайджан: во-первых, через личность государственного деятеля Гейдара Алиева — отца нынешнего президента республики Ильхама Алиева; во-вторых, через тяжелый и кровопролитный карабахский конфликт, тянувшийся еще с советских времен; в-третьих, через каспийскую нефть, а с недавнего времени и газ, запасы которых позволяют Баку ее экспортировать как на Запад, так и на север. В связи с этим в 90-е годы началось активное проникновение в страну внерегиональных сил, прежде всего США, а также такой военной организации, как НАТО. В данной ситуации представляется вполне своевременным и целесообразным научный анализ приоритетных направлений, национальных интересов как России, так и Азербайджана. Такая позиция прослеживается в коллективном труде «Море проблем. Опыт системного исследования Каспийского региона» [29], в работах В. Мишина [28], Н. Харитоновой [44], В.И. Калюжного [31] и других.

Историография данной проблемы находится еще в стадии своего формирования, поэтому, несмотря на большой объем наработанной литературы, состояние научной разработки проблемы вряд ли можно признать удовлет-

ворительным. Главная причина заключается в том, что сам объект исследования имеет краткую историю — чуть более двадцати лет. В некоторой степени можно также говорить и о вторичности данного направления исследований на фоне предпочтительного внимания к вопросам развития отношений с ведущими державами.

Источниковедческую базу исследования составили документы, которые явились правовой основой двустороннего сотрудничества в различных сферах, а также выступления государственных деятелей, президентов, лидеров основных политических партий, а также руководителей министерств и ведомств, особенно министерства иностранных дел обоих государств. Особый интерес для исследователя представляют материалы пленарных заседаний, указы и постановления руководящих органов государства, межправительственные соглашения, архивные документы и др. В перечне основных документов, на которых базируются отношения России и Азербайджана, можно выделить следующие: Протокол 1992 года «Об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой»; Консульская конвенция между Азербайджанской Республикой и Российской Федерацией; Бакинская декларация Российской Федерации и Азербайджанской Республики; Совместное заявление Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море. Всего между двумя странами заключено около ста соглашений, в том числе более семидесяти межправительственных, регулирующих самый широкий спектр вопросов экономики, транспорта и связи, науки, образования и культуры, политического и военного сотрудничества. Важнейшим из них является базовый документ — Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой от 3 июля 1997 года (вступил в силу 29 июля 1998 года).

В силу политической злободневности проблем Закавказья вопросами эволюции российско-азербайджанских отношений занимаются специалисты различных отраслей — историки, политологи, экономисты, юристы и пр. Систематизация и научный анализ отечественной и зарубежной литературы по данной теме позволяют дифференцировать историографию и выделить в ней несколько направлений: теоретические и общие политологические работы, посвященные общим проблемам геополитики, месту России и Азербайджана в современном геополитическом пространстве. Учитывая высокую конфликтность кавказского региона, в частности, Нагорно-Карабахский конфликт, следует отметить исследования, выполненные специалистами-конфликтологами. После распада СССР работы по конфликтологии приобрели особую актуальность как в России, так и в странах СНГ, в частности, в Азербайджане. Проблемами геополитики и конфликтов занимались такие специалисты как А.И. Уткин [38], Т.К. Кочарли [20], К.Э. Сорокин [36], Сванте Корнелл [19], С.Д. Кафтарадзе [18], А.Б. Крылов [21], В.С. Мясников [31],

В.Е. Казимиров [16], Н.Г. Федулова [41] и другие. Отличительная черта этих работ — стремление объективно выявить геополитические и внешнеэкономические потери и приобретения обеих стран после распада СССР.

Второе направление составляют публикации, посвященные анализу внешней политики России и Азербайджана, их совместному сотрудничеству. Автор опирался на публикации российских, зарубежных, азербайджанских ученых по проблемам формирования военно-политических и правовых отношений России и стран СНГ, в том числе и Азербайджана, а также освещающих особенности экономической консолидации постсоветского пространства, особенно сближения России и Азербайджана. В данном направлении необходимо указать следующие коллективные издания: «Миротворческие операции в СНГ» [27], «Стратегический курс России с государствами — участниками СНГ» [37], «Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002» [7], а также работы К.Н. Кулматова [22] и В. Абдуллаева [1].

Основные направления сотрудничества между Россией и Азербайджаном определяются принципами взаимной выгоды, учета национальных интересов, взаимного доверия, динамичности отношений. В 1993–2010-х годах в российско-азербайджанских отношениях многое изменилось. Откровенная конфронтация и недоверие, которые демонстрировали стороны, сменились дружественными отношениями, которые динамично развиваются. Концептуальные и практические вопросы внешней политики и международных связей между Россией и странами СНГ, в частности, Азербайджаном нашли свое отражение в работах Е.И. Пивовар [32], В.А. Густова [11], Н.Г. Федуловой [40], С.А. Маньк [25], Э.Н. Ахмедова [2], А. Гасанова [10] и других.

Как известно, проблема Каспия занимает одно из приоритетных мест в отношениях России и Азербайджана. Не зря в последнее десятилетие внимание международной общественности, в том числе и постсоветских государств, приковано к проблеме Каспия. Проблемы Каспийского моря фактически состоят из геополитической, геоэкономической и международно-правовой составляющих. Но эти проблемы решаемы и решаются в течение уже нескольких лет. Усилия России и Азербайджана в урегулировании спорных вопросов привели к подписанию нескольких соглашений. Многие исследователи как в России, так и в Азербайджане, а также в других прикаспийских странах посвятили свои работы этой проблеме, освещая в них совместные встречи, принятие решений по их итогам. К таким работам можно отнести публикации Т. Джуварлы [14], А. Куртова¹, А. Караваева², Д.Б. Малышевой [24]. В этих работах прослеживается основная идея о том, что направление энергетических коридоров имеет не только экономический, но и по-

¹ Куртов А. Военные исправляют ошибки дипломатов. – URL:// <http://www.analitika.org/article.php?story>.

² Караваев А. Правовой статус Каспия и проблема КАСФОР. – URL:// <http://www.analitika.org/article.php?story>.

литический смысл. Главный прагматичный вывод, извлеченный Москвой и Баку из этой проблемы, заключается в том, что реализация всех проектов, касающихся энергетического вопроса, не повлияла на уровень стратегического и политического доверия между Россией и Азербайджаном. Беспокоящим фактором для России была также военная активизация США в Азербайджане. Американцы активно сотрудничали с военным ведомством республики по модернизации флота на Каспии, продаже новых кораблей и РЛС Азербайджану. Россия имеет свои тактические и стратегические задачи, связанные с военно-техническими сферами российско-азербайджанского сотрудничества на море. Все эти проблемы нашли свое отражение в работах В.И. Калюжного [17], В.И. Дашичева [13], В.П. Зимонина [15], Т.В. Юрьева [47] и других. В работах этих авторов отражена цель сотрудничающих государств — создание оперативной группировки для более эффективной борьбы с терроризмом, наркотрафиком и другими глобальными проблемами.

Сегодня в период глобализации и стандартизации гуманитарная область построения внешней политики становится такой же важной, как развитие систем военного обеспечения или оборонной промышленности. Россия и Азербайджан в прошлом — части одной страны. Сегодня это два независимых государства, которые имели одну историю, культуру. У двух стран много общего и только в тесном сотрудничестве можно добиться желаемых результатов. Именно поэтому гуманитарное направление является одним из главных в системе двустороннего сотрудничества. Позитивным гуманитарным фоном стали успешно проведенные мероприятия в рамках года Азербайджана в России и года России в Азербайджане. Немаловажную роль в этом направлении играет статус русского языка. Если в Азербайджане ему придан статус языка образования и межнационального общения, то в Грузии и Армении он считается только языком национального меньшинства. Во время встреч на высшем уровне президент В.В. Путин неоднократно выражал президенту И.Г. Алиеву признательность за бережное отношение к русскому языку и культуре, что является не простым обменом дипломатическими любезностями, а реальной оценкой ситуации. В данном контексте следует отметить работу Р. Мусабекова, [30], отдельные публикации российских и азербайджанских исследователей, освещавших различные направления российско-азербайджанского сотрудничества в гуманитарном направлении. В них затрагиваются проблемы сотрудничества в сфере образования, здравоохранения, науки, культуры, народной дипломатии и др. основополагающим документом гуманитарного взаимодействия можно считать Соглашение о культурном и научном сотрудничестве от 6 июня 1995 года, а также соглашения, подписанные двумя государствами по итогам Форумов по гуманитарному сотрудничеству, проходивших в Баку в 2011 и 2012 году.

Одной из главных составляющих в двусторонних отношениях является торгово-экономическое сотрудничество. Многие специалисты в своих работах придают большое значение процессу межгосударственного экономического сотрудничества по линиям Европа — Кавказ — Азия и Север — Юг, в котором

Москва и Баку играют ведущую и крайне выгодную для своих экономик роль. В связи с этим можно отметить работы С.И. Чернявского [45], Н. Харитонова [43], Н. Ушакова [39], Д.В. Букина [6], Е. Братиной [5] и др. В этих работах, наряду с позитивными оценками двустороннего экономического сотрудничества, авторы касаются и проблем, препятствующих дальнейшему развитию и совершенствованию этих отношений, и выделяют целый ряд факторов.

Для характеристики отношений России и Закавказья, в частности, Азербайджана очень важны работы по миграции населения. Этот не до конца осознанный феномен напрямую может влиять на внешнюю политику стран. О чем свидетельствуют работы А.С. Юнусова [46], Р. Мусабекова [30]. В связи с миграционным вопросом необходимо отметить роль неправительственных организаций в налаживании отношений двух стран. Решение проблем азербайджанцев в России и российских соотечественников в Азербайджане занимает одно из ведущих мест в работе общественных организаций. Специалисты придают большое значение роли неправительственных организаций, рассматривая их как действенный механизм консолидации профессионального и интеллектуального потенциала российских граждан азербайджанской национальности, развития и углубления российско-азербайджанских отношений. Раскрытие этого вопроса базируется на работах А.Г. Володина [8], Р.И. Ризаева [33], В. Мещерякова [26], а также на материалах совместных конференций, семинаров, встреч, проводимых общественными организациями. В них дается анализ деятельности как общероссийских организаций, так и отдельных, региональных. Многие авторы считают, что работа общественных организаций должна формировать благодатную почву позитивного восприятия Азербайджана в России.

Важное значение для изучения и анализа внешней политики России и Азербайджана имеют также работы зарубежных авторов. Как правило, в них преобладает акцент на изменениях геополитических реалий, особый упор делается на тезисе о слабости вновь образованных государств. Так, широкое признание получили концепции С. Холмса [45], отмечавшие, в частности, что слабость посттоталитарного государства ведет практически к полному разрушению некоторых основных институтов (например, армии). Вместе с тем для работ западных авторов очевидна определенная увлеченность теоретическими конструкциями, которые подчеркивают значение процессов интернационализации международной конфликтности. В частности, они полагают, что в 1994 году в основе всех крупных региональных конфликтов, в том числе и карабахских событий, имевших явное межгосударственное содержание, лежали внутренние противоречия. Тем не менее, учитывая стремительно набирающие силу процессы глобализации, данный подход заслуживает особого внимания. Во всяком случае, кажется вполне справедливым вывод об обязательном присутствии внешнего фактора в современных конфликтах, а именно о том, что с 90-х годов ни одна гражданская война не носила исключительно внутригосударственного характера.

Следует отметить, что в историографии данной проблемы неоспоримым остается главный фактор в двусторонних отношениях — обе страны геополитически и геоэкономически были, остаются и должны остаться стратегическими союзниками, связанными друг с другом системой приоритетных взаимоотношений. Применительно к политической сфере это означает необходимость активизации диалога, тесного сотрудничества и взаимодействия как по традиционным вопросам (региональная безопасность, двусторонние отношения, урегулирование армяно-азербайджанского конфликта), так и по другим актуальным проблемам мировой политики (вопросы европейской безопасности, создание безъядерной зоны на Кавказе, мир на Ближнем Востоке, борьба с терроризмом, координация позиции двух стран в ООН, ОБСЕ, СЕ и других форумах). Система отношений в области экономики предполагает укрепление нормативно-правовой базы сотрудничества, открытие рынков двух стран для товаров, услуг и особенно инвестиций, создание совместных предприятий в тех отраслях, где лидирующие позиции России особенно прочны и где уровень кооперации между предприятиями и компаниями двух стран традиционно высок (металлургия, машиностроение, военная конверсия, транспорт, связь).

Литература

1. *Абдуллаев В.* Азербайджан в новом дипломатическом пространстве. Баку: Хазар, 2001. 154 с.
2. *Ахмедов Э.Н.* Экономические отношения России и Азербайджана на современном этапе. М.: Линор, 2011. 183 с.
3. *Бажанов Е.П.* Россия как великая держава (традиции и перспективы). М.: Научная книга, 1999. 42 с.
4. *Барис В.В.* Геополитические контуры России. М.: Экос, 2002. 391 с.
5. *Братина Е.* Формирование новой экономической общности России и постсоветского Востока // *Мировая экономика и международные отношения.* 2003. № 7. С. 76–84.
6. *Букин Д.В.* Экономическое развитие государств Центральной Азии и Кавказа: роль внешних ресурсов // *Мировая экономика и международные отношения.* 2003. № 5. С. 70–75.
7. *Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002 гг.: В 4-х тт.* М.: Международные отношения, 2002.
8. *Володин А.Г.* Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы постсоветских республик. М.: Эдиториал, 2002. 311 с.
9. *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001. 462 с.
10. *Гасанов А.* Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку: Нешр, 2007. 904 с.
11. *Густов В.А.* Россия – СНГ: сотрудничество во имя развития и прогресса. М.: Научная книга, 2007. 176 с.
12. *Гушер А.* Острые грани каспийских проблем // *Азия и Африка сегодня.* 2001. № 12. С. 12–16.
13. *Дашичев В.И.* Национальная безопасность России и экспансия НАТО. М.: Аспект пресс, 1996. 69 с.

14. *Джуварлы Т.* Азербайджанская нефть: поиски равнодействующей // Азербайджан и Россия: общества и государства. М.: Фонд А. Сахарова, 2004. С. 379–434.
15. *Зимонин В.П.* Новая Россия в новой Евразии: проблемы комплексного обеспечения безопасности. М.: Восток, 2004. 84 с.
16. *Казимиров В.* Есть ли выход из тупика в Карабахе? // Россия в глобальной политике. 2008. № 5. С. 197–199.
17. *Калюжный В.И.* Каспийская политика России // Дипломатический ежегодник: сб. ст. М.: Научная книга, 2003. С. 85–96.
18. *Кафтарадзе С.Д.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. М.: Экзамен, 2005. 223 с.
19. *Корнелл С.* Конфликт в Нагорном Карабахе: динамика и перспективы решения // Азербайджан и Россия: общества и государства. Вып. 4. М.: Фонд А. Сахарова, 2004. С. 435–477.
20. *Кочарли Т.К.* Карабах: ложь и истина. Баку: Азернешр, 1998. 243 с.
21. *Крылов А.Б.* Нагорный Карабах в геополитическом контексте XXI века. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. 88 с.
22. *Кулматов К.Н.* Приоритеты внешней политики России и современные международные отношения. М.: Международные отношения, 2002. 376 с.
23. *Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение на «Большой Восток». М.: Восток-Запад, 2008, 448 с.
24. *Мальшиева Д.Б.* Россия и каспийский регион: проблемы безопасного развития. М.: ИМЭМО, 2002. 46 с.
25. *Маньк С.А.* Разработка и реализация внешнеполитического курса России в Закавказье (1991–2003). М.: ТЕРРА, 2004. 210 с.
26. *Мещеряков В.* Россия и Азербайджан: параметры взаимозависимости // Азия и Африка сегодня. 1997. № 8. С. 65–69.
27. Миротворческие операции в СНГ. М.: Московский общественный научный фонд, 2002. 176 с.
28. *Мишин В.* Мрачный прогноз для NABUCCO // Нефть России. 2011. № 8.
29. Море проблем: опыт системного исследования Каспийского региона. М.: СОПО, 2001. 184 с.
30. *Мусабеков Р.* Становление независимого азербайджанского государства и этнические меньшинства // Азербайджан и Россия: общества и государства. М.: Фонд А. Сахарова, 2004. С. 337–362.
31. *Мясников В.С.* На развалинах империи: этнические и национальные проблемы в бывшем Советском Союзе / Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М.: Международные отношения, 2000. 63 с.
32. *Пивовар Е.И.* Постсоветское пространство альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб.: Алетейя, 2010. 398 с.
33. *Ризаев Р.И.* Состояние и перспективы развития отношений между Азербайджаном и Россией // Центральная Азия и Кавказ, 2004. № 2. С. 50–54.
34. *Свентоховский Т.* Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства. Вып. 4. М.: Фонд А. Сахарова, 2004. С. 11–50.
35. *Смит М.* Память об утратах и азербайджанское самосознание // Азербайджан и Россия: общества и государства. Вып. 4. М.: Фонд А. Сахарова, 2004. С. 88–118.

36. *Сорокин К.Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЕН, 1996. 170 с.
37. Стратегический курс России с государствами — участниками СНГ // Дипломатический вестник. 1995. № 10. С. 3–11.
38. *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI в. М.: Эксмо, 2001. 512 с.
39. *Ушаков Н.* Россия и Закавказье: реалии независимости и новое партнерство. М.: Восток, 2000. 142 с.
40. *Федулова Н.Г.* Влияние России в странах СНГ // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 5. С. 79–86.
41. *Федулова Н.Г.* «Замороженные конфликты» в СНГ и позиция России // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 1. С. 57–67.
42. *Фурман Д.* Азербайджан и Россия // Азербайджан и Россия: общества и государства. Вып. 4. М.: Фонд А. Сахарова, 2004. С. 3–11.
43. *Харитонов Н.* Прагматизм и интеграция — ключ к решению всех каспийских проблем // Россия и Закавказье в современном мире. М.: ИМЭО. 2002. 192 с.
44. *Харитонов Н.* Маршруты транспортировки азербайджанской нефти — источник политических разногласий на международном уровне // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 7. С. 23–25.
45. *Чернявский С.И.* Российско-азербайджанское экономическое сотрудничество в начале нового века // Caspian energy. 2001. С. 59–65.
46. *Юнусов А.* Миграция населения постсоветского Азербайджана // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 98–100.
47. *Юрьев Т.В.* Политика НАТО в отношении Центральной Азии и Закавказья // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России. М.: Логос, 2003. С. 351–366.

References

1. *Abdullaev V.* Azerbajdzhan v novom diplomaticheskom prostranstve. Baku: Xazar, 2001. 154 s.
2. *Axmedov E'.N.* E'konomicheskie otnosheniya Rossii i Azerbajdzhana na sovremennom e'tape. M.: Linor, 2011. 183 s.
3. *Bazhanov E.P.* Rossiya kak velikaya derzhava (tradicii i perspektivy'). M.: Nauchnaya kniga, 1999. 42 s.
4. *Baris V.V.* Geopoliticheskie kontury' Rossii. M.: E'kos, 2002. 391 s.
5. *Bratina E.* Formirovanie novoj e'konomicheskoy obshhnosti Rossii i postsovet-skogo Vostoka // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2003. № 7. S. 76–84.
6. *Bukin D.V.* E'konomicheskoe razvitie gosudarstv Central'noj Azii i Kavkaza: rol' vneshnix resursov // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya. 2003. № 5. S. 70–75.
7. Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii. 1991–2002 gg. V 4-x tt. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2002.
8. *Volodin A.G.* Grazhdanskoe obshhestvo. Mirovoj opy't i problemy' postsovetских republik. M.: E'ditorial, 2002. 311 s.
9. *Gadzhiev K.S.* Geopolitika Kavkaza. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2001. 462 s.
10. *Gasanov A.* Sovremenny'e mezhdunarodny'e otnosheniya i vneshnyaya politika Azerbajdzhana. Baku: Neshr, 2007. 904 s.

11. *Gustov V.A.* Rossiya – SNG: sotrudnichestvo vo imya razvitiya i progressa. M.: Nauchnaya kniga, 2007. 176 s.
12. *Gusher A.* Ostry'e grani kaspiskix problem // Aziya i Afrika segodnya. 2001. № 12. S. 12–16.
13. *Dashichev V.I.* Nacional'naya bezopasnost' Rossii i e'kspansiya NATO. M.: Aspekt press, 1996. 69 s.
14. *Dzhuvarly' T.* Azerbajdzhanskaya neft': poiski ravnodejstvuyushhej // Azerbajdzhan i Rossiya: obshhestva i gosudarstva. M.: Fond A. Saxarova, 2004. S. 379–434.
15. *Zimonin V.P.* Novaya Rossiya v novej Evrazii: problemy' kompleksnogo obespecheniya bezopasnosti. M.: Vostok, 2004. 84 s.
16. *Kazimirov V.* Est' li vy'xod iz tupika v Karabaxe? // Rossiya v global'noj politike. 2008. № 5. S. 197–199.
17. *Kalyuzhny'j V.I.* Kaspiskaya politika Rossii // Diplomaticeskij ezhegodnik: sb. st. M.: Nauchnaya kniga, 2003. S. 85–96.
18. *Kaftaradze S.D.* E'tnopoliticheskie konflikty' na postsovetском prostranstve. M.: E'kzamen, 2005. 223 s.
19. *Kornell S.* Konflikt v Nagornom Karabaxe: dinamika i perspektivy' resheniya // Azerbajdzhan i Rossiya: obshhestva i gosudarstva. Vy'p. 4. M.: Fond A. Saxarova, 2004. S. 435–477.
20. *Kocharli T.K.* Karabax: lozh' i istina. Baku: Azerneshr, 1998. 243 s.
21. *Kry'lov A.B.* Nagorny'j Karabax v geopoliticheskom kontekste XXI veka. M.: Akademiya gumanitarny'x issledovanij, 2006. 88 s.
22. *Kulmatov K.N.* Prioritety' vneshnej politiki Rossii i sovremenny'e mezhdunarodny'e otnosheniya. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2002. 376 s.
23. *Luzyanin S.G.* Vostochnaya politika Vladimira Putina. Vozvrashhenie na «Bol'shoj Vostok». M.: Vostok – Zapad, 2008, 448 s.
24. *Maly'sheva D.B.* Rossiya i kaspiskij region: problemy' bezopasnogo razvitiya. M.: IME'MO, 2002. 46 s.
25. *Man'k S.A.* Razrabotka i realizaciya vneshnepoliticheskogo kursa Rossii v Zakavkaz'e (1991–2003). M.: TERRA, 2004. 210 s.
26. *Meshheryakov V.* Rossiya i Azerbajdzhan: parametry' vzaimozavisimosti // Aziya i Afrika segodnya. 1997. № 8. S. 65–69.
27. *Mirotvorcheskije operacii v SNG.* M.: Moskovskij obshhestvenny'j nauchny'j fond, 2002. 176 s.
28. *Mishin V.* Mrachny'j prognoz dlya NABUCCO // Neft' Rossii. 2011. № 8.
29. *More problem: opy't sistemnogo issledovaniya Kaspiskogo regiona.* M.: SOPO, 2001. 184 s.
30. *Musabekov R.* Stanovlenie nezavisimogo azerbajdzhanskogo gosudarstva i e'tnicheskie men'shinstva // Azerbajdzhan i Rossiya: obshhestva i gosudarstva. M.: Fond A. Saxarova, 2004. S. 337–362.
31. *Myasnikov V.S.* Na razvalinax imperii: e'tnicheskie i nacional'ny'e problemy' v by'všem Sovetskom Soyuze / Institut mirovoj e'konomiki i mezhdunarodny'x otnoshenij RAN. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 2000. 63 s.
32. *Pivovarov E.I.* Postsovetское prostranstvo al'ternativy' integracii. Istoricheskij ocherk. SPb.: Aletejya, 2010. 398 s.
33. *Rizaev R.I.* Sostoyanie i perspektivy' razvitiya otnoshenij mezhdru Azerbajdzhanom i Rossiej // Central'naya Aziya i Kavkaz, 2004. № 2. S. 50–54.

34. *Sventoxovskij T.* Russkoe pravlenie, modernizatorskie e'lity' i stanovlenie nacional'noj identichnosti v Azerbajdzhanе // Azerbajdzhan i Rossiya: obshhestva i gosudarstva. Vy'p. 4. M.: Fond A. Saxarova, 2004. S. 11–50.
35. *Smit M.* Pamyat' ob utratax i azerbajdzhanskoe samosoznanie // Azerbajdzhan i Rossiya: obshhestva i gosudarstva. Vy'p. 4. M.: Fond A. Saxarova, 2004. S. 88–118.
36. *Sorokin K.E'*. Geopolitika sovremennosti i geostrategiya Rossii. M.: ROSSPE'N, 1996. 170 s.
37. Strategicheskij kurs Rossii s gosudarstvami — uchastnikami SNG // Diplomaticheskij vestnik. 1995. № 10. S. 3–11.
38. *Utkin A.I.* Mirovoj poryadok XXI v. M.: E'ksmo, 2001. 512 s.
39. *Ushakov N.* Rossiya i Zakavkaz'e: realii nezavisimosti i novoe partnerstvo. M.: Vostok, 2000. 142 s.
40. *Fedulova N.G.* Vliyanie Rossii v stranax SNG // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya. 2007. № 5. S. 79–86.
41. *Fedulova N.G.* «Zamorozhenny'e konflikty'» v SNG i pozitsiya Rossii // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya. 2008. № 1. S. 57–67.
42. *Furman D.* Azerbajdzhan i Rossiya // Azerbajdzhan i Rossiya: obshhestva i gosudarstva. Vy'p. 4. M.: Fond A. Saxarova, 2004. S. 3–11.
43. *Xaritonov N.* Pragmatizm i integraciya — klyuch k resheniyu vsex kaspiskix problem // Rossiya i Zakavkaz'e v sovremennom mire. M.: IME'O. 2002. 192 s.
44. *Xaritonov N.* Marshruty' transportirovki azerbajdzhanskoj nefti — istochnik politicheskix raznoglasij na mezhdunarodnom urovne // Central'naya Aziya i Kavkaz. 2007. № 7. S. 23–25.
45. *Chernyavskij S.I.* Rossijsko-azerbajdzhanskoe e'konomicheskoe sotrudnichestvo v nachale novogo veka // Caspian energi. 2001. S. 59–65.
46. *Yunusov A.* Migraciya naseleniya postsovetskogo Azerbajdzhana // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya. 2002. № 1. S. 98–100.
47. *Yur'ev T.V.* Politika NATO v otnoshenii Central'noj Azii i Zakavkaz'ya // Yuzhny'j flang SNG. Central'naya Aziya – Kasp'ij – Kavkaz: vozmozhnosti i vy'zovy' dlya Rossii. M.: Logos, 2003. S. 351–366.

A.F. Ragimova

Russia and Azerbaijan: Strategic Interaction (Historiographical Aspect)

The article is devoted to the main trends of the historiography of Russian-Azerbaijani relations. The author analyzes the main work of Russian, Azerbaijani and western researchers.

Keywords: historiography, strategic partnerships; Eastern policy.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

А.А. Орлов

О профессиональной мотивации студентов-историков (бакалавриат) в рамках учебной дисциплины «История стран Запада в Новое время»

В статье поставлена важная проблема современного гуманитарного педагогического образования в высшей школе — ослабление интереса студентов (особенно студентов московских вузов) к профессиональной деятельности. Автор предлагает формировать у них более широкие профессиональные компетенции. Это будет способствовать улучшению качества вузовского преподавания и, как следствие, повышению интереса студентов к учебе. Выпускники-историки получают возможность шире применить свои навыки в реальной жизни.

Ключевые слова: современное гуманитарное педагогическое образование; высшая школа; исторические факультеты гуманитарных вузов; профессиональная мотивация; гуманитарные компетенции.

В современной ситуации длительного лихорадочного реформирования всех сфер жизни нашего государства, в том числе системы образования, преподаватели, работающие в высшей школе, сталкиваются с серьезной проблемой утраты студентами интереса к будущей профессиональной деятельности. Пожалуй, наиболее остро это ощущается в московских педагогических вузах. Студенты-выпускники не хотят идти работать в школу. Средние общеобразовательные учреждения испытывают все большую нехватку молодых кадров. Учительский корпус стремительно «стареет», а вакантные места занимают приезжие из других регионов России, недовольные низким уровнем заработной платы у себя дома, и даже мигранты из стран ближнего зарубежья. Это притом, что в Москве существуют четыре государственных (есть еще и негосударственные) педагогических университета. Зарплата же московского учителя с высокой квалификацией на порядок выше, чем во многих других гуманитарных сферах. В столице созданы достаточно благоприятные условия для притока мо-

лодежи в школу. Однако московские выпускники упорно не хотят работать по специальности.

В Государственной программе г. Москвы на 2012–2016 годы «Столичное образование» констатируется: «В Москве, по данным независимых репрезентативных опросов населения, неудовлетворенность населения качеством образования выше, чем в среднем по России (43 % против 30 % в среднем по РФ). В определенной мере это отражает повышенный уровень требований населения Москвы к образованию, но также свидетельствует об отставании содержания и технологий образования от ожиданий московских семей. <...> Существенную часть педагогического состава дошкольных и общеобразовательных учреждений Москвы составляют педагоги с высокими квалификационными категориями. При этом возрастная структура педагогических кадров не оптимальна (доля учителей, проработавших в общеобразовательном учреждении города Москвы свыше 20 лет, практически в 6 раз больше, чем учителей со стажем от 5 до 10 лет)» [1: с. 13–14].

С течением времени проблема не только не решается, а все более обостряется. Уже сейчас мы пожинаем плоды следующих негативных тенденций нашего времени:

- вымывание наиболее талантливых и активных профессионалов;
- разрыв преемственности между поколениями школьных преподавателей;
- снижение качества преподавания;
- низкий престиж профессии;
- усиливающийся разрыв между «престижным» и «общим» образованием;
- девальвация ценности гуманитарного образования и т. д.

Директор Института теории и истории педагогики Российской академии образования (РАО) С.В. Иванова в одной из своих работ указывает, кроме кадровой проблемы и отсутствия хорошей методической школы, еще на низкое качество системы управления (менеджмента) в образовании, которая, по ее выражению, мало профессиональна и которой мало где учат [3]. Экономисты из Высшей школы экономики (ВШЭ) бьют тревогу по другому поводу. По их данным, рост заработной платы учителей, измеряемой в абсолютном выражении, как и увеличение государственных расходов в расчете на одного учащегося, слабо, хотя и положительно, влияет на успеваемость школьников [7: с. 113–129]. Если материальное стимулирование не способствует улучшению положения в системе образования, значит, проблема коренится в чем-то другом.

На мой взгляд, сегодня важнейшей концептуальной задачей преподавания гуманитарных наук в высшей школе становится повышение интереса студентов к учебе. Необходимо вырабатывать у них научный стиль мышления, понимание значимости гуманитарного образования, формировать широкий спектр гуманитарных компетенций, которые в дальнейшем позволят студенту реализоваться в профессиональной деятельности.

Очевидно, что методы обучения, в течение предыдущих десятилетий формировавшие гуманитарную среду, во многом перестали работать. Сейчас перед вузовской педагогикой стоят гораздо более серьезные задачи, чем просто изменение формата обучения. Переход на обучение по программам бакалавриата и магистратуры, введение вместо часов нагрузки так называемых «кредитов» и т. п., конечно, важные элементы реформирования, но, увлекаясь всеми этими инновациями, надо, как говорится, не выплеснуть вместе с грязной водой и ребенка. Трансформируя форму, нужно отдавать себе отчет, что главная проблема заключается в содержании и методах образования. «В современный... период не накопление знаний и навыков является единственной целью в образовании, а обучение студентов определенным приемам и способам работы, формирование у них интеллектуальных действий и навыков моделирования своего поведения, которые не только облегчают процесс усвоения учебной информации, но и обучают учащихся использованию рациональных, эффективных, обобщающих приемов деятельности, тренируют их психические функции (память, мышление, воображение). <...> Это... один из аспектов решения проблемы совершенствования развития способностей к... коммуникативной компетенции будущего специалиста», — пишет профессор С.Г. Зубанова [2: с. 113–114].

Перед вузовским преподавателем, которого беспощадно погрузили в бездну документации, программ и отчетностей [5: с. 8], стоят прежде всего педагогические задачи: в современных условиях сохранить и передать накопленный поколениями опыт; активно использовать все технические инновации, позволяющие обогатить процесс преподавания; сохранить традицию постоянного профессионального и личного общения со студентами в противовес так называемому «тьюторству», провоцирующему разрыв этой важнейшей (для всех субъектов педагогического процесса) связи. С.Г. Зубанова указывает, например, на важную роль принципа коммуникативного сотрудничества всех участников педагогического процесса в современной высшей школе. По ее мнению, данный принцип «позволяет рассматривать обучение как процесс межличностного общения, при котором преподаватель и студент являются равноправными субъектами этого процесса (принятие идей ценно[стно]-смыслового равенства обучаемого и обучающего). Это, в свою очередь, предусматривает отказ от тоталитарности и переход к демократическому стилю общения со студентами» [2: с. 110–111].

Казалось бы, сегодня для работы историка существуют такие возможности, которых не было еще 10–15 лет назад. Количество доступных (опубликованных и размещенных в сети Интернет) источников резко возросло. Они имеются как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык. Доступна богатейшая литература, огромный визуальный и иллюстративный материал. Возможно проведение виртуальных экскурсий в любую страну мира и в любую историческую эпоху.

Но, как ни странно, интерес учащихся к учебе продолжает снижаться. Исчезает мотивация к самостоятельной творческой деятельности. С.В. Иванова пишет: «**Творчество зависит** (здесь и далее выделено автором. — *А.О.*): от способностей человека; условий развития и применения способностей; ценностей, собственно-мироощущения, мотивации к личностному росту. **Мы имеем** первое и третье: и со способностями человек родился, и как ценность творчество осознается. «Западает» середина — второе: условия развития и применения, то есть то, что создает государство и социум. Обратим взор на **кадры** и их подготовку. На входе (при поступлении в педвуз и трудоустройстве в образовательное учреждение) не проверяются способности к этому специфическому труду, нет таких возможностей. Тестирование на предмет определения профессиональной пригодности можно осуществлять, когда желающих больше, чем мест, сегодня этого не происходит, да и никогда нигде не происходило, по большому счету. Остается вести подготовку высокого качества и создавать мотивацию, чтобы получивший педагогическую профессию человек в основном соответствовал поставленным задачам. Содержание, технологии и приемы обучения в педагогических вузах говорят о том, что нам еще надо очень многое развивать и изменять в подготовке учителей для школы завтрашнего дня» [3].

Как можно переломить эту негативную тенденцию? Расскажу о собственном опыте создания у студентов дополнительных мотиваций к приобретению широких профессиональных компетенций.

Возьмем, к примеру, студентов 3-го курса очного отделения исторического факультета, обучающихся по программе бакалавриата. Изучаемые ими исторические дисциплины предоставляют исключительно благоприятные возможности для приобретения гуманитарного образования широкого профиля. Во-первых, они дают огромный материал для активизации мыслительного процесса, причем в яркой и увлекательной форме. Весь опыт человечества оказывается в распоряжении учащегося. Во-вторых, они аккумулируют в себе сведения из совершенно разных областей знаний, не только гуманитарных, но и естественно-научных, технических и пр. Кто-то из великих людей сказал, что все науки обязаны своим сохранением истории. В-третьих, они учат критически относиться к любой информации, получаемой человеком в реальной жизни. Как известно, история — это не столько учитель народов, сколько их палач, но когда-то все же надо начинать учиться на чужих ошибках. (Хотя, английский историк Алан Тэйлор утверждал: «Люди всегда учатся на своих ошибках, как делать новые» [8: с. 147].)

В наибольшей степени, на мой взгляд, все эти возможности предоставляет учебная дисциплина «История стран Запада в Новое время», охватывающая важнейший период развития стран Европы и Америки (XV – начало XX в.). Изучая данный предмет, студенты получают сведения о глобальных и локальных политических, экономических, идеологических процессах. Осмысление этих

процессов принципиально важно для нашего времени. Именно тогда были заложены основы большинства современных достижений и проблем человечества. Формировалась новая цивилизация, «преходящие капиталистические пороки которой не могут заслонить главного — громадного расширения материальной базы и социально-политических условий развития личности», — пишет один из авторов вузовского учебника И.М. Кривогуз [4: с. 7].

В период Новой истории определяющим условием было то, что люди смогли постепенно овладеть огромными природными ресурсами и создать (на протяжении пяти веков) индустриальное общество. Изменившиеся условия существования человека привели к эволюции его социального положения. Были провозглашены идеи естественных и политических прав человека и гражданина. Это, с одной стороны, способствовало появлению мощных созидательных сил, изменивших облик всего мира, но, с другой стороны, привело к обострению социальных и классовых противоречий. Оказались противопоставлены принципы свободы и равенства, интересов человека и общества, эффективности производства и социальной справедливости и т. д. Результатом было появление патриархальных, христианских, националистических и коммунистических утопий. Человечество напряженно искало пути выхода из этих противоречий и находило их. Иногда путь был мирным, чаще он сопровождался кровавыми военными конфликтами. Но каждый конфликт продвигал людей вперед по пути к расширению материальной базы производства и возможностей свободного развития личности.

Активной выработке у студента широких профессиональных компетенций способствуют и лекции по «Истории стран Запада в Новое время», и особенно практические занятия по данному предмету. На лекциях учащиеся имеют возможность увидеть всю «творческую лабораторию» историка. Студент учится у преподавателя не только фактологии, но и тому, как вести занятие, как организовать общение со слушателями, как аргументировать свою позицию, принимает его личностные особенности (манеру говорить, отвечать на вопросы, приемы дискуссии, жестикуляцию и т. д.) [2: с. 112]. В процессе субъективного восприятия и коллективной реакции аудитории у человека вырабатывается собственная оценка происходящего. Во время проведения практических занятий это дополняется освоением необходимой источниковой базы.

Естественно, что процесс усвоения знаний должен быть продуман преподавателем до мельчайших подробностей. По словам А.П. Чехова, где автор зевнёт, там читатель заснет. Если студент готовил доклад или реферат, не заслушать его и не обсудить — значит, потерять студента для всех остальных занятий. Но, с моей точки зрения, это наименее продуктивный метод работы, особенно в условиях обилия и лёгкой доступности разнообразных интернет-ресурсов. Кроме того, по опыту известно, что более одного, максимум, двух докладов на одном занятии заслушать (не забудем про обсуж-

дение!) невозможно. Во время чтения доклада работает только один студент, его слушает небольшая группа соучеников или друзей, остальные же ничего не делают или мешают проведению занятия.

Продуктивнее дать студентам задание самостоятельно подготовить дома учебный материал. Я имею в виду прежде всего работу с текстом исторических источников. На практическом занятии студенты получают задание прочитать и проанализировать документы и научную литературу. Работа с источниками позволяет им накопить материал, на основе которого будут сделаны выводы. Преподавателю остается дать оценку качества проведенного исследования и при необходимости скорректировать полученные результаты. Самостоятельный характер данного вида деятельности способствует его лучшему закреплению в сознании студента [6: с. 147–155].

Если предлагаемая методика не дает ощутимых результатов, можно использовать другие возможности активизации познавательной деятельности учащихся. Например, «метод погружения», когда при подготовке к практическому занятию студент прорабатывает не отдельные документы, а целый блок источников и литературы. В аудитории же происходит интеллектуальная историческая реконструкция событий, а главное, ментальных особенностей людей данной эпохи, побуждавших их совершить (или не совершить) тот или иной поступок. Учебная дисциплина «История стран Запада в Новое время» предоставляет для этого разнообразные и многочисленные возможности.

Хорошие результаты дает проведение ролевых игр, подобных игре в профессионала-историка, пишущего научную статью или доклад для международной научной конференции. В этом случае студентам перед началом работы с источниками следует напомнить главные принципы анализа исторического материала: историзм, объективность, аналитичность, психологизм и компаративистика (сравнительный метод). Далее необходимо определить цель написания работы, задачи, стоящие перед исследователем, комплекс анализируемых документов и литературы. (Список литературы обязательно должен включать в себя работы авторов из разных стран, чтобы учащиеся могли сравнить особенности аргументации иностранных и российских ученых. Это возможные оппоненты будущего историка, и их надо заочно убедить в обоснованности собственной точки зрения.)

Ролевою игрою можно провести по любой теме практического занятия в курсе «Истории стран Запада в Новое время». Способность учащихся не только анализировать исторические источники, сравнивать их между собой и на этой основе делать самостоятельные выводы, но и облекать достигнутые результаты в научную форму убеждает их в том, что они могут успешно вести полноценную исследовательскую работу. Если заниматься такой деятельностью в течение всего учебного года, мы получим студента со вполне сформированной профессиональной компетенцией ученого, причем не обязательно даже историка. Ролевые

игры могут выработать у студентов профессиональные компетенции в таких сферах деятельности, как политология, культурология, философия, экономика, журналистика и т. д. Они будут мотивированы к тому, чтобы овладеть междисциплинарными методами исследования.

В результате работы по выработке широких профессиональных компетенций, как я убедился на практике, значительно повышается интерес студентов к учебным занятиям, что приводит к улучшению качества вузовского преподавания и дает учащимся возможность применить полученные навыки в реальной жизни, какую бы сферу деятельности они впоследствии ни выбрали. В случае выбора ими педагогической профессии школа получит не начетчика, повторяющего чужие мысли, а учителя, умеющего выявить и развить творческие способности ребенка.

Литература

1. Государственная программа города Москвы на 2012–2016 гг. Развитие образования города Москвы («Столичное образование»). Основные положения. Тематическое приложение к журналу «Вестник московского образования». М.: Центр «Школьная книга», 2011. 50 с. – URL:// http://www.educom.ru/ru/documents/target_grant/razrab/Programma_st_obr.pdf.

2. *Зубанова С.Г.* Коммуникативная компетенция в формировании профессиональной культуры студентов гуманитарного профиля // Проблемы филологии: язык и литература, 2010, № 2. С. 109–114.

3. *Иванова С.В.* Ценность творчества и формирование креативности у школьников как государственная и социально-педагогическая задача. (Тезисы выступления 8 февраля 2012 г.) // Сайт «Лаборатория образовательных технологий». Опубликовано на сайте 24.02.2012 г. URL:// <http://www.trizway.com/art/form/363.html>.

4. *Кривогуз И.М.* Введение // Новая история стран Европы и Америки. Первый период. Учебник по специальности «История» / Под ред. Е.Е. Юровской и И.М. Кривогуза. М.: Высшая школа, 1998. С. 5–7.

5. *Курилла И.[И.]* Критерии оценки: читая интервью Ярослава Кузьмина // Троицкий вариант — наука, 29 января 2013 г., № 2 (121). С. 8.

6. *Орлов А.А.* Начальный этап Английской революции XVII века: методические рекомендации по проведению семинарского занятия // Некоторые проблемы всеобщей истории и методика их изучения: сб. науч. и учебно-метод. работ кафедры всеобщей истории и теологии МГГУ им. М.А. Шолохова / Сост. И.Г. Жиряков. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 147–155.

7. *Савицкая Е.[В.], Чертыковцева Д.[Ю.]* Финансирование и качество школьного образования: эконометрический подход // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 113–129.

8. *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе 1848–1918. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 644 с.

References

1. Gosudarstvennaya programma goroda Moskvy' na 2012–2016 gg. Razvitie obrazovaniya goroda Moskvy' («Stolichnoe obrazovanie»). Osnovny'e polozheniya.

Tematicheskoe prilozhenie k zhurnalu «Vestnik moskovskogo obrazovaniya». M.: Centr «Shkol'naya kniga», 2011. 50 s. – URL:// http://www.educom.ru/ru/documents/target_grant/razrab/Programma_st_obr.pdf.

2. *Zubanova S.G.* Kommunikativnaya kompetenciya v formirovanii professional'noj kul'tury studentov gumanitarnogo profilya // Problemy filologii: yazyk i literatura. 2010. № 2. S. 109–114.

3. *Ivanova S.V.* Cennost' tvorchestva i formirovanie kreativnosti u shkol'nikov kak gosudarstvennaya i social'no-pedagogicheskaya zadacha. (Tezisy vy'stupleniya 8 fevralya 2012 g.) // Sajt «Laboratoriya obrazovatel'ny'x texnologij». Opublikovano na sajte 24.02.2012 g. URL:// <http://www.trizway.com/art/form/363.html>.

4. *Krivoguz I.M.* Vvedenie // Novaya istoriya stran Evropy i Ameriki. Pervyj period. Uchebnik po special'nosti «Istoriya» / Pod red. E.E. Yurovskoj i I.M. Krivoguza. M.: Vysshaya shkola, 1998. S. 5–7.

5. *Kurilla I.[I.]* Kriterii ocenki: chitaya interv'y u Yaroslava Kuz'minova // Troiczkij variant — nauka, 29 yanvarya 2013 g., № 2 (121). S. 8.

6. *Orlov A.A.* Nachal'nyj e'tap Anglijskoj revolyucii XVII veka: metodicheskie rekomendacii po provedeniyu seminarskogo zanyatiya // Nekotorye problemy vseobshhej istorii i metodika ix izucheniya: sb. nauch. i uchebno-metod. rabot kafedry vseobshhej istorii i teologii MGGU im. M.A. Sholoxova / Sost. I.G. Zhiryakov. M.: MGGU im. M.A. Sholoxova, 2010. S. 147–155.

7. *Saviczkaya E.[V.]*, *Cherty'kovceva D.[Yu.]* Finansirovanie i kachestvo shkol'nogo obrazovaniya: e'konomicheskij podxod // Voprosy e'konomiki. 2013. № 4. S. 113–129.

8. *Te'jlor A.Dzh.P.* Bor'ba za gospodstvo v Evrope 1848–1918. M.: Izd-vo inostranoj literatury, 1958. – 644 s.

A.A. Orlov

On the Professional Motivation of History Students (Bachelor Degree) within the Discipline «History of the West in Modern Times»

The article posed an important issue of contemporary humanitarian teacher education in higher education - the weakening of interest of students (especially students of Moscow universitiesto professional activities. The author proposes to shape broader professional competence in history students . This would improve the quality of university teaching and, as a consequence, increase students' interest in learning. History graduates will be able to increasingly apply their skills in real life.

Keywords: contemporary humanities teacher education; higher education; history faculty of humanitarian universities; the professional motivation; humanitarian competence.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
ПУБЛИЦИСТИКА**

**Рецензия на монографию А.М. Сморчкова
«Религия и власть в Римской Республике:
магистраты, жрецы, храмы»
(М.: РГГУ, 2012. 602 с.)**

За последние двадцать лет имя Андрея Михайловича Сморчкова, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории Древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ приобрело широкую известность в научной среде. Он — автор ряда глубоких и интересных специальных работ в области истории религиозных и политических институтов Древнего Рима периода республики. Рецензируемый научный труд представляет собой минимально сокращенный¹ текст докторской диссертации А.М. Сморчкова и базируется на его многолетних исследованиях.

Монография состоит из введения (с. 7–34), четырех глав (с. 35–424), заключения (с. 425–437), примечаний (с. 438–577), библиографии (с. 578–600) и списка принятых сокращений (с. 601–602). Общий ее объем составляет более 35 печатных листов. Разумеется, в небольшой рецензии на столь объемное, можно сказать, фундаментальное исследование невозможно осветить всю совокупность рассматриваемых автором научных проблем. К тому же тему взаимодействия государственно-политических и религиозных институтов республиканского Рима в рамках монографического исследования в отечественной науке никто до А.М. Сморчкова не изучал. Не удивительно, что авторы первых уже появившихся рецензий, высоко и по достоинству оценив монографию в целом, остановились, главным образом, на тех научных проблемах, которыми занимаются сами [2–3]. Как представляется, наиболее дискуссионна в монографии А.М. Сморчкова государственно-правовая проблематика, а также некоторые концептуальные положения.

¹ Автор не включил в монографию систематизированный историографический обзор, но подробные историографические сведения даются в монографии по ходу изложения материала.

Главная цель исследования определяется автором как «комплексный анализ сакрально-политических сторон республиканского государственного устройства» (с. 12) на протяжении большого исторического периода — с V до сер. II вв. до н. э. (с. 17). При этом, как указывает А.М. Сморгков, «существование и взаимодействие сакральной и политической сфер в общественной жизни Древнего Рима представляло собой сложную систему, находившуюся в постоянном развитии» (с. 11). Согласно оценке ученого, развитие религиозных и политических институтов носило эволюционный характер, но с «революционными скачками». «Эти изменения, — отмечает он, — также являются предметом данного исследования, но основное внимание все же сосредоточено на выяснении принципов функционирования системы» (там же).

А.М. Сморгков, таким образом, ставит сложные и масштабные исследовательские задачи. Римская конституция была не писаной, судить о ней приходится на основе изучения и интерпретации государственно-правовых прецедентов и ситуаций, о которых сообщают древние авторы, а также на основе их прямых высказываний и оценок, нередко противоречивых. В связи с этим в основе исследования А.М. Сморгкова — нарративные источники, включающие кроме сочинений исторического характера также художественные произведения, труды римских юристов и эпитафические памятники (их обзор дается на с. 20–33). Источниковая база работы в высшей степени основательна, а скрупулезный и подробный анализ источников (включая зачастую анализ филологический) составляет ее самую сильную сторону.

Монография структурирована в соответствии с главной темой — «религия и власть». В ней, как указывает автор (с. 12), «четыре блока взаимосвязанных проблем», которым посвящены соответственно четыре главы. В то же время структура монографии и ее название находятся в строгом соответствии друг с другом. Первые две главы посвящены магистратам, третья глава — жрецам, четвертая — храмам.

В первой главе изучаются магистратские ауспиции¹ — один из самых своеобразных государственно-правовых и одновременно религиозных институтов Древнего Рима. Главная особенность римских ауспиций состоит в том, что это, по сути, религиозное суеверие в языческом Риме было возведено в ранг властной прерогативы — права на ауспиции. В первом параграфе (с. 35–39) А.М. Сморгков пишет о смысле и значении ауспиций. Он указывает, что в оценке «римской политической теории» и современных исследователей (с. 39) право на ауспиции «превратилось в полноценный синоним политической власти» (с. 12) и «лежало в основе прочих полномочий магистратов» (с. 35). Однако исследование сведений источников о магистратских ауспициях, предпринятое автором в этой главе, приводит его к иной оценке значения ауспиций.

¹ «Птичьи знамения», помогавшие выяснить волю богов, то есть получить предварительное одобрение богами предстоящего действия (или предостережение от него).

Прежде всего во втором параграфе главы (с. 39–63) А.М. Сморчков по-новому решает вопрос об «источнике магистратских ауспий»¹. Согласно господствующей точке зрения, магистрат получал право на ауспии на основании загадочного куриатного закона об империи. А.М. Сморчков приходит к обоснованному выводу, что магистрат получал право на ауспии «не через куриатный закон об империи, а уже в силу своего избрания на комициях» (с. 63). В третьем параграфе он выясняет, с каким этапом электоральных комиций могло быть связано наделение правом на ауспии, и обосновывает гипотезу о том, что магистраты получали это право в результате двух ауспикальных процедур — перед началом комиций и при объявлении победителей (с. 63–89). В четвертом параграфе рассматриваются различные конституционные ситуации, касающиеся смены высшей власти (с. 89–106). Особенно подробно изучены империи и ауспии консулов-суффектов². Некоторые из них сталкивались с ограничениями в отношении проведения электоральных комиций по избранию преемников, что А.М. Сморчков убедительно объясняет «ущербностью» их ауспий, а не империя. Изучение примеров досрочного сложения консулами полномочий, а также так называемого «обновления ауспий» показывает, что римляне стремились избежать получения новыми магистратами неполноценных ауспий (с. 105). В заключительном параграфе главы (с. 107–116) рассматривается вопрос о роли и значении ауспий в борьбе патрициев и плебеев. Как отмечает автор, ключевой вывод о получении права на ауспии в ходе электоральных процедур позволяет по-новому взглянуть и на этот вопрос (с. 107). А.М. Сморчков выступает против зафиксированного в источниках и принятого многими учеными мнения о том, что ауспии изначально принадлежали исключительно патрициям, а патрицианский характер магистратур, обладавших, в отличие от плебейских, правом на ауспии, объясняет длительной республиканской традицией монопольного их замещения патрициями.

Вторая глава монографии посвящена религиозным полномочиям республиканских магистратов и сакральному содержанию их власти. Однако прежде, в первом параграфе, А.М. Сморчков рассматривает ритуальную деятельность царей и сакральный характер их власти (с. 118–142). Особенно подробно и интересно проведен анализ обязанностей царя священнодействий (с. 124–131), жреческой должности, учрежденной уже при установлении республики. Это показывает, что к исходу царского периода царь воспринимался еще и как жрец. Вывод о жреческом характере царского сана подтверждается и анализом процедуры царской инаугурации (с. 134–138). При установлении республики, как доказывается в следующих параграфах главы, произошла некоторая утрата магистратской властью сакрального характера: как пишет А.М. Сморчков, «был совершен коренной переворот и в ее религиозном

¹ Точнее: о процедуре наделения магистратов данным правом, о чем речь пойдет ниже.

² Так назывались магистраты, избранные взамен выбывших до конца должностного срока.

“оформлении”» (с. 152). Это показывает исследование во втором параграфе религиозных полномочий консулов (с. 143–152) и диктатуры в третьем параграфе (с. 153–180). В заключительном параграфе главы исследователь обращается к изучению религиозных полномочий цензорской власти (с. 180–197). Он констатирует чрезвычайно высокий сакральный престиж данной магистратуры, называя это «парадоксом» (с. 181), поскольку действительно важной в сакрально-политическом отношении была лишь завершавшая ценз церемония *lustrum*, которая как раз подробно исследуется в главе.

Третья глава посвящена исследованию функций и значения наиболее политически значимых жреческих коллегий: авгуров, понтификов и жрецов священнодействий. В первом параграфе, информативном и имеющем концептуальное значение, дается общий анализ формирования и общественно-политического положения римского жречества в целом в эпоху царей и в период ранней республики (с. 201–226). Во втором параграфе (с. 226–263) рассмотрено авгурское учение, к которому нередко обращались при решении политических вопросов. Однако, как убедительно доказывает автор, авгуры занимали все же зависимое положение по отношению к магистратам. В третьем параграфе (с. 264–293) А.М. Сморчков выясняет общественно-политическое значение коллегии понтификов и ее главы. Вопреки оценке античной традиции, которой следуют многие современные исследователи, ученый доказывает, что в реальности их роль была намного скромнее, а влияние на политические вопросы минимально. А.М. Сморчков приходит к выводу, что «в рамках римской гражданской общины понтифики не имели самостоятельного политического значения» (с. 292). Интересен четвертый параграф главы, посвященный изучению роли верховного понтифика на выборах плебейских трибунов в 449 году до н. э. (с. 293–307). А.М. Сморчкова этот сюжет заинтересовал в связи с тем, что, согласно сообщению Ливия, избрание трибунов осуществил верховный понтифик, а это не согласуется с его выводами, сделанными в предыдущем параграфе. Детальное изучение ситуации позволило А.М. Сморчкову выдвинуть и убедительно обосновать гипотезу, что руководство выборами плебейских трибунов осуществил один из двух предводителей плебейского войска, а не верховный понтифик, который потребовался только для соблюдения сакральной стороны электоральной процедуры (с. 299–303). Наконец, в заключительном пятом параграфе А.С. Сморчков анализирует функции жрецов священнодействий (с. 307–323) и приходит к выводу о «прямой и явной зависимости» данной коллегии от политической власти (с. 322).

Четвертая глава посвящена изучению процедуры основания храмов, их публично-правовому статусу. Процесс основания храма проходил в Риме три этапа: обет (*votum*), выделение храмового участка (*locatio*) и посвящение (*dedicatio*). Первые три параграфа главы посвящены соответственно этим трем этапам. В первом параграфе (с. 326–343) рассматриваются случаи принесения магистратами обетов о строительстве храма и выясняется роль сената и гражданской общины при выполнении обетов. Во втором параграфе (с. 343–359) изучаются

условия выделения храмового участка. Автор по косвенным данным восстанавливает элементы процедуры *locatio*, выделяя четыре последовательных этапа. В третьем параграфе (с. 359–380) А.М. Сморгчов изучает завершающую стадию всего процесса — посвящение божеству построенного храмового здания, в том числе анализирует данные традиции о ряде законов, регулировавших эту процедуру. Четвертый параграф (с. 380–391) посвящен анализу примеров участия частных лиц, главным образом женщин, в учреждении общественных храмов. В пятом параграфе изучается экономическое положение и социальная роль храмов (с. 392–407). Ученый приходит к выводу, что «храмы в республиканском Риме не просто находились под контролем политической власти, а фактически являлись составной частью общественной собственности» (с. 407). В шестом параграфе (с. 408–424) изучаются формы правовой защиты священного имущества. Особое внимание уделено институту *sacrilegium* в Дигестах Юстиниана и случаям святотатства в изложении античной традиции.

Таким образом, на протяжении всей работы А.М. Сморгчов выясняет, что именно являлось приоритетным в едином комплексе религиозно-политической организации Римской республики: религиозные институты или политические? И на огромном материале убедительно показывает, что приоритет был за институтами политическими. Это концептуальное утверждение, конечно, никто оспаривать не станет, оно вполне ожидаемо. Тут важна оценка степени превалирования, так сказать, «власти» над «религией», а она в результате исследования А.М. Сморгчова оказывается намного большей, чем это представлялось многим исследователям (итоговые выводы четко сформулированы в заключении — с. 425–437). Право на ауспиции вовсе не «лежало в основе прочих полномочий магистратов». Как сказано в заключении к работе, «получение магистратом религиозных полномочий фактически зависело от получения им политических полномочий» (с. 426). «При возникновении магистратской власти¹ в начале Республики... был совершен коренной переворот и в ее религиозном оформлении. Был резко понижен по сравнению с царским ее сакральный статус» (с. 428). Римские жрецы, включая даже верховного понтифика, не имели никакого самостоятельного политического значения. Более того: «Не жрецы, а политические органы римской Республики представляли гражданский коллектив перед его богами и несли ответственность за соблюдение сакральных обязательств общины» (с. 433). При основании храмов руководящее значение имели политические органы власти, а не жрецы (с. 434–435).

А.М. Сморгчов в итоге нарисовал такую картину государственности Римской республики, что она едва ли не сопоставима с обликом некоторых современных государств. Не случайно и употребление на протяжении всей работы (как представляется крайне неудачное) определения «светский»: светская власть, светские лица, божественный и светский мир, светские дела, светская должность, светские полномочия императора (с. 38, 222, 224, 276, 428, 431, 433, 435).

¹ Либо неточное выражение, либо свидетельство того, что автор полностью отрицает преэминентность империя высших магистратов по отношению к империи царя.

В основе такого доминирующего превосходства политических институтов над религиозными, по концепции А.М. Сморчкова, лежит сам факт установления республики и изгнания царя, ведь он пишет: «В самом общем плане, на мой взгляд, исходные причины римского своеобразия в религиозно-политической сфере коренятся в процессах, обусловленных победой патрицианской аристократии над царской властью, а не победой плебса над патрициями» (с. 435).

Такой взгляд на развитие римского полиса представляется неверным, а становление и эволюция государственных и религиозных институтов Рима — это важная составляющая именно этого процесса. Полис, как известно, имеет две стороны: государственно-политическую (как город-государство, то есть властно-политическая организация, обладающая суверенитетом и устанавливающая правопорядок на определенной территории) и социальную (как гражданская община). Становление полисной государственности и развитие полиса как коллектива граждан было единым процессом.

А.М. Сморчков во введении предлагает собственную трактовку понятия полис — признаться, довольно неудачную. Он пишет: «Полис не идентичен государству (что, разумеется верно, поскольку полис — это еще и совокупность граждан), но как структура, тесно с ним связанная, определяет форму и особенности последнего» (с. 15). Итак, полис — не государство, а некая структура, связанная с государством и потому определяющая форму государства. Все это, мягко говоря, непонятно. Полис — это и есть государство (но в то же время и гражданская община), а формы политического устройства полисов были, как известно, разные (олигархия, демократия). На следующей странице дается не менее путаное определение полиса: «Полис — характерная для античности общинная форма организации политически господствующего слоя, включающая правящую верхушку и часть рядового населения государства», или в уточняющем варианте, «политически господствующая община полноправных жителей античного государства» (с. 16). В качестве универсального определения понятия «полис» данное определение явно не годится, поскольку не учитывает сложную проблему типологии полисов, причем в их историческом развитии. Как быть, например, с Афинами времени расцвета демократии? Кто там составлял «правлящую верхушку»? Но главное не в этом: в предлагаемом определении под полисом понимается только общественная организация (часть общества), а не государственная организация. Даже само слово «государство» включено в определение в значении «страна» или «территория».

Такое понимание полиса непосредственно связано с общей концепцией исторического развития полисных структур, предложенной в диссертации. Установление республики означало начало возведения некой новой, а именно, патрицианской государственности, но «правлящей верхушке» (патрициям) пришлось в дальнейшем поделиться политическими правами с частью рядо-

вого населения (плебеями), и таким образом возник полис. Для становления республиканской государственности, таким образом, решающим обстоятельством была победа патрициата над царской властью, а не плебеев над патрициями.

Но такой взгляд идет вразрез с утвердившимся в отечественном антиковедении представлением о формировании *civitas*. Во-первых, формирование *civitas* (как государственно-политической структуры, так и гражданской общины) начинается в царский период (решающим моментом в этом процессе были реформы Сервия Туллия). Включение плебеев в войско было важнейшим шагом на пути формирования *civitas*, так что изгнание царя было, скорее, реваншем патрицианской аристократии, а не решающим шагом к полису, ведь за политическое равноправие плебеям пришлось бороться не одно столетие, в то время как о борьбе плебеев с патрициями в царский период сведений нет (что и понятно). Кроме того, плебеи боролись не только за политические права, но и за доступ к *ager publicus*. Во-вторых, римская республиканская государственность явилась все же результатом этой борьбы, оформлялась в ходе ее, и потому включала в себя и плебейские магистратуры.

В-третьих, между царским и республиканским периодом был государственно-правовой и религиозно-политический континуитет, который А.М. Сморчков, как представляется, ставит под сомнение.

Последнее проявилось в первых двух главах монографии, посвященных государственно-правовым проблемам.

Так в заключительном пятом параграфе первой главы А.М. Сморчков пишет: «На мой взгляд, претензии патрициев на исключительное обладание общественными ауспициями имели своим источником традицию (длительное, практически монопольное исполнение патрициями общественных должностей), а не особую изначальную их связь с ауспициями» (с. 109).

В таком случае возникает вопрос: на каком основании патриции монополизировали магистратуры? Получается, что они просто захватили власть и явочным порядком, без каких бы то ни было правовых и религиозных оснований лишили плебеев права быть избранными, оставив за ними только право избирать. Они революционным образом присвоили себе империй и ауспиции, которые только с этого момента и стали приобретать патрицианский характер. Это как раз и ставит под сомнение государственно-правовой и религиозно-политический континуитет царского и республиканского периодов.

Однако основные государственно-правовые институты республики берут начало в царском периоде — комиции, сенат, магистратская власть (империй), также и ауспиции. Для римлян преемственность власти и ее сакрально-правовые основания значили очень много. А.М. Сморчков сам прекрасно это показал в четвертом параграфе первой главы. И его оригинальная концепция о получении права на ауспиции в ходе электоральной процедуры объясняет,

скорее, механизм передачи этого права. В заключении к работе так и сказано: «...можно говорить о передаче права на ауспиции, ибо было важно, кто организует этот акт» (с. 427). Но в основном тексте А.М. Сморгчов ставит акцент совсем на другом: наделение избранного магистрата правом на ауспиции он считает «источником» ауспиций и указывает, что право на ауспиции всякий раз появлялось заново в ходе электоральных комиций «точно так же, как «появлялся» новый магистрат» (с. 85; см. также с. 87–88). Выходит, и империй тоже возникал всякий раз заново. Однако «источник» ауспиций (как и империя) следует все же искать в Ромуловом Риме. Может, ауспиции были учреждены самим первым царем, как пишет Цицерон (r.p., II, 10, 17), а, возможно, «источником» всех ауспиций следует считать первые ауспиции, совершенные Ромулом и Ремом при основании Рима. Скорее всего, их патрицианский характер берет начало все же из царской эпохи.

Об этом все же свидетельствует институт интеррегнума, точнее, тот непреложный факт, что ауспиции «возвращались к patres». Отсюда не следует, что ауспиции принадлежали всем патрициям в целом, патрициям как сословию. А.М. Сморгчов это убедительно доказал, подробно разобрав, в частности, важные свидетельства Цицерона (с. 110–112, примечание 288 на с. 471–472). Право на ауспиции «возвращалось» патрицианской части сената, но эта процедура возникла в царский период, а не с установлением республики, так что связь права на ауспиции и патрицианских по происхождению магистратур — явление, которое должно было иметь более глубокие корни, чем якобы революционный захват магистратуры при установлении республики.

Как представляется, признание патрицианского характера права на совершенные ауспиции, то есть запрета на их совершение плебеями, не противоречит гипотезе А.М. Сморгчова о предоставлении права на ауспиции в ходе электоральных комиций. Просто следует считать, что таким образом право на ауспиции передавалось, но не возникало заново. Право на ауспиции как раз и было основанием монополии патрициев на власть. Патрицианская аристократия отказывала плебеям в занятии магистратур на том формальном основании, что она не желает передавать плебеям (возможно, из-за религиозных опасений) право на ауспиции, поскольку избрание означало бы и наделение ауспициями.

И институт интеррегнума тоже не противоречит выдвинутой и обоснованной гипотезе. Пусть не известно, как избирался первый интеррекс и были ли при этом обе ауспикальные процедуры, предоставлявшие ауспиции. Пусть в любом случае речь идет не об электоральных комициях. Но это и не важно, если не рассматривать ауспикальные процедуры в комициях как источник права на ауспиции, а понимать под этим только передачу данного права. Институт интеррегнума тоже связан с передачей ауспиций и империя.

В чем конкретно состоял патрицианский характер ауспиций, А.М. Сморгчов сам же во многом и объяснил в ходе исследования свидетельств Цице-

рона. Так, он пишет, что Цицерон, возможно, «имел в виду переход к *patres* права организовать безупречные с точки зрения ауспикального учения выборы новых магистратов, т. е. процедуру, в ходе которой будут предоставлены общественные ауспиции, — предоставлены не от *patres* в совокупности, а «от Юпитера» вследствие ауспикальных актов на электоральном собрании, руководимом интеррексом из числа *patres*» (с. 111). Большого и не требуется. Конечно же необходимо различать собственно ауспиции, которые, понятно, исходили «от Юпитера», а не от *patres*, интеррекса, консула или диктатора, и право на совершение общественных ауспиций, которое было непрерывным, как империй, и принадлежало изначально не патрициям, как сословию, а патрицианской части сената.

Во второй главе автор, возможно, излишне категоричен в своем концептуальном заключении о «десакрализации» консулата и диктатуры, но уже сам практически исчерпывающий охват имеющегося материала имеет немалое научное значение. Необходимо, правда, отметить, что А.М. Сморчков, до тонкостей изучивший религиозные полномочия магистратов, не исследует империй. На протяжении всей работы он пишет о разном объеме полномочий магистратов с империем — консулов, преторов, диктаторов (с. 60–61, 83, 85, 106, 173–175), об отличии магистратского и промагистратского империя (с. 55). Такое понимание сущности империя представляется неверным. Содержание понятия *imperiū* самым детальным образом исследовала В.В. Дементьева в работе, которую А.М. Сморчков указывает в библиографическом списке, но, к сожалению, не принимает во внимание [1]. Со своей стороны хотелось бы добавить, что империй был не только неделимым, но и единым для всех магистратов, которые были коллегами, но не составляли коллегий; поскольку при этом власть была равной у каждого магистрата, она не являлась «коллегиальной», так что, обладая одной и той же властью, коллеги могли интерцептировать друг против друга [4: с. 63–72].

Удалось ли А.М. Сморчкову выяснить принципы функционирования единой сакральной и политической системы римского государства? Во многом — да, хотя для полной картины, конечно, необходимо дополнительное изучение ряда важнейших институтов — по крайней мере, империя и плебейских магистратур. Можно выразить надежду, что А.М. Сморчков в своих дальнейших исследованиях к ним обратится. Но и то, что ему удалось сделать, является огромным вкладом в науку. Для полноценной полемики с его основными положениями было бы необходимо создать едва ли не равный по объему и охвату материала научный труд, который, наверняка, будет создан еще очень нескоро. После первых откликов и рецензий появятся научные исследования, затрагивающие те или иные концептуальные положения автора и частные проблемы, исследованные им в рамках общей темы «Религия и власть в Риме». Но отныне все авторы, обратившиеся к вопросам государственно-правового развития

Рима и римской религии, будут непременно опираться на диссертационное исследование А.М. Смorchкова. Его исследование можно по праву оценить как выдающийся труд, один из самых значительных и важных на современном этапе изучения римской истории.

Литература

1. *Дементьева В.В.* Магистратская власть в Римской республике: содержание понятия *imperiū* // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 46–75.
2. *Дементьева В.В.* Рецензия на монографию: Смorchков А.М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. 602 с. // Вестник древней истории. 2013. № 2. С. 210–214.
3. *Кoфанов Л.Л.* Рецензия на монографию: Смorchков А.М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. 602 с. // Вестник древней истории. 2013. № 2. С. 204–210.
4. *Михайловский Ф.А.* Власть Октавиана-Августа. М.: Русское слово, 2000. 207 с.

References

1. *Dement'eva V.V.* Magistratskaya vlast' v Rimskoj respubliki: sodержanie ponyatiya imperiū // Vestnik drevnej istorii. 2005. № 4. S. 46–75.
2. *Dement'eva V.V.* Recenziya na monografiyu: Smorchkov A.M. Religiya i vlast' v Rimskoj Respublike: magistraty', zhreczy', xramy'. M.: RGGU, 2012. 602 s. // Vestnik drevnej istorii. 2013. № 2. S. 210–214.
3. *Kofanov L.L.* Recenziya na monografiyu: Smorchkov A.M. Religiya i vlast' v Rimskoj Respublike: magistraty', zhreczy', xramy'. M.: RGGU, 2012. 602 s. // Vestnik drevnej istorii. 2013. № 2. S. 204–210.
4. *Mixajlovskij F.A.* Vlast' Oktaviana-Avgusta. M.: Russkoe slovo, 2000. 207 s.

Ф.А. Михайловский

Отвечая на вызовы времени

Научным итогам исследовательской работы, проводимой на кафедре всеобщей истории по одному из актуальных направлений общественной жизни страны — проблемам социализации подрастающего поколения, была посвящена конференция «Отвечая на вызовы времени (Молодежь в историческом процессе)», состоявшаяся 6 марта 2013 года. Для историков это — традиционная тема, которую они разрабатывают без малого уже два десятка лет, привлекая к сотворчеству коллег из других ВУЗов и общественных объединений. И на этот раз в подготовке конференции приняли участие представители Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, молодежного движения, Совета ветеранов 3-го гвардейского кавалерийского корпуса, Фонда имени М.Ю. Лермонтова, журналисты, ученые, студенты и аспиранты.

Конференция проходила под патронатом президента МГПУ, академика В.В. Рябова, выступившего с докладом «Растить граждан и патриотов», и директора Института гуманитарных наук профессора В.В. Кириллова. В основу дискуссий были положены также выступления заместителя председателя Российского союза молодежи А.Н. Троицкого («Рожденные в эпоху глобализации») и зав. кафедрой всеобщей истории МГПУ профессора Е.И. Хаванова («Кто ты, поколение Next?»).

В сообщениях, прозвучавших на круглом столе «Поколения на рубежах эпохи», доминировали исторические акценты. Директор Центра исторических исследований Б.А. Ручкин посвятил свой доклад историческому опыту ВЛКСМ, государственный советник Российской Федерации профессор А.Ф. Хутин — вопросам защиты нашей истории от искажений. Ветеран Великой Отечественной войны, профессор К.К. Шириня озаглавил свое сообщение предельно четко: «Судьба родины — выше индивидуальной судьбы». Профессор Российского геологоразведочного университета П.П. Ясковский рассказал о своем отце — немецком коммунисте, сотруднике Коминтерна,

участнике войны в Испании и Великой Отечественной войны против фашистской Германии.

На втором круглом столе ведущей была тема «Молодежь и гражданское общество, молодежь и Родина». Выступали руководитель отдела политики Фонда «Информатика для демократии» доктор политических наук Ю.Г. Коргунюк («Формы молодежной самореализации в политическом процессе современной России»), зам. зав. кафедрой всеобщей истории ИГН доцент А.Ф. Рагимова («Молодежь СНГ: проблемы единения»), председатель общественной молодежи палаты Москвы В.А. Сафиулин («Молодежь и парламентаризм: из опыта Москвы»), президент студенческого политклуба МГПУ «Открытая трибуна» Г.С. Иванов («Студенты и политика»). В дискуссии участвовали студенты и аспиранты.

По итогам конференции были приняты рекомендации по совершенствованию воспитательной работы с молодежью. Издается сборник материалов.

Е.И. Хаванов

АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2013, № 2 (12)

Барабанов Максим Валерьевич — кандидат исторических наук, докторант кафедры зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (maxim112007@yandex.ru)

Ершова Тамара Витальевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Ershova@mgpu.ru)

Жиряков Иван Георгиевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (ivan1948@yandex.ru)

Копоть Евгений Михайлович — старший преподаватель кафедры отечественной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (jenius1@yandex.ru)

Краюшкина Елена Игоревна — аспирант кафедры истории России Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (lenakrayush@yandex.ru)

Михайловский Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ (f.mikhailovsky@yandex.ru)

Мозгунов Андрей Александрович — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (andre-mozguno@yandex.ru)

Орлов Александр Анатольевич — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова (arkigolkin@yandex.ru)

Рагимова Афат Фируддиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГПУ (ragimova.afa@mail.ru)

Сучков Игорь Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Suchkov@mgpu.ru)

Тороп Валерия Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин МИОО (Togor@mgpu.ru)

Хаванов Евгений Иванович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ (Khavanov@mgpu.ru)

Шевцов Вячеслав Вениаминович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Томского государственного университета (totleben@yandex.ru)

**Authors / МСТТУ Vestnik,
Series «Historical studies», 2013, № 2 (13)**

Barabanov Maksim Valerievich — Ph.D. in History, doctoral candidate of World History department, Sholokhov MSHU (maxim112007@yandex.ru)

Ershova Tamara Vitaljevna — Doctor of History, full professor of History of Russia department, МСТТУ (Ershova@mgpu.ru)

Zhiryakov Ivan Georgievich — Doctor of History, full professor, head of World History department, Sholokhov MSHU (ivan1948@yandex.ru)

Kopot Evgenii Mikhailovich — assistant professor of History of Russia department, Sholokhov MSHU (jenius1@yandex.ru)

Krayushkina Elena Igorevna — Post-graduate of History of Russia department, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (lenakrayush@yandex.ru)

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, full professor of World History department, МСТТУ (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Mozgunov Andrey Aleksandrovich — Post-graduate of History of Russia department, МСТТУ (andre-mozguno@yandex.ru)

Orlov Aleksandr Anatoljevich — Doctor of History, full professor of World History department, Sholokhov MSHU (arkigolkin@yandex.ru)

Ragimova Afat Firuddinovna — Ph.D. in History, Associate Professor of World History department, МСТТУ (ragimova.afa@mail.ru)

Suchkov Igor Viktorovich — Doctor of History, full professor of History of Russia department, МСТТУ (Suchkov@mgpu.ru)

Torop Valeriya Valerjevna — Ph.D. in History, Associate Professor of Social-humanitarian disciplines department, MIOE (Torop@mgpu.ru)

Havanov Evgenii Ivanovich — Doctor of History, full professor, head of World History department, МСТТУ (Khavanov@mgpu.ru)

Shevtcov Viacheslav Veniaminovich — Ph.D. in History, Associate Professor of History of Russia department, Tomsk State University (totleben@yandex.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 2 (12), 2013

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
Е.П. Карезина
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГБОУ ВПО МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать 16.10.2013 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 8,25 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.